

Моей жене
Людмиле Николаевне,
урожденной Малыгиной,
посвящается

ОБ АВТОРЕ

Большинству северян Владимир Николаевич Булатов известен прежде всего как ректор Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова, автор многочисленных работ по истории и культуре нашего края. Но не только в научных библиотеках и архивах черпает он материалы для главной своей темы — истории освоения поморами морей, побережий и островов Северного Ледовитого океана.

В 1988 году В.Н.Булатов был в числе пятнадцати архангелогородцев, пришедших на яхтах "Архангельск" и "Борей" в Северную Норвегию тем же путем, которым плавали сюда поморские кочи. Эта поездка ознаменовала начало принципиально нового этапа в отношениях между северными соседями, которые сегодня переросли в самое тесное сотрудничество.

Интерес к истории освоения поморами Земли Франца-Иосифа, работа с уникальными архивными документами побудили ученого принять участие в советско-норвежской экспедиции на этот арктический архипелаг. Одним из главных результатов этой экспедиции 1990-го года стала находка зимовки Ф.Нансена. Но за смелость и риск приходится платить. Серьезная травма, которую Владимир Николаевич получил незадолго до окончания похода, едва не стоила ему жизни. Надолго запомнится ему и встреча с огромной белой медведицей, настроенной весьма агрессивно. На фотографии, которую мы помещаем в этой книге, В.Н.Булатов запечатлен в тот момент, когда его, с раздробленной рукой, готовили к эвакуации на вертолете. Докторскую диссертацию он защищал, закованным по пояс в гипс...

Видимо, еще и потому так дорога и близка профессору Булатову тема освоения Сибири поморами, что и самому ему известны тяготы и радости дорог путешественников.

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

**ВЛАДИМИР
БУЛАТОВ**

**Русский
декер**

КНИГА ВТОРАЯ

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА
(XV-XVII вв.)

АРХАНГЕЛЬСК

Издательство Поморского государственного университета
имени М.В.Ломоносова

1998

Поморский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова
БИБЛИОТЕКА

УДК 947.04/
ББК 63.3(2Р31)
Б-907

Рецензенты: кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Поморского государственного университета **А. А. Куратов**, доктор философских наук, заведующий кафедрой культурологии и религиоведения профессор **Н. М. Теребихин**

Печатается по решению
редакционно-издательского совета Поморского университета

Булатов В.Н.

Б 907 РУССКИЙ СЕВЕР. Книга вторая: Встречь солнца (XV-XVII вв.) — Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1998. — 352 с.

ISBN 5-88086-156-2 (Кн. 2)
5-88086-138-4

Вторая книга трилогии "Русский Север" — "Встречь солнца" — посвящена истории освоения Сибири нашими предками — выходцами из городов и деревень Северной Руси, тому огромному вкладу, который внесли северяне в общегосударственное дело открытия и заселения бескрайних сибирских просторов. Научно-популярный характер издания позволяет рекомендовать его не только преподавателям высшей и средней школы, студентам и школьникам, но и самому широкому кругу читателей — всем, кто интересуется историей родного края.

ББК 63.3 (2Р31)

ISBN 5-88086-156-2 (Кн. 2)
5-88086-138-4

© Булатов В.Н., 1998
© Каймов Р.С. Оформление, 1998
© Издательство Поморского государственного университета, 1998

ОТ АВТОРА

НОГО лет назад судьба историка-исследователя забросила меня в далекий от Архангельска Хабаровск. Конечно, я знал, что этот город назван так в честь знаменитого северного землепроходца Ерофея Хабарова. В один из летних солнечных дней, после напряженной работы в местном архиве, гуляя по старинному дальневосточному городу, я подошел к огромной каменной стеле, на которой были высечены имена нескольких тысяч хабаровчан, погибших в годы Великой Отечественной войны. Читаю их фамилии: "Анциферов, Башмаков, Ванюков, Елфимов, Малыгин, Пинежанинов, Ружников, Фомин, Шубин..." Эврика! Да ведь все эти имена мне знакомы. И я тогда сделал для себя "открытие", что Ерофей Хабаров был не единственным северянином—первопроходцем Сибири и Дальнего Востока. Позднее, работая над темой "встречь солнца"¹, я узнал, что задолго до моего "открытия" ученые-сибиреведы пришли к единодушному мнению, что первоначальное открытие и освоение сибирской "украины" всецело принадлежит выходцам с Поморья.²

Вспоминая детство и школьные годы, я ловлю себя на мысли о великом предназначении учителя, о его влиянии на судьбы юношей и девушек, "обдумывающих житье". Мне повезло: любимыми предметами в школе у меня были история

¹ Встречь солнца" — древнерусский оборот, означающий движение на восток.

² В настоящей работе мы употребляем топоним "Поморье" в его наиболее широком значении — как собирательное название земель Русского Севера.

и география. О своей школьной учительнице истории Э. Н. Григорьевой я уже писал в первой книге о Русском Севере.

Сейчас мне хочется тепло вспомнить своего учителя географии Александра Николаевича Кошкина — фронтовика, педагога и путешественника. Благодаря ему мы познали историю и географию нашей "малой родины", а какие были у нас туристические походы и слеты, беседы и песни у костра... Я благодарен своим учителям, которые определили мой дальнейший жизненный путь.

И все же я хочу заметить, что знания об истории, географии нашей страны и края накапливаются постепенно. В жизни городов, деревень и населения Поморья были взлеты и падения, в отличие от жителей других регионов страны поморы дорого заплатили за свою свободу и демократические порядки, нередко здесь проливалась кровь, а униженное, жалкое состояние многих северян в настоящее время стало очевидным. Но это наша история, и от нее никуда не уйти. А. С. Пушкин написал: "...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал". Под этими словами подпишется каждый честный человек, который дорожит своей Родиной, своим Отечеством, родным краем.

Хотелось бы упомянуть еще об одном "открытии", которое я сделал для себя в студенческие годы, уже заканчивая историко-филологический факультет Архангельского педагогического института имени М.В. Ломоносова. Размышляя о школьных годах, я вспоминал, как на уроках истории и географии мы прилежно изучали путешествия великих западноевропейских мореплавателей, открытия Колумба, Магеллана, Васко да Гамы. И это правильно, каждый образованный человек должен знать об этих великих географических открытиях. Мы знаем о Писарро, Кортесе, Веспуччи и других покорителях новых стран и народов, а многие ли современные школьники и студенты слышали о подвигах "письменного головы" устюжанина Василия Даниловича Пояркова, сотника пинежанина Семена Ивановича Дежнева, атамана устюжанина Ерофея Павловича Хабарова по прозвищу Святитский, тор-

гового человека и полярного морехода двинянина Кондратия Курочкина, правителя русской Аляски каргопольца Александра Баранова?

Скорее всего, многим придется ответить на этот вопрос отрицательно. А жаль. Начатое Ермаком и его дружиной в 1581—1582 годах движение через Урал на восток завершилось спустя шестьдесят лет на берегу Тихого океана. Это было поистине грандиозное и величественное событие мировой истории, а русские люди, прежде всего уроженцы Русского Севера, совершили великий географический подвиг, пройдя на кочах и лодках, пешком и на лыжах, оленях и собаках свыше семи тысяч километров по арктическим морям, тайге и тундре, открыв всему миру такие крупнейшие сибирские реки, как Обь, Енисей, Лена, Колыма и Амур. Эта гигантская страна, в полтора раза превосходящая по размерам Европу, вошла в состав молодого Русского государства, а Россия с этого времени стала не только европейской, но и азиатской державой. С открытием и освоением Русской Аляски Россия вышла и на Американский континент.

Роль этого события в мировой истории признают и иностранные ученые и исследователи. Известный английский профессор Дж. Бейкер, говоря о подвигах русских землепроходцев, написал так: "Продвижение русских через Сибирь в течение XVII века шло с ошеломляющей быстротой. Успех русских отчасти объясняется наличием таких удобных путей сообщения, какими являются речные системы Северной Азии, хотя преувеличивать значение этого фактора не следует, и если даже принять в расчет все природные преимущества для продвижения, то все же на долю этого безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ".¹ Достоянная оценка труда наших соотечественников и земляков.

Русские географические открытия XVI—XVII веков являются составной частью мировых. В то же время западно-

¹ Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. — М., 1950. — С. 231—232.

европейские открытия и завоевания Индии, Африки и Нового Света коренным образом отличаются от присоединения Сибири к России. В первом случае происходило колониальное порабощение, а нередко и физическое истребление целых народностей, к примеру, племен ацтеков и инков в Америке. Совсем другое наблюдалось при присоединении Сибири, Дальнего Востока и Русской Аляски. Правда, не нужно представлять движение "встречь солнца" в идиллических красках. С народами, населявшими эти земли, случались у русских и военные столкновения, лилась с обеих сторон кровь, но это были лишь редкие и печальные эпизоды нашей истории. Русский землепроходец, крестьянин, торговый человек всегда старался найти общий язык с местным населением, перенимая сибирские навыки охоты, рыбного промысла и в то же время обогащая аборигенов своей культурой в широком смысле этого слова. В этой книге читатель найдет много фактов сближения русского народа с местным населением Сибири и Дальнего Востока.

Я всецело поддерживаю мнение крупнейшего специалиста по истории Арктики профессора М. И. Белова о необходимости «отбросить как вымысел утверждение о том, что русских интересовал в Сибири только "ясак"». ¹ Открытие Сибири, Дальнего Востока и Аляски сопровождалось повсеместно промысловым, сельскохозяйственным освоением края и заселением его русскими людьми. В XVII веке только с Русского Севера, из Поморья, ушло в Сибирь свыше сорока процентов населения. Поморы несли в "новые земли" навыки и опыт земледелия, ремесел, культуры и традиций. ²

¹ Ясак (тюрк.) — в России XV—XX вв. натуральный налог с народов Сибири и Севера, главным образом пушниной.

² Колесников П.А. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграции поморского населения в XVI—нач. XVIII в. Миграция северного крестьянства в XVI—нач. XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. — Вологда, 1970. — Вып. 1. — С. 182—196, 353—374; Он же. Вклад Русского Севера в материальную и духовную культуру России. // Холодный дом России. — Архангельск, 1996. — С. 10 и др.

Об истории присоединения и освоения Сибири написаны сотни книг и статей. Несмотря на огромную исследовательскую работу, проделанную в этой области учеными дореволюционной России и современными историками разных поколений, еще остается много спорных и нерешенных вопросов. Оживленные дискуссии специалистов охватывают чрезвычайно широкий круг тем: в каком отношении друг к другу находились четыре силы: московское правительство, Строгановы, дружина Ермака, поморские мореходы и землепроходцы? Которой силе принадлежала инициатива походов в Сибирь? Какова хронология похода Ермака, его происхождение? Имело ли место "призвание" Ермака Строгановыми? В чем состояла истинная роль крупнейших российских купцов, поморских промышленников, крестьян в завоевании и освоении Сибири? Является ли поход Ермака рубежом, определяющим время присоединения Сибирского ханства к России? Можно назвать десятки других вопросов, привлекающих внимание историков и других специалистов, вызывающих жаркие споры и нередко диаметрально противоположные и взаимоисключающие суждения. Большой вклад в изучение многогранной проблемы присоединения Сибири и Дальнего Востока внесли Г. Ф. Миллер, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, С. И. Платонов, С. В. Бахрушин, Л. С. Берг, А. И. Андреев, А. В. Ефимов, А. А. Введенский, В. Ю. Визе, Н. В. Устюгов, М. П. Алексеев, М. И. Белов, А. А. Преображенский, В. А. Александров, П. А. Колесников, Р. Г. Скрынников, А. И. Алексеев, Н. Н. Болховитинов и многие другие. Компасом в огромном мире публикаций послужат для читателей историографические работы профессоров А. И. Андреева, С. В. Бахрушина, В. Г. Мирзоева, Н. А. Миненко, М. Б. Шейнфильда и многих других.¹

¹ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. — Вып. 1 — XVII в. М., 1960; Вып. 2 — XVIII век (первая половина). М., 1965; Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 1 — С. 17—71; Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе. М., 1960; Миненко Н. А. Историография Сибири (период феодализма). — Новосибирск, 1978; Шейнфильд М. Б. Историография Сибири. — Красноярск, 1973 и др.

Данное издание является продолжением первой книги "Русский Север" — "Заволочье" — и адресовано как широкому кругу читателей, так и учителям школ, преподавателям вузов, студентам, школьникам.

Автор далек от мысли, что все аспекты многогранной истории открытия и освоения Сибири освещены в полном объеме: некоторые положения, возможно, имеют спорный характер. Буду признателен читателям за все замечания, дополнения и отзывы.

* * *

Вначале, дорогой читатель, уточним наименования, которыми нам придется пользоваться. Сибирь, Дальний Восток, Даурия, Заносье — каждое из этих названий закреплялось за определенной территорией в определенную эпоху. Что означает название "Сибирь"? У современного читателя оно чаще всего ассоциируется с понятием "Север" и его приметами: снегом, метелями, морозом; что отразилось, например, в стихах поэта А. Твардовского: "Как свист пурги. — Сибири!". Многие ученые и исследователи связывают это необычное название с этнической группой предков древних угров, получившей наименование "сибир" ("сипыр"). Как бы то ни было, но распространение названия "Сибирь" на всю территорию Северной Азии было связано с продвижением наших предков за Урал с конца XVI века. Гигантскую страну Сибирь определяют как часть Азии от Урала до черных хребтов побережья Охотского моря, от шельфа Северного Ледовитого океана до казахских степей и Монголии. В XVII веке понятие "сибирской уkraine" охватывало гораздо более значительную территорию: в нее включались уральские и дальневосточные земли. Начиная с XVIII—XIX веков, Сибирь разделяется на Западную и Восточную (Сибирский Восток), а к началу XX века из нее выделяется и Дальний Восток.

На реке Амуре русские землепроходцы столкнулись с даурами и дючерами, жившими в ее верхнем и среднем течении. Эти народы различались по языку: первые принадлежали к монгольской, а вторые — к тунгусо-маньчжурской

группе. Так в русском лексиконе появилась страна Даурия, лежащая на верхних берегах "Амура-батюшки".

С великой реки Лены поморские мореходы-проникли на Колыму. Их походы на северо-восток Азии носили название "ходить в Заносье", то есть за Чукотский мыс, или "Нос". Название "Заносье" имело совершенно определенный географический смысл и обозначало территорию от Большого Каменного Носа до Камчатки.

В 30-х годах XVII века поморы и служилые люди в поисках "новых земель" впервые вышли к Ламскому (Охотскому) морю, то есть достигли северо-западной части Тихого океана. Далее следовали открытия Алеутских и Курильских островов, Камчатки, Сахалина и, наконец, Северной Америки — Русской Аляски.

Особо следует выделить морской поход Ф.А. Попова и С.И. Дежнева, которые прошли "Анианским" (Беринговым) проливом, открыв "великий северный угол" — "Tabin", известный еще в античном мире. М.В. Ломоносов считал эту экспедицию крупнейшим мировым географическим событием, подчеркнув: "Сею поездкой несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий"¹.

* * *

Проникновение русских в Сибирь до сих пор в сознании современников нередко связывается лишь со знаменитым походом Ермака, хотя история сношений русских с Сибирью уходит своими корнями в глубокую древность и мы вряд ли сегодня сможем точно установить ее начальный период. Наиболее ранние свидетельства о том, что русские не только слышали о Сибири, но и бывали в ней, относятся еще к XI и началу XII века. Летопись мудрого монаха Нестора сообщает под 1096 довольно путанный, перемешанный с фантастическими географическими сведениями рассказ новгородца Гюраты Роговича о странствии посланного им отрока в

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1934. — Т. 6. — С. 448—449.

Югорскую землю. Новгородская летопись повествует, под 1114 годом: "Еще мужи старые ходили за Югру и Самоядь".¹

В XIII—XIV веках новгородцы уже довольно хорошо знали северо-западную Сибирь, где успешно вели торг и облагали при случае местные народы данью. В 1483—1488 годах, то есть за сто лет до Ермака, Московское княжество осуществило не только формальное, но и фактическое завоевание Югорской земли. Московская рать совершила грандиозный поход по рекам Тавде, Иртышу и Оби. В 1499 году московские воеводы провели повторный "подтвердительный" поход. При царе Василии III сбор ясака (дани) носил настолько регулярный характер, что Югорская земля была уже разделена на два "округа". — Обдорию и Кондию. В 1555 году земли сибирско-татарского князя Едигея (предшественника хана Кучума) вели переписку с московскими дьяками.²

И все-таки не случайно народное сознание связывает именно с походом ермаковой дружины начало стремительного проникновения русских в Сибирь, включение ее в состав Московского государства.

Вначале обратим внимание читателя на факт, на первый взгляд второстепенный, но в действительности очень существенный и важный.

В доермаковский период пути и дороги русских в Сибирь лежали через земли Русского Севера: бассейны рек Северной Двины, Печоры и Мезени, в обход враждебного в то время Казанского ханства. Лишь со второй половины XVI века с падением Казани исчезло препятствие, запиравшее наиболее прямой и короткий путь на Северный и Средний Урал по реке Каме. Это стало исходным плацдармом для "покорения Сибири", в корне менявшим все географические и стратегические предпосылки народного движения "встречь солнца", за "Камень". (Урал).

¹ Бондарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. — М., 1947. — С. 18—19.

² Покшиевский В. В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). — Иркутск, 1951. — С. 23.

Приуральские владения крупнейших российских купцов и промышленников Строгановых — "государство в государстве" — стали исходной базой для продвижения русских на восток.

Проникновение поморов в страны, лежащие за Обью и Енисеем, шло двумя путями: по сибирским рекам и волокам, а также Северным морским проходом от устья до устья рек, впадающих в Ледовитый, а затем и в Тихий океан. По обоим направлениям движение "встречь солнца" совершалось практически одновременно. Зачастую землепроходцы и мореходы комбинировали тот и другой способы передвижения.

В чем причины упорного и настойчивого продвижения русских на восток? Какие силы заставляли сотни и тысячи северян оставлять свои родные места и отправляться все дальше "встречь солнца"? Почему это грандиозное народное движение приобрело широкий размах с конца XVI столетия?

Исчерпывающими ответами на все эти непростые вопросы в настоящее время историко-географическая наука не располагает. И все же попытаемся выявить главные причины народного продвижения в восточные земли. В этом нам поможет большой знаток истории Сибири Н.И.Никитин.¹

Русская пушнина (главным образом соболь) издавна находила практически неограниченный спрос за границей, но во второй половине XVI столетия поставляющие основную часть "мягкой рухляди" Печорские и Пермские земли стали "испромышляться", в то время как на внутреннем и особенно на внешнем рынках спрос на пушнину увеличился в связи с установлением торговых отношений со Скандинавией и Западной Европой через Белое море. Возникновение Архангельска — первого порта России, колыбели торгово-промышленного флота — только способствовало процветанию коммерции. Включение в состав Русского государства всего волжского пути открыло огромные возможности внешней торговли с Персией, Ираном и другими среднеазиатскими и восточными странами. А по главной торговой улице Поморья — Северной Двине — под парусами и на веслах шли к

¹ Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. — М., 1987. — С. 19—23.

единственному тогда "окну в Европу" тысячи судов: "насады", "дошаники", "каюки", "облазы" и даже плоты.

Сибирь с ее неисчислимыми пушными богатствами привлекала к себе прежде всего охотников до "соболиных мест", а ими, помимо служилых людей, являлись торговые и промышленные люди. Они разведали пути в Сибирь, и они же в первую очередь воспользовались результатами походов "государевых ратей".

В свою очередь государство было заинтересовано в пополнении своего бюджета за счет "пушной" торговли. Сумма государственного дохода от продажи мехов в начале 1660-х годов в соотношении с общегосударственным доходом приводится Григорием Котошихиным, хорошо осведомленным чиновником, подьячим Посольского приказа, который в 1664 году бежал в Швецию. Он утверждал, что ежегодный государственный доход Московского царства составлял 1311000 рублей, за исключением доходов с сибирских мехов. Общая стоимость сибирских пушных богатств, как он полагает, превышала 600 000 рублей. Это означает, что в начале 1660 годов она составляла одну треть общегосударственного дохода. Позднее точность этих цифр ставилась под сомнение историками П.Н. Милюковым и Р. Фишером.¹

Российские ученые также считают, что Сибирь приносила царской казне огромный доход. В 1680 году таможенные и кабацкие сборы, ясак, доход с десятинной пашни, неокладные сборы составляли 143 610 рублей или 10,8 процентов годового государственного дохода. За 1698—1699 годы казна получила только одних соболиных шкурок в результате ясачного и таможенного сборов около 1 200 сороков (48 тысяч шкурок соболя).²

Контингент первых переселенцев был довольно пестрым. Кроме издавна отправлявшихся на восток "своею охотою"

¹ Вернадский Г. В. Московское царство. — Тверь; М., 1997. — Ч. 2. — С. 66—69.

² Александров В. А., Чистякова Е. В. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) // Вопросы истории. — 1959. — № 2. — С. 133.

поморских промышленников, в Сибирь шли посланные царской волей служилые люди, которые и составляли длительное время основную массу постоянного русского населения в новом краю. Но московское правительство отправляло за "Камень" не только ратных людей. У русских государственных правителей относительно Сибири, видимо, имелись далеко идущие планы. Вряд ли в Москве могли, в частности, остаться равнодушными к слухам о близости к восточным русским пределам Индии и Китая, прямая торговля с которыми дала бы огромные выгоды. Все большую потребность испытывало растущее Русское государство в драгоценных металлах и иных полезных ископаемых, которые были найдены в Сибири.

Но, конечно же, не одна "государева воля" и не только лишь жажда наживы двигали отправлявшимися в Сибирь людьми. Уходя на новые земли, массы "черного люда" пытались избавиться от растущего гнета и феодального произвола, искали лучшие условия для хозяйствования. Московское правительство постепенно увеличивало тяжесть податного обложения поморских черных земель. Упомянем об одном таком мероприятии. При ликвидации системы кормлений в 50-х годах XVI века наместничий и прочий корм заменялся единым "окупом", идущим в казну. Земская уставная грамота Двинской земли определила размер этого окупа в двадцать московских рублей с большой московской сохи.

Сравнение земской Важской грамоты (1552 г.) с наместничьей Онежской (1536 г.) свидетельствует об увеличении размера окупа по отношению к стоимости корма в семь раз. Стремление охватить все двинские черные земли податным обложением, сделать его более тяжелым хорошо прослеживается на протяжении всего XVI века.¹ Крепостнический курс правительственной политики, рельефно выраженный в законодательстве и практической деятельности царизма после Соборного Уложения (1649 г.), встретил отрицательную реакцию крестьян Поморья. В XVII веке в еще большей мере усилился налоговый

¹ Покровский Н. Н. Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). — Новосибирск, 1969. — С. 13.

гнет на черносошные северные земли, что способствовало социальному расслоению поморского крестьянства.

По государственному указу в сибирские города переводились пашенные крестьяне, ремесленники, среди которых было много кузнецов, частью являвшихся одновременно и рудознатоками.

Помимо "государевых людей" уже с первых лет освоения сибирской Украины как "в службу", так и в "посад", и "в пашню" стали ссылать всякого рода преступников, а также "иноземцев" из числа военнопленных, последних главным образом "в службу".

Существовало две формы колонизации¹ Сибири: правительственная и вольная. Надо отметить, что обе ее формы базировались главным образом на миграциях из северных "черносошных" уездов. Ратных людей для службы в Сибири набирали прежде всего в поморских городах. Почти исключительно силами поморских выходцев осуществлялась и вольная колонизация.

Было бы неверно противопоставлять народную колонизацию правительственной. Последняя также осуществлялась силами простого народа с той лишь разницей, что инициатива в организации и проведении важных для освоения края мероприятий принадлежала правительственной администрации. Правительственная колонизация выражалась в сооружении городов и иных укреплений ("острожков"), в переводе "на житье" в Сибирь различных категорий населения, в организации казенной запашки, строительства дорог и мостов. В освоении Сибири наблюдалось тесное переплетение государственного и вольнонародного начал. Как справедливо заметил доктор исторических наук, профессор Н. В. Устюгов, "правительственная и вольная колонизация — два параллельных процесса, взаимно обусловленных, тесно связанных, немыслимых один без другого".²

¹ Термин "колонизация" употребляется в значении "заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель" (СЭС. — М., 1984. — С. 602).

² Устюгов Н. В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1961. — С. 67—68.

Факт первоначального заселения Сибири главным образом северорусским населением может на первый взгляд показаться непонятным. В XVII веке "встречь солнца", в поисках лучшей доли, уходили представители не самых угнетенных и закрепощенных, а наоборот, самых свободных, обеспеченных, образованных слоев трудового населения России. Этот факт твердо установлен на основе самого широкого круга источников — от сугубо исторических до лингвистических. К сожалению, широкому кругу читателей, в том числе и жителям Архангельской области, они почти не известны. Прочитав эту научно-популярную книгу, читатель сможет сам убедиться в непреложной истине и дать высокую оценку всем трудам сибиреведов, которые проделали поистине гигантскую историко-аналитическую и публицистическую работу. Можно только сожалеть, что многие эти труды выходили небольшими тиражами и малоизвестны широкими кругами общественности.

Движение в Сибирь северорусского населения объясняется рядом факторов: давним знакомством поморских промышленников с Зауральем, высоким экономическим потенциалом черносотного Севера, сильным развитием в Поморье промыслового и торгового предпринимательства. Этим факторам, как ни странно, способствовало, о чем говорилось выше, усиление в XVI—XVII веках налогового гнета, возникновение относительной земельной тесноты в ряде поморских уездов и городов. Большим стимулом для тех северян, кто "сшел", "съехал", "сбрел", "покинул", "разбрелся по уездам и в Сибирь", было сходство природных условий, а также географическая близость Поморья и Сибири, несмотря на гигантские расстояния.

Следует подчеркнуть такую важную особенность вольной колонизации, как ее "ползучий", "ступенчатый" характер. Крестьяне обычно двигались на новые земли как бы поэтапно; оседали вначале в ближайших к их прежнему месту жительства районах; затем оказывались в Восточной Сибири и, наконец, выходили на берега могучего Амура и побережье Охотского моря, туда, где "рождается солнце".

Меня всегда восхищали наши предки — поморы. Они первыми шли "встречь солнца", открывая Сибирь. Это были

люди особого склада: неприхотливые, выносливые, мужественные и любознательные. В пути по "землям незнаемым" и в студеное море они терпели великие лишения, ориентиром движения вперед был только восход солнца. За плечами у них был многовековой опыт дедов и прадедов, ходивших еще из вольного Новгорода на Восток. Именно, они первыми освоили "мангазейский морской ход", построили по всей Сибири "острожки", зимовья и городки, открыли великие реки Обь, Енисей, Лену, Колыму, Амур, вышли на побережье Тихого океана и наконец закончили свое движение "встречь солнца" уже на Аляске — в Русской Америке. Таким образом, благодаря подвигам землепроходцев и мореходов, Россия расположилась на трех материках: в Европе, Азии и Северной Америке.

Исследования российских историков достаточно убедительно показали роль поморского черносошного крестьянства в снабжении новой "государевой вотчины" продовольствием. Откроем фундаментальный пятитомный труд "История Сибири". В нем есть такое утверждение: "Одной из самых замечательных страниц истории освоения Сибири русским населением в XVII веке было создание им основ сибирского пашенного земледелия, превратившего позднее край в одну из основных житниц России".¹ Замечательные слова о подвиге русского крестьянина. Без ложной скромности подчеркнем, что земледельческую культуру принесли в Сибирь прежде всего жители Поморья.

Несомненно, не меньшей была роль поморского крестьянина и ремесленника в развитии сибирских промыслов и ремесел.

Вместе с производственными навыками и традициями северные крестьяне и ремесленники несли в восточные земли свою высокую по тому времени культуру и образование. Этому посвящена специальная глава в книге.

Многие читатели увидят в книге знакомые имена, фамилии. Это ваши далекие предки и родственники, которые навсегда ушли из Поморья в Сибирь. Надеюсь, что вы проявите

¹ История Сибири. — Л., 1968, — Т. 2. — С. 67.

интерес к своей богатейшей родословной. Настольной книгой для вас станет работа крупнейшего историка Севера, профессора П.А. Колесникова "Путешествие в Родословия".¹ Вы много узнаете о своей "малой родине", проникнете в тайны генеалогии, генофонда поморского народа, наследственности и изменчивости. Вашими консультантами могут стать преподаватели и студенты исторического факультета Поморского университета, работники областного и местных архивов.

А теперь, уважаемый читатель, вашему вниманию предлагаются фрагменты поморско-сибирской летописи XVII века. Прочитав книгу "Встречь солнца" до конца, вы еще раз сможете убедиться в том, что мы — наследники огромного богатства: истории нашего края.

¹ Колесников П. А. Путешествие в Родословия. — Вологда, 1997.

«ЧРЕЗКАМЕННЫЙ» ПУТЬ В СИБИРЬ

НАЧИНАЯ рассказ о легендарной Сибири, вначале попробуем выяснить, откуда возникло и что означает само это географическое название. Историки до сих пор не пришли к единому мнению на этот счет. Есть сторонники славянского, тюркского, монгольского происхождения топонима. Высказываются суждения о связи названия "Сибирь" со столицей Сибирского ханства и русским "Север" ("сивер").¹ Накоп-

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей.—Иркутск, 1936.—Т. 1.—Ч. II.—С. 87, 95.

ленные археологические, этнографические, фольклорные сведения и письменные источники позволяют нам связать происхождение этого слова с одной из этнических групп населения Прииртышья. Такой этнической группой, получившей название "сабир" ("сипыр"), были предки древних угров. Если первоначально слово "сибирь" было только этническим именем, то впоследствии оно перешло и на главное укрепленное поселение сабиров (сипыров) на берегу могучего Иртыша.

В первой половине XIII века монгольским военачальникам был известен народ "шибир" ("лесная чаща"). Со второй половины XII и особенно в XIV веке "Сибирь" уже широко употребляется как название определенной территории к северу от владения золотоордынских правителей. Как бы то ни было, но распространение названия "Сибирь" на всю территорию Северной Азии было связано с русским продвижением за Урал с конца XVI века.¹

Географическое название "Сибирь" было известно на Руси задолго до Ермака, плаваний поморов в Мангазею и даже до походов московских ратей за "Камень" в конце XV века. В летописи мы читаем: "Тое же зимы царь Шадибек убил царя Тахтамыша в Симбирьской земли". Это первая запись русских летописных памятников, которые упоминают название "Сибирь".² Написание "Симбирьская земля" вместо "Сибирская земля",

¹ Сергеев В. И. Происхождение и эволюция понятий "Сибирь" // Актуальные проблемы истории СССР. — М., 1979. — С. 3—17; Бояршинова З. Я. Об историческом значении слова "Сибирь" // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. — Новосибирск, 1981. — Вып. II. — С. 5—8; История Сибири. — Томск, 1987. — С. 3—4 и др.

² Лимонов Ю. А. Первое упоминание о Сибири в русских источниках // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. — Серия общественных наук. — Новосибирск, 1967. — № I. — Вып. I. — С. 115—116.

по мнению российских ученых, является ошибкой позднейшего редактора летописи...

В русских летописях мы первоначально встречаем загадочное слово "Югра", которое обозначало народ и территорию до Уральского хребта, впоследствии переместившиеся за "Камень".

Сибирь с ее несметными природными богатствами, суровой природой произвела уже при первом знакомстве на русского человека, проникшего за Урал, необыкновенное впечатление. Уральские горы — "камень превысочайший зело, яко досязати инем холмом до облак небесных" — стал как бы каменной границей между Северной Русью и Сибирью, которая была установлена "божьими судьбами... яко стена граду утверждена".¹

А вот как описал Сибирь "неистовый Аввакум", душа и сердце русского старообрядчества: "Горы высокая, дебри непроходимая, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову!". Его поразило обилие природных благ: "В горах тех... витают гуси и утицы — перие красное", а также "многое множество" других птиц. В Сибири "гуляют звери многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя!".²

Но, конечно, главным богатством Сибири была пушнина, которую называли "мягкой рухлядью". Издавна на Руси пушнина ("скора") была предметом торговли и обмена с другими народами, употреблялась в качестве подарков и вообще считалась богатством, о чем неоднократно упоминает Лаврентьевская летопись. В 945 году князь Игорь утвердил мир и отпустил византийских послов, одарив их "скорою и челядью и воском". Позднее

¹ Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 109—110; Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1955. — Т. III. — Ч. I. — С. 17.

² Житие протопопа Аввакума. — М., 1960. — С. 70.

княгиня Ольга обещала "челядь, воск и скору" в подарок византийскому императору.¹

В древних письменных русских источниках часто упоминаются белки, соболи и бобры. Соболи называются в числе вывозимых в восточные страны русских товаров и упоминаются во французском средневековом эпосе.²

В 1528 году султан Сулейман I посылал в Москву купца грека Андрея для закупки "платья соболья" и другой пушнины и просил русского царя Василия III оказать ему в этом содействие.³

Павел Иовий Новокомский писал, основываясь на рассказах русского посла в Риме Дмитрия Герасимова (1525 г.), что лучшие собольи меха "служат ныне для подкладки царского одеяния и для защиты нежных шей знатных женщин".⁴ К XVII веку, ради "теплоты шей" и убранства одежды боярынь, дворянок, других знатных особ царских и королевских семей, соболь был почти истреблен в европейской части России, но в Сибири его было еще много...

Исследование Сибири в государственном масштабе началось с крупного для своего времени разведочного предприятия. Откроем "Приложение к чертежной книге Сибири" знаменитого картографа и историка второй половины XVII — начала XVIII веков Семена Ремезова. На четвертой странице читаем: "Яко ж в древние лета, преже Ермакова взятия Сибири, в лето 7075, посыланы были с Москвы в Сибирь, по указу великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича,

¹ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. — Красноярск, 1972. — С. 69.

² Дробинский А. И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. — 1948. — Кн. 26. — С. 108.

³ Павлов П. Н. Указ. соч. — С. 71—72.

⁴ Новокомский Павел Иовий. Книга о московитском посольстве. — СПб, 1908. — С. 261.

всея Руси самодержца, атаман Иван Петров с подъячими и мурзы, Бурнаш Альшев с товарищи, 20 человек на восток и север для проведывания земель соседских царств и язык, орд и волостей, в каком расстоянии от Москвы и сколь далеко подлегли к Московскому государству..."¹

"Доезд", или, как сейчас принято говорить, "отчет", этой замечательной экспедиции пока не найден, некоторые российские исследователи даже сомневаются в том, состоялась ли она. Однако мы располагаем косвенными данными о том, что предприятие осуществилось.

Заслуживает доверия написанное в начале XVII века сочинение голландского купца Исаака Массы о покорении Сибири, в котором находим интересующие нас сведения. В царствование Федора Ивановича по инициативе Строгановых "в Самогедию" и в Сибирь была отправлена группа людей с посольскими задачами. "Им приказано было внимательно заметить все дороги, леса и места, которые встретятся им в пути, и спрашивать об их названиях, чтобы по возвращении представить об этом правдивый ответ". Русские "разведчики" проникли к самоедам и установили с ними дружеские отношения. "После этого, — пишет автор, — посланцы перешли реку Обь и продолжили свое путешествие почти на 200 морских миль в глубь страны по направлению к востоку и северо-востоку, видя многих редких животных, чистые источники, незнакомые травы и растения, красивые леса, также видели они самоедов различных племен... Все это они аккуратно и тщательно отмечали, чтобы иметь возможность по возвращении дать точный отчет обо всем".²

Возможно, что И. Масса имел сведения именно об этой экспедиции, о которой говорил С. Ремезов, а вполне вероятно, видел и самый ее "доезд".

¹ Ремезов С. У. Приложение к чертежной книге Сибири. — СПб., 1882. — С. 1.

² Скалон В. Н. Русские землепроходцы и исследователи Сибири XVII века. — М., 1951. — С. 8.

Много вопросов у историков и исследователей вызывают пути следования в Сибирь.

Давайте вместе совершим путешествие по древним дорогам, рекам и волокам в далекую сибирскую "украину".

Новгородцы, а позднее поморы в своем движении за Урал пользовались речным путем по Печоре, известным под названием "чрезкаменного" или просто пути "через Камень". Этот путь шел от Великого Устюга вверх по Выгегде до впадения в нее реки Выми, далее вверх по Выми и по ее притоку Тетере (Шом—Вуква) и по реке Повнохе. С верховьев Выми переходили "Вымским волоком" на Ухту, приток реки Ижмы, и спускались по Ижме до впадения ее в Печору. Близ устья Ижмы проходило соединение с одним важным разветвлением "чрезкаменного" пути, связавшим Печору с Мезенью, с Пинегой и с Двиною. Из устья Северной Двины можно было плыть морем вдоль берегов устья реки Мезени либо войти в устье реки Пинеги и подняться вверх до Пинежского волока, соединявшего Пинегу с рекой Кулоем. Здесь перетаскивали суда на Кулой и спускались вниз до впадения его в море, огибали мыс и входили в реку Мезень. Далее путь лежал вверх по Мезени до реки Пезы, до так называемого "Пезского волока". Пезский пятиверстный волок проходил до озера, из которого обычно шли рекою Рубихою в Чирку, приток Цильмы, впадающей в Печору.

От устья Цильмы и Ижмы "чрезкаменный" путь шел вверх по Печоре и далее по Усе. Из Усы входили в ее приток Собь и из Соби — в Елец, или Ель. Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой Соби, впадающей в реку Обь.

"Каменный волок", которым производился перевал через Уральские горы, прорывался семью озерами, в промежутках между которыми приходилось волочить суда и переносить товары и поклажу на руках. Этот

трудный путь засвидетельствован одним документом 1641 года о служилых людях, ехавших в Сибирь: "пришли к первому обводному волоку, и учили государеву казну носить через волок на речку на Елец на понизную воду". Перевалив через Урал, Обской Собою входили в Обь, "а иной дороги, oprичь Соби реки, через Камень летним путем нет".¹

От устьев Соби было два пути: либо вверх по Оби на Березов и на Тобольск, либо вниз к Обскому устью и Обскою губою в Мангазею, расположенную на восточном побережье Тазовской губы.

Кроме пути Усою и Собою существовал третий, которым пользовались русские люди для перевала через Урал: притоком реки Печоры — Щутером (Щутором). Этот путь описан в "Дорожнике", который послужил источником для австрийского дипломата С. Герберштейна.

Поднявшись до верховьев Щутера и перевалив через горы, русские промышленники и купцы спускались в реку Сыгну, из которой переходили в Киртас, а из него — в реку Сосьву, впадающую в Обь. Судя по карте сибирского географа С. У. Ремезова, у верховьев третьего большого притока Печоры, Илыча, имелся четвертый "переход из Сибири".²

В 1656 году общее протяжение "чрезкаменного" пути из Соли Вычегодской до Березова равнялось трем тысячам верст.³ В 1672 году, по расчету, имеющемуся в "Списке с чертежа Сибирские земли", путешественникам требовалось 13 недель и 4 дня.⁴

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. III. — Ч. I. — С. 73.

² Герберштейн С. Записки о московских делах. — М., 1988. — С. 156—161.

³ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. III. — Ч. I. — С. 73.

⁴ Титов А. Сибирь в XVII в. — М., 1890. — С. 129—130.

Мы располагаем и другими иностранными источниками о сухопутной дороге на Обь. Ссылаясь на рассказ пермяка, английский путешественник Ричард Джексон пишет: "из Двинской области известна дорога на Печору, а от Печоры до Оби, если путешествовать на оленях по суше — шесть дней пути, а летом — водою и больше".¹

Следует иметь в виду, что описанные дороги в Сибирь "водяным путем" использовались в основном в летнее время, так как зимою перевал через Камень был сопряжен с большими трудностями: "снеги и ветры бывают великие".²

"Чрезкаменный" путь в Сибирь был очень древним. Дороги для русских первопроходцев долгое время были отрезаны волжскими булгарами, а позднее — казанскими татарами. Для новгородских и поморских торговых и промышленных людей эта дорога имела название "путь в Югру". Древней и легендарной "Югре" посвящена специальная глава в первой моей книге "Заволочье". Напомним, что этот народ первоначально обитал по западным склонам Урала. Достаточно вспомнить "Повесть временных лет", в которой помещено сообщение, записанное летописцем со слов новгородца Гюряты Роговича: "И пришедшу отроку моему к ним, и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть, язык нем, а соседят с самоядью на полунощных странах".³

В течение нескольких столетий народ югра постепенно вытеснялся славянами за Урал, на берега Оби и Иртыша.⁴

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. — Иркутск, 1941. — Т. I. — С. 125.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. III. — Ч. I. — С. 74.

³ Повесть временных лет. — М.; Л., 1950. — Ч. I. — С. 167.

⁴ Дмитриев А. Пермская старина. — Пермь, 1894. — Т. 5. — Гл. I. — С. 1—46; Замысловский Е. Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. — СПб., 1884. — С. 138.

В Западно-Сибирской низменности, в бассейне Оби и ее притоков, живут ханты — народность, принадлежащая к угорской ветви финно-угорской семьи языков. Из источников не ясно, называли ли югрой только хантов (остяков) или также манси (вогулов). В XVI веке наиболее крупным племенным объединением у хантов было Кодское, а у манси — Пелымское княжество. До XIV века в письменных источниках упоминается одна югра. Из грамот царя Ивана Грозного известен термин "остяк", а слово "югра" с XVII века исчезает.¹ Исследователь истории Сибири И.В.Щеглов считает, что имя "остяк" — татарское. В XIII веке местных жителей называли "ущтяками", "людьми дикими".²

Коми-зыряне, с которыми русские познакомились раньше, чем с их восточными соседями, называли уральских хантов "егра". Поэтому крупнейший специалист по истории Сибири С.В.Бахрушин считает, что "егра" — зырянское (коми) прозвище хантов. Первоначально ханты расселялись по западным склонам Урала, а позднее — к востоку, в нижнем течении Оби.³

В результате походов новгородцев за Урал Югра была номинально присоединена к новгородским волостям, в числе которых она уже фигурирует в грамотах XIII века.⁴ Впрочем, прочное завоевание не имело места, и зависимость "югорских князей" от Господина Великого Новгорода ограничивалась нерегулярной уплатой дани соболиными мехами и другими местными товарами.

С XIII века Великий Устюг, входивший в состав

¹ Соколова Э. П. Ханты // Вопросы истории. — 1971. — № 8. — С. 213—214.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882. — Сургут, 1993. — С. 15.

³ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. 1. — С. 74.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — С. 9.

Суздальской земли, как клин, врезывался в новгородские владения и мешал беспрепятственному выходу новгородских промышленных людей в Югру, так как они постоянно подвергались нападениям со стороны устюжан.

С XIV века в связи с присоединением Устюга к княжеству Московскому начинается планомерное наступление Москвы на Двину, Печору, Пермь и Югру. В XIV веке "в поганские человеки, еже зовут Югра и Печера, идеже живут Чудь и Самоядь", ходили торговцы из Переяславля-Залесского.¹

Чрезвычайно любопытна история двинского городка Орлеца. В 1342 году богатый новгородский боярин Лука Варфоломеев, "не послушав Новгорода и митрополита благословение", "скопив с собою холопов, збоев", ушел за волок на Двину и поставил городок Орлец. Отсюда этот властолюбивый боярин начал распространять свои владения, "взял землю Заволочьскую на Двине, все погосты на щит", а сын его Анцифор "отходил на Волгу". Во время этих войн Лука Варфоломеев погиб. Но с этих пор Орлец стал базой для распространения русского влияния на восток. В 1360 году Аюфал Никитин ходил ратью на Каму и взял город Жукотин, принадлежавший жукотинским мурзам, вассалам Золотой Орды. Основав обширную вотчину, Никитины отдались под покровительство Москвы и вместе с московскими воеводами разоряли новгородские владения на Двине. В 1398 году новгородцы после длительной осады взяли Орлец и "городок разгребоша", а сами Никитины в оковах были доставлены в Новгород, где один из них, Иван, был казнен.²

В 1485 году царь Иван III в жалованной грамоте жителям Перми Вычегодской на владение реками, озе-

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 139.

² Устюжский летописный свод. — М.; Л., 1950. — С. 66—67.

рами и угожьями, "которыми владели их деды и отцы", требовал "государевы дани за соболей, за белки, за бобровы гоны, за рыбную ловлю и за кречати садбища с лука по соболю".¹

Стефан Пермский, вступивший на миссионерское поприще с благословения Москвы, явился не только "апостолом зырян", но и проводником московской политики в этом крае. Недаром в "Плаче зырянской земли", написанном на смерть этого святого, отмечается, что "самые те новгородцы, ушкуйники-разбойники, и те бывали увещаемы его словами".²

Отдельные факты свидетельствуют о путешествиях поморов-землепроходцев и купцов в Западную Сибирь задолго до присоединения ее к Русскому государству. Так, например, в 1432 году юго-восточнее Чердыни московскими и северными купцами-солепромышленниками был заложен солеваренный городок (современный город Соликамск).³ И таких городков-форпостов на подступах к Сибири было немало.

С падением Великого Новгорода "чрезкаменный" путь оказался в руках Москвы, которая спешит использовать его, чтобы закрепить за собой новгородские владения за Уралом. Примерно с XIV века на Тоболе и в междуречье Туры и Тавды сложилось раннее политическое образование сибирских татар. — Тюменское ханство. Тюменское "царство" являлось одним из многих улусов распавшейся Золотой Орды. Его столицей был город Гамга-Тура за Уральским хребтом. В начале XV века в русских летописях появляются первые известия, относящиеся к истории татарских владений в

¹ Бахрушин С. В. Научные труды. — Т. 3. — Ч. I. — С. 139.

² Жизнеописание св. Стефана, просветителя зырян. — СПб., 1889. — С. 73—74.

³ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976. — С. 30.

Сибири.¹ В 1465 году воевода Василий Скрыба с отрядом прошел за Урал в Югру и собрал дань в пользу московского великого князя. В 1472 году другой воевода, Федор Пестрый, подчинил Великую Пермь и выстроил в Приуралье укрепленный городок Чердын.² В 1499 году был организован грандиозный поход в Югорскую землю под командованием князей Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Гаврилова по прозвищу Бражник.

Основной отряд, который возглавил П.Ф.Ушатый, формировался в Двинской земле, и в него вошли ярославцы, вологжане, двиняне, важане, пинежане. Его численность составила 1920 ратников.³

Вычегодско-Вымская летопись лаконично сообщает о ходе и результатах этой выдающейся экспедиции: "Князь Петр да Семен шедшу Щелью да Ляпины (приток Северной Сосьмы — В.Б.) на Югру, да на Куду (Кода — ханское княжество на Оби — В.Б.), а Василей на князей вагульских на Пельинь. Он же шедшу пеши зиму всю, города поимеша и земли их воеваша".⁴

В 1584 году представитель английской торговой компании Антон Марш, собиравшийся добраться до реки Оби, получал сведения от поморских купцов именно о "чрезкаменном" пути.⁵

"Чрезкаменный" путь был по преимуществу нелегкой дорогой торговых и промышленных (от слова "промы-

¹ Бояршинова Э. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск, 1960. — С. 111.

² Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1982. — С. 99.

³ Сухогрузов П. Г. Путь Московского войска на Печору и за Урал в походе 1499—1500 годов // Родники пармы: Науч.-попул. сб. — Сыктывкар, 1989. — С. 160.

⁴ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 28.

⁵ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников... — Т. I. — С. 159.

сел", главным образом — пушной) людей, которые шли по старым проторенным путям за Камень в поисках драгоценной пушнины.

Березовский воевода П. Годунов докладывал в приказе Казанского дворца, что в бытность его в Березове в начале 1590-х годов торговые люди ходили с Печоры через "Камень" даже зимним путем на собаках. Несколько позже другой березовский воевода, князь П. А. Черкасский, доносил в приказ, что во вся годы "многие пустозерцы ходят в Березовский уезд через Роговой городок с "великими товарами".¹

Другим таким укрепленным становищем между устьями рек Шутера и Подчерема была "Strupili", служившая складочным местом для товаров, о чем говорилось в "Подорожнике", которым пользовался австрийский дипломат С. Герберштейн.²

Первый сибирский историк и географ С. Ремезов на своей карте перевала Уральских гор обозначил "городище", очевидно, остатки какого-то зимовья. Возможно, что такого же происхождения Носовый городок, на месте, где впоследствии был построен Обдорск. Во времена историка Г. Ф. Миллера существовало предание, что и Березов был основан на месте прежнего поморского зимовья. В Мангазее были поставлены "русскими промышленниками" "острожки", на один из которых — "Зырянский городок" — наткнулись в 1601 году сургутские служилые люди.³

Со второй половины XVI века "чрезкаменный" путь приобретает особо важное значение для экономической жизни Поморья. Этому способствовало возникновение Архангельска — первого морского порта России.

¹ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — С. 25.

² Герберштейн С. Записки ... — С. 157.

³ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 82.

В последней четверти XVI века "чрезкаменным" путем "Печорою рекою" ходили на "судах с великими товарами многие люди" из Пустозерска, с Пинеги, Мезени и Ваги. 29 ноября 1619 года последовало царское разрешение отпускать товары от "Архангельского города и ото всех поморских городов в сибирские города на Березов город" как обычной дорогой на Тобольск, так и через Камень: 24 апреля 1620 года это разрешение было подтверждено и точно указан маршрут: на Усу, на Собь и на Ель до Камени, волоком через Камень на другую Собь реку и Собыю до Оби.¹

"Чрезкаменный" путь был сопряжен со многими трудностями и даже опасностями: Он шел обширными безлюдными лесами, нередко "тесными речками", по которым торгово-промышленные люди с большим трудом продвигались "в малых суднях" — "обласах". Перевал через Уральские горы был самой трудной частью пути, "Камень", грандиозная горная цепь, вершины которой в "облаках не видети, а коли ветрено, ино облака раздирает, а длина его от моря и до моря", пугал своей дикостью: "место пустое", "а жилецких людей на Камени нет".²

Разрешая путь Печорою, московское правительство оградило свои фискальные интересы и создало на протяжении его ряд таможенных застав, на которых оно рассчитывало перехватывать поморских промышленников, возвращавшихся с промыслов. Очень крупное значение имела Ижемская застава, устроенная "для проезду сибирских воевод, издьяков, и письменных голов и их братии, и детей, и племенников, и людей, и торговых и промышленных всяких людей, которые поедут в Сибирь и из Сибирских городов к Москве и в иные русские города". Застава эта играла роль пограничной таможни между Русью и Сибирью.

¹ Там же. — С. 82—83.

² Там же. — С. 84—85.

По ту сторону Урала имелась другая застава, которая преграждала свободный проезд из реки Соби в Обь и из Оби в Обскую губу. В XVI веке для этих целей несколько выше устья Соби был поставлен небольшой острожек. При царе Михаиле Федоровиче здесь была установлена так называемая Собская застава. На противоположном берегу Оби, у впадения в нее реки Полуя, возник Носовый городок, названный так по местоположению на мысу, впоследствии известный под именем Обдорского острога. Обе эти погранично-таможенные заставы были объединены под общим управлением.¹

Деятельность торговых и промышленных людей в Сибири облагалась большим числом налогов, так называемыми таможенными пошлинами. Каждый прибывший в сибирскую "украину" был обязан заплатить явчую пошлину по алтыну с человека. После этого торговые люди уплачивали слудующие пошлины: полавочную — за занятие места в гостином дворе для продажи своих товаров, по 8 денег с человека за каждую неделю; записную порублевую — за проданные товары, по алтыну с каждого рубля; роговую — за каждую голову купленного рогатого скота по 1—2 алтына; пошерстную — за каждую купленную лошадь по алтыну; весчую — за куплю и продажу "весчих" товаров, главным образом продовольствия, и многие другие.

Когда же наступала пора возвращения на родину, каждый торговый и промышленный человек уплачивал сразу три отъезжих налога: собственно отъезжую пошлину — по алтыну с человека; посороковую — с каждых сорока увозимых соболей по 4 деньги, порублевую — с каждого накопленного рубля по 4 же деньги. Однако самой главной и самой прибыльной для казны являлась десятинная пошлина, взимаемая с ввозимых в

¹ Там же.— С. 83.

Сибирь товаров и хлебных запасов и с увозимой на Русь мягкой рухляди.¹ Да, умело государство пополнять свою казну за счет поморских торговцев и промышленников!

Несмотря на неудобства и опасности "чрезкаменного" пути, в течение всего XVII века он оставался "большой сибирской дорогой", по которой из года в год было оживленное движение в Сибирь и обратно.

В 1619 году был закрыт морской путь в Сибирь. С развитием земледелия в Западной Сибири, прежде всего в Верхотурско-Тобольском районе, промышленники сочли более выгодным закупать необходимое количество хлеба именно там, нежели привозить его из Поморья морским путем. Поэтому во втором десятилетии XVII века все большее значение для экономических связей с Сибирью стали приобретать пути, связывавшие Вычегоду с Верхотурьем и Тобольском, оттуда по Иртышу, Оби и ее притокам поморские купцы попадали на Енисей. При этом, как отмечает С.В.Бахрушин, "чрезкаменный" путь на протяжении всего XVII века использовался преимущественно только при обратных путешествиях из Сибири на Русь, во время которых "пушнина легко уместалась в небольших облаках, совершавших путь через Камень".²

Мангазейские промышленники ценили "чрезкаменный" путь на Русь за то, что он был короче по сравнению с маршрутом через Тобольск, а тем более через Енисейск. "Из Мангазеи, — писали поморы, — дорога в Русь недалеко и пряма, на Обдорь, да на Пустоозеро". Этим путем до Москвы можно было добраться за 12—13 недель, тогда как через Тобольск в Москву попадали через 16 и более недель.³

¹ Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII. — середине XIX в. — М., 1980. — С. 9—10.

² Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 25—26.

³ Там же. — С. 26.

В XVII веке продолжением "чрезкаменного" пути стал полуморской путь по Обской губе, которым широко пользовались поморы, начиная с XVI века. На реке Оби появились первые кормишки и "знатцы" из местных служилых, торговых, промышленных и "гулящих" людей, которым "морской ход был заобычай и разбойные б места, в которых местах на море кочи погодами разбивает знали". Такие "знатцы", первые лоцманы Сибири, стремились выйти из Тобольска не позже Петрова дня (29 июня по старому стилю), с тем чтобы в губе не столкнуться с встречными ветрами. Особенно опасным местом был участок побережья, называвшийся Черными горами. В августе — сентябре весь торгово-промышленный люд, пройдя Обскую губу, по Тазу достигал Мангазеи, завершал свое полуморское путешествие и оставался здесь на зимовку.¹

В середине 1630-х годов путь в Мангазею от Тобольска по Оби и по Обской губе стал терять свое значение. С развитием земледелия в Енисейском уезде промышленникам стало невыгодно закупать, а главное перевозить хлебные запасы из Западной Сибири. С этого времени северным "чрезкаменным" путем промышленники стали реже ездить в Мангазею, о чем в 1640-х годах сообщали мангазейские и березовские таможенники и воеводские власти. По Оби и Обской губе в Мангазею в это время систематически доставлялись грузы и хлебные запасы только казной.² Упадок Мангазеи был также связан с истощением пушных запасов в бассейне реки Таза и с удалением основных ясачных зимовий к востоку. Преемником Мангазеи стал Туруханск — Новая Мангазея.

¹ Александров В. А. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края. Сибирь XVII—XVIII вв. // Материалы по истории Сибири. — Новосибирск, 1962. — Ч. I. — С. 23.

² Там же. — С. 24.

В XV—XVI веках наиболее известным был путь "от Соли Каменной мимо Чердынь водяным путем Вишерою (притоком реки Камы — В.Б.) вверх, да через Камень в Лозову реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки",¹ далее — через Тобольск и реку Обь. Преимущество этого пути состояло в тесной связи с реками Вычегдой и Печорой. С рекой Вычегдой он соединялся двумя водными артериями: либо непосредственно от Соли Вычегодской Виледью и Валецким волоком по Сысоле, из Сысолы Ужгою и волоком на Каму и Гайнам к Вишере и Чердыни, либо с верховьев Вычегды Немом и волоком на Вишерку, приток Колвы, впадающей в Вишеру близ Чердыни. На Печору путь шел из Вишеры в Колву до Вишерки, вытекающей из Чусовского озера; в Чусовское озеро впадает река Березовка с притоком Вогулкою, которая подходит очень близко к верховьям реки Волосницы, притока Печоры.²

Другой путь с реки Камы за Урал шел по ее притоку Чусовой до устья впадающей в нее реки Серебрянки, по Серебрянке до Тагиского волока, волоком в 25 "поприщ" на реку Жеравли и из нее в Баранчу, из Баранчи в Тагил, а из Тагила в Туру. Возможно, имелся и другой вариант того же пути по притоку Чусовой — Сылве.³

Разветвленная речная система Сылвы — Ирени имела непосредственную связь с Камским бассейном. Водный путь Сылва — Чусовая — Кама открывал двери русской колонизации из Поморья. Кроме того,

¹ Платонов С. Ф. "О двух грамотах 1611 г. // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории." — СПб., 1903. — С. 198—200.

² Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. — Казань, 1909. — Вып. XVI. — С. 193—194.

³ Вилков О. Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII века. Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). — Новосибирск, 1968. — С. 61—62.

по Сылве шел старинный путь в Сибирь, так называемая "Казанская дорога", полученный Казанским ханством в наследство от Булгарского царства и утративший свое значение во время господства татарских феодалов.¹

В XVII веке на Западном Урале, на берегах Сылвы и ее притоков, возникает новый уезд, населенный черносочными крестьянами. "Кунгурская селитьба" 1648 — 1651 годов потеснила крупное частное землевладение. Правительство в Кунгурском уезде вело поселение на льготных условиях, временно освобождало от тягла. Основной поток переселенцев шел из Поморья, о чем говорит и топонимика деревень и слобод — Весляная, Жаравлева, Точнолобова. При Березовской церкви Кунгурского уезда еще в конце XIX века имелась церковная летопись, в которой указывалось, что первые жители прихода были выходцами из Устюжского уезда.

"Кунгурскую селитьбу" 1648 — 1651 годов следует рассматривать как проявление политики московского государства по укреплению пограничных районов страны. В 1644 году со стороны Сибири на реке Исети был построен Долматов монастырь — крайний пункт на юго-западе Зауралья в середине XVII века.²

В 1597 году сольвычегодский посадский Артемий Бабинов "проведал" и начал прокладку сухим путем новой дороги, которая вела прямо из верховья реки Тогры. Были проведены грандиозные дорожно-строительные работы: "А мостов мостили от Соли Камской чрез речки, буераки и грязные места до Верхотурья — поперечных семь и по 50 сажен, а длинных 30 мостов по 130 сажен".³ В 1598 году с основанием Верхотурья эта Бабиновская дорога была объявлена правительственным трактом, "главными

¹ Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII века. — М., 1956. — С. 41.

² Там же. — С. 45—61.

³ Скалон В. Н. Русские землепроходцы... — С. 164.

воротами в Сибирь" взамен отмененного тракта на Лозьву и сохранялась в неизменном виде до 1763 года. Верхотурская дорога стала служить основной транспортной магистралью, связывающей Сибирь с Русью.

В Верхотурье была устроена таможня, через которую должны были проходить все проезжавшие Камским путем за Урал. Эта таможня была как бы центром целой сети более мелких таможенных застав, посредством которых казна стремилась устранить всякую возможность обхода Верхотурской таможни. Так, имелись таможенные заставы в Ростесе, у начала перевала через Камень, и в Павдинском, у конца его, во избежание беспошлинного торга усольцев с нерусским населением на волоке, другие заставы находились на верхнем течении Чусовой и в ближайших окрестностях Верхотурья на реке Ляле, на том месте, где ее пересекала дорога (Лялинский караул, ныне село Караульное). Дорога с Верхотурья на северо-восток (на Пелым) преграждалась заставой в Кокшайском остроге, а на юго-востоке (в направлении Туринского уезда) — Тагильской.¹ Движение с запада на восток по этой дороге было оживленнее, чем с востока на запад. В 1639 — 1640 годах в Сибирь пришло в 63 раза больше людей, чем вышло из Тобольска на Русь. В таможенных книгах и других документах упоминается много "гулящих" людей и "семеищиков". Так, в записи 1682 года мы читаем: "Шел пеши в Сибирь для прокормления семейщик устюжанин Сенька Коршунов с женою да с тещей" или "Шли пеши с Руси для покормления семейщики тотмянин Симка Лазарев, устюжанин Ярофейко Филимонов с женина и с детьми, всего осьмнадцать человек".²

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. 1. — С. 106—107.

² Квевинская Т. Е. Верхотурье — транзитно-транспортный центр Западной Сибири в 70—80 гг. XVII в. // Города Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 46—48.

Читателю необходимо знать, что в эти и последующие годы при обозначении местожительства крестьян, промышленников и торговых людей чаще всего указывались бассейны рек — "пинежане", "двиняне", "важане" или уезды — "устюжане", "тотьмяне", "сысольцы".

В середине XVII века устанавливается одно направление сибирской дороги, которое в последней четверти столетия приобретает довольно важное значение. Это направление вело через основанный в 1649 году город Кунгур. Эта "через Урал-камень проезжая большая дорога" шла с Кунгура через Кунгурский уезд на реку Бисерть, приток Уфы, с верховьев Бисерти на верховья Чусовой и пересекала ее, "не хватая Чусовской (Уткинской) слободы"; затем дорога раздваивалась: в северо-восточном направлении она шла реками Уткою и Режью на Арамашевскую слободу к Ирбиту, а на юго-запад от верховьев Чусовой на верховья реки Исети к слободам Арамильской, Колчеданской и Катайской и к Далматову монастырю. Уже в 1668 году в устье реки Исети существовала застава. Последний вариант довольно точно предначертывал будущее направление сибирского тракта на Екатеринбург. Забегая во времени вперед, сообщим читателю, что постепенно сложился тот Сибирско-Московский тракт, который в течение всего XIX века являлся единственным путем из России в Сибирь и по направлению которого в 1885 году была проведена Пермь — Екатеринбург — Тюменская железная дорога.¹

Вместе с читателем продолжим наше небольшое путешествие в Восточную Сибирь. Продвижение поморов и служилых людей "встречь солнца" в глубь Сибири шло преимущественно речными путями, позволявшими с большой скоростью преодолевать бескрайние пространства сибирских лесов и тундр.

¹ Бахрушин С. В. Научные труды ... — Т. 3. — Ч. I. — С. 109—111.

Нам предстоит пройти дорогами поморов и ознакомиться с важнейшими речными путями, которыми они пользовались в своем движении от Урала до Восточного океана.

Наиболее знаменитый в XVII веке путь с Оби на Енисей вел через Маковский волок, связывающий приток Оби Кеть непосредственно с Енисеем близ города Енисейска. Этим путем обычно ходили русские из сибирской столицы Тобольска: из устья Иртыша плыли "своею силою, шестами и бечевою" вверх по Оби мимо города Сургута.

Маковский острог, господствовавший над волоком, служил в XVII веке "пристанищем великим государевым людям", которые приезжали сюда "в осень", выгружали товары и хлебные припасы в амбары, а зимою перевозили их "наймом" в Енисейский острог, чтоб весною идти дальше на Лену. В полуверсте от него возникла целая "слобода торговых людей", где было понастроено "анбаров множество"; представители всех крупнейших поморских торговых семей (Босые, Ревякины, Балезины и другие) имели здесь "на приезд себе" "избенка и анбары для своей нужи". Тут же на берегу лежало "дощаников и каюков зело множество розбитых и целых".¹

Следующим этапом в истории продвижения русских на восток был переход с Енисея на великую реку Лену. Едва был поставлен Енисейский острог, как уже в том же 1611 году поморы и енисейские служилые люди сообщали в Тобольск, со слов местного населения, "что де та река великая": "от Тунгусского острогу, который де ныне поставили Петр и Черкас, ехать до волоку 2 недели, да тем де волоком идти 2 дня до великие реки". Начались экспедиции служилых людей на Верхнюю Тунгуску и на ее притоки, а оттуда волоком на верховья

¹ Там же. — С. 111—112.

реки Куты, впадающей в Лену. Одновременно имели место походы поморов из Мангазеи, с Нижней Тунгуски на Вилюй. В 20-х годах XVII столетия русские не только проводили два пути с Енисея на Лену, но и подчинили жившие там народы.¹

В 1630 году на Ленском волоке енисейские служилые люди поставили острожек, впоследствии Илимский острог, который обеспечивал русским господство на пути с Илама на Лену. Как тут не вспомнить писателя и первого русского революционера А. Н. Радищева:

"Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду? —

Я тот же, что и был и буду весь мой век:

Не скот; не дерево, не раб, но человек!

Дорогу проложить, где не бывало следу,

Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,

Чувствительным сердцам и истине я в страх

В острог Илимский еду".²

Здесь же образовалось большое промысловое становище, служившее центром для промышленных и торговых экспедиций далее на восток. На Лене был основан Якутск, новый промышленный центр, с которым уже не могла конкурировать Мангазея.

С великой реки Лены с ее обширной системой притоков открывались разнообразные маршруты по всей Восточной Сибири. Отсюда проникали русские на "дальние заморские реки", впадающие в Северный Ледовитый океан: на Индигирку, Яну, Колыму, Анадырь и другие. Проходя часть пути сушей, поморские мореходы спускались по Лене до моря и далее огибали побережье в морских кочах.

Обычно путь с Лены "на заморские реки" и в полярное "Поморье" совершался "коньми" через Верхоянский хребет, отделяющий бассейн Лены от рек, впа-

¹ Там же. — С. 121.

² Радищев А. Н. Избранные сочинения. — М., 1952. — С. 236.

дающих в океан к востоку от ее устья. Выйдя из Якутска, пересекали Алдан "у перевоза" и, преодолев "Камень", в 5 недель достигали верховьев реки Яны. С Яны, на конях же, шли дальше на восток, вдоль ее притока Толстока и, преодолев хребет Пай-Хаянтас, через 3—4 недели попадали на Собачью (Индиگیرка) реку, а с нее на нартах в такой же приблизительно срок доходили до реки Алазеи. С Алазеи в 10 дней достигали верхнего течения реки Колымы, которая стала исходным пунктом, откуда были найдены дороги к берегам Берингова пролива и северной части Пенжинского (Охотского) моря, "и те места — край и конец Сибирской земли".¹

Эру в истории не только присоединения Сибири, но и мировых географических открытий составляет проникновение в XVII веке русских землепроходцев на реку Амур, которую путешественник и дипломат Н.Г.Спафарий считает четвертой из "больших и славных" рек Сибирского государства: "первая Обь, другая Енисей, третья и после тех двух течет Лена, а четвертая и последняя есть река Амур".²

В деле проникновения в Даурию главную роль сыграл так называемый Тугирский волок. Путем через Тугирский волок совершил свой поход "Даурский Ермак" — Ерофей Хабаров. После этого знаменитого похода путь Олекмой и Тугиром сделался большой дорогой для промышленников, стремившихся за легкой добычей в Даурию, а Якутская администрация в 1656 году была вынуждена устроить в устье Олекмы заставу "для побегу в Дауры служилых и промышленных и всяких людей и пашенных крестьян".³

¹ Титов А. Сибирь в XVII в... — С. 110.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т.3. — Ч.1. — С. 129.

³ Дополнения к актам историческим (далее: ДАИ). — М., 1851. — Т. IV. — № 33. — С. 85—86; Т. VI. — № 103. — С. 336—338.

Настало время рассказать читателю о многочисленных народностях, населявших Сибирь. Как известно, первыми народами, с которыми русские столкнулись за Уралом, были уже знакомые им по Европейскому Северу и Приуралью самоеды (ненцы), а также ханты-мансийские племена, или "югра" по русским источникам, позднее остяки и вогулы. В XVII веке общая численность сибирских самоедов достигла 8 тысяч, хантов и манси — 15—18 тысяч человек.

По среднему течению Иртыша, по низовьям Тобола, Туры, Тавры, Исети, Ишима, по Таре и Оми расселялись сибирские татары (15—20 тысяч человек), значительная часть их жила кочевым скотоводством, главным образом в Барабанской степи.

За хантами по Оби и ее притокам до Чулыма жили самодийские племена селькупов (около 3 тысяч человек), которых русские называли остяками.

Далее вверх по Оби и ее притокам, в верховьях Енисея и на Алтае расселялись многочисленные тюркские племена — предки современных шорцев, алтайцев, хакасов. Это были томские, чулымские и "кузнецкие" татары (5—6 тысяч человек); телеуты, или "белые калмыки" (7—8 тысяч человек); енисейские киргизы (6—9 тысяч человек) и другие.

В Восточной Сибири огромную территорию занимали тунгусские племена (эвенки и эвены), всего около 30 тысяч человек, которые расселялись от побережья Енисея на западе до Охотского моря на востоке, от тундровой зоны на севере до Приамурья и Монголии на юге.

Среди тунгусоязычного населения по среднему течению реки Лены проживали якуты, которые позднее расселились и по другим рекам Восточной Сибири. Их общая численность составляла около 28 тысяч человек.¹

Колумбы земли русской: Сборник документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII—XVIII вв. — Хабаровск, 1989. — С. 5—6.

Почти весь северо-восток Сибири от низовья Лены до низовьев Анадыря в XVII веке занимали юкагирские племена (около 5 тысяч человек).

На севере Камчатки и прилегающем к ней побережье Охотского и Берингова морей жили коряки (9—10 тысяч человек). На Чукотском полуострове, главным образом во внутренних его районах, обитали чукчи, их численность достигала 4 тысяч человек.

Из народов южных районов Восточной Сибири прежде всего следует отметить монголоязычных бурят, численность племен которых составляла 25 тысяч человек.

На Амуре русские первопроходцы столкнулись с даурами и дючерами, проживавшими по верхнему и среднему течению реки и ее притокам. Ниже по Амуру обитали матки и гуляки.

К концу XVI века в Сибири проживало примерно 200—220 тысяч коренного населения.¹ К началу XVIII века мы располагаем более точными данными. По первой ревизии (1719 г.) все население Сибири насчитывало 241 тысячу душ мужского пола, из них 72 тысячи душ приходилось на аборигенное ясачное население и 169 тысяч — на русское население. В конце первой четверти XVIII века не менее 70 процентов населения Сибири составляли русские переселенцы.²

Ко времени прихода русских в Сибирь единственным народом, имевшим свою государственность, являлись татары разгромленного Ермаком "Кучумова царства". Большинство же сибирских народов русские застали на различных стадиях патриархально-родовых отношений.

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в. — начало XVII в.). — М., 1955. — С. 685.

² Кабузан В. М., Троицкий С. М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1962. — С. 146.

Уже на первом этапе русского заселения Сибири возникла серьезная проблема заключения браков. В далекую северную "украину" попадало небольшое количество незамужних женщин при перевозе переселенцами своих старых семей "с Руси". Существовала ссылка "винных жонок и девок", которых в Сибири выдавали замуж воеводы.¹ Больше того, существовала разнарядка на отправку женщин в Сибирь из Северной Руси. Так, в 1631 году из Поморья в Енисейск было доставлено 39 женщин для вступления в брак с енисейскими служилыми людьми и "пашенными" крестьянами.²

Еще ранее, в 1630 году, по специальному царскому наказу "для восполнения недостатка женщин в Сибири препровождены были туда 150 девок, набранных в Тотьме, Устюге и Сольвычегодске".³ И все же политика властей по "размножению сибирского народа" не решила до конца эту проблему. В Сибири получили повсеместное распространение смешанные браки с представительницами местных народностей. На Севере Якутии в 70—80-е годы XVII века среди жен русских служилых и промышленных людей были якутки и юкагирки. Те же явления наблюдались и в Туруханском крае.⁴

Это было типичным явлением и на Дальнем Востоке. Промышленные и служилые люди "держали на жену или любовницу" местных женщин. В казачьих отписках упоминаются чукотские и корякские полонянки, проживавшие с русскими людьми.⁵

Более того, мы располагаем сведениями об установлении родственных связей промышленников с местными народами.

¹ Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 131.

² Там же. — С. 132.

³ Щеглов И. В. Хронологический перечень... — С. 67.

⁴ Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в. — М., 1981. — С. 47.

⁵ Богараз В. Г. Чукчи. — Л., 1934. — С. 38.

Так, в самом начале XVII века один из родов хантыйских энцев назывался родом Яши Вологжанина.¹

Подводя итог нашему небольшому путешествию по "чрезкаменному" и другим древним путям, дорогам и волокам, процитируем современного писателя В.Г.Распутина, который хорошо сказал о значении движения русского народа "встречь солнца": "После свержения татарского ига и до Петра Великого не было в судьбе России ничего более огромного и важного, более счастливого и исторического, чем присоединение Сибири, на просторы которой старую Русь можно было уложить несколько раз. Только перед этим одним фактом наше воображение в растерянности замирает — словно бы застревает сразу за Уралом в глубоких снегах..."²

¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 130, 133.

² Распутин В. Г. Сибирь без романтики // Роман-газета. — 1984. — № 17. — С. 66.

ЗЛАТОКИПЯЩАЯ ГОСУДАРЕВА ВОТЧИНА

В КОНЦЕ XV и начале XVI века Сибирь активно осваивалась "неутомимыми трудами нашего народа". И, как справедливо отметил М. В. Ломоносов, "поморские жители с Двины и из других мест, что около Белого моря, главное имеют участие".¹ Поморы были хорошо знакомы с районами рек Таза, Турухана и низовьем Енисея, так как новгородские, двинские и другие поморские промыш-

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1934. — Т. 6. — С. 448—449.

ленники достигали низовьев Оби еще в конце XIV — начале XV века.¹

Академик Л. С. Берг вполне обоснованно считает, что крайний север междуречья Оби и Енисея был хорошо известен русским еще в середине XVI века. Бесспорно, что освоение поморами северных районов Сибири началось до похода Ермака.²

В ходе движения поморов "встречь солнца" на территории Сибири появляются постоянные поселения — деревянные "крепостицы", зимовья и остроги. Одним из первых таких городских поселений была Мангазея, построенная в низовьях реки Таза.

От XV века для потомков сохранился любопытный документ: "О человецех, незнаемых в восточной стране и о языках розных". Известный исследователь истории Сибири Д. Н. Анучин, подробно изучивший этот источник, считает, что название "Мангазея" пошло от имени жившего в тех краях ненецкого племени: "на восточной стране, за Югорского землею, над морем, живут люди Самоедь, зовомые Малгонзеи".

В то же время Д. Н. Анучин совершенно правильно заключил, что будущий город Мангазея получил свое название от всей окрестной страны, а не наоборот.³

Заслуживает доверия мнение большого знатока языков Севера Г. Н. Прокофьева, который считает, что Малгонзеи, или Молгонзеи, — это название рода энцев, или восточной ветви самодийского народа. Русское поселение Мангазея получило свое наименование от монгонзеев, или малгонзеев (правильнее — монгкаси), —

¹ Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. — М., 1956. — С. 99.

² Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. — М.; Л., 1946. — С. 74.

³ Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Труды Московского археологического общества. — М., 1890. — Т. 14. — С. 230.

рода энцев. Последнее слово значит "лесные"; от энецкого (самодийского) "монгки" — лес.¹

Город Мангазея возник в том месте реки Таза, где она ближе всего подходит к левому притоку Енисея — реке Турухан. В зимнее время на нартах, а в летнее на кочах, карбасах и стругах через полярные моря, болота и мелкие протоки в Мангазею приходили большие массы торгового и промышленного люда. А вот как описал заполярную пушную столицу известный исследователь сибирской истории С. В. Бахрушин: "Мангазейский город, безлюдный острожек, закинутый вглубь "студеной тундры", почти под самый полярный круг, среди воинственных племен "кровавой самоеды" и других "немирных иноземцев", отрезанный от Руси и даже от прочей Сибири бурями Мангазейского моря, несмотря на все невыгоды своего местоположения был в течение пяти десятилетий XVII века одним из важнейших центров русских промыслов в Сибири".²

Самым северным участком пути был Мангазейский морской ход — так называли в те далекие времена первую арктическую магистраль, связывавшую Белое и Баренцево моря с Карским. Она шла от берегов Северной Двины вдоль морского побережья на восток мимо полуострова Канин. Иногда, чтобы не огибать этот полуостров, поморы пользовались "Чесским волоком" между реками Чижей и Чешей. Суда приходилось тащить "посуху" всего 20 саженьей.³ Дальше путь лежал через южные новоземельские проливы — Карские Ворота и Югорский Шар — к Ямальскому полуострову и через него — волоком между реками Мутной и

¹ Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. — Л., 1935. — С. 10.

² Бахрушин С. В. Научные труды. — Т. 3. — Ч. I. — С. 297.

³ Осипов К. Первые русские полярные мореходы. — М., 1949. — С. 24.

Зеленой в Обскую и Тазовскую губы. Русские мореходы на веслах и под "паруском" за месяц, а иногда и меньше приходили в Мангазею. Морской ход давал возможность перебросить сравнительно большие грузы в относительно короткий срок: "...поспевают морем в Карскую губу от города (Архангельска — В. Б.) в две недели", и столько же надобно времени и на остальной путь. В итоге, как оказалось, "поспеть от Архангельского города в Мангазею в полпяты мочно" (четыре с половиной недели). В то же время путь с реки Камы в Мангазею занимал два с половиной месяца.¹ Отсюда ясно, сколь велико было значение трехтысячекилометровой арктической магистральной, которой пользовались только поморы для проникновения в районы Сибири, богатые различными лесными, морскими и речными промыслами.

Историк П. Н. Буцинский считал, что Мангазея — "золотое дно, своего рода Калифорния". Освоение Сибири он назвал "подвигами русских людей", перед которыми бледнеют предприятия "разных Кортесов и Пизарров" в Америке.²

Сохранившиеся документы называют Мангазею "закипающей государевой вотчиной", имея в виду прежде всего ее пушные богатства. В русской истории и народной памяти Мангазея сохранилась как легенда.

Утверждению этой легенды способствовало то, что мангазейская земля представлялась сказочным царством, в котором жили смелые и предприимчивые поморы, отважные мореходы и землепроходцы, открывшие миру самый северный полуостров Евразии — Таймырский.³

¹ Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея // Русское прошлое. — Пг., 1923. — № 3. — С. 4.

² Буцинский П. Н. К истории Сибири: Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645) // Записки Харьковского университета. — Харьков, 1963. — Кн. I. — С. 51, 92—93.

³ Белов М. И. Раскопки русского заполярного города // Летопись Севера. — М., 1972. — Т. 6. — С. 162—163.

Как уже отмечалось, первые пути в Мангазейскую землю были проложены поморами в конце XV — начале XVI века. Мы располагаем сведениями об "Югорском походе" 1517 года, предпринятом крестьянами Антониево-Сийского монастыря. Это был морской поход: мореходы шли из устья Северной Двины на восток, в земли восточного Урала — в Югру. Примечательно, что крестьяне Антониево-Сийского монастыря предусматривали в своих купчих ежегодные доходы от "югорской службы". Историк М. И. Белов считает, что промысловые поездки в Югру в начале XVI века были обычными для русских из Поморья.¹ В 1580 году, по сообщению Вычегодско-Вымской летописи, царь Иван IV "за службы великие государевы" разрешил "перми-чем, промышленным и торговым людем; торговати в Югре и в Мангазее и в Сибирских городах безпошлинно 10 лет, и таможенные им не платит николико".²

Известия о походах поморов в Мангазею дошли до нас и в изложении иностранных путешественников, посетивших Русский Север. Так, английский агент "Московской компании" Стефан Барроу, пытаясь совершить плавание из Печорского моря на Обь, летом 1556 года встретил у Югорского Шара целую флотилию поморских судов, намеревавшихся идти в Мангазею. На вопросы Барроу мореходы отвечали, что они ходят на реку Обь, а сейчас вынуждены отложить свое путешествие потому, что опоздали к Мангазейскому ходу.³

В последней четверти XVI века плавания в Мангазейскую землю совершались часто. Благодаря им была

¹ Белов М. И. Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова // Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII веке. — Л., М., 1951. — С. 53.

² Вычегодско-Вымская летопись... — С. 29.

³ Английские путешественники в Московском государстве... — С. 107.

налажена связь Поморья с бассейном реки Таза, где возник городок-фактория, а позднее вырос город Мангазея. В 1597 году в Мангазею отправились морем черносотные крестьяне Двинского уезда Кузьмины. Плавание завершилось печально: как отмечается в документе, "побило их морем". А вдова Матрена Афанасьевна Кузьмина подала на имя царя Бориса Годунова челобитную, в которой описала свое бедственное положение.¹

В Пинежском летописце под 1596 — 1597 годом говорится о первой разведке Мангазеи усть-цылемцем Долгушиным, каким-то литовским пленником и пинежанином Смирным. Причем летописец сообщает, что Смирный был "лявельцем", уточняя, где именно, в какой пинежской деревне он жил.²

Это важное для нас известие встречается только в этом летописном своде. Достоверность сообщения об экспедиции Долгушина 1596 — 1597 годов подтверждается также грамотой 1599 года, в которой поморцы, пинежане и мезенцы просили у царя "о повольной торговле" на Мангазее.³ Такая просьба могла возникнуть у северных торговых людей лишь после той первой разведки Мангазеи, о которой говорит Пинежский летописец.

Доктор исторических наук М. И. Белов на основе прочтения Пинежского летописца сделал вывод, что поход Юрия Долгушина начался в 1597 году, а закончился на реке Тазе в 1598 году. Целый год был пропущен из-за остановки на реке Надыме, которую летописец называет "мангазейской рекой", так как она

¹ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. I. — С. 110.

² Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. — Л., 1972. — С. 62.

³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 43.

действительно протекает восточнее Обской губы, в которую впадает в двухстах километрах от Обдорска (ныне Салехард), а все, что находилось восточнее Обской губы, — это уже Мангазейская земля. О поселении Надыме в источниках имеются краткие, но любопытные данные. В XVI веке, очевидно, здесь находилась стоянка торговых и промышленных поморов — опорный пункт для тех, кто шел на реки Пур и Таз. Возникло это становище раньше города Мангазеи и в какой-то степени заменяло его, являясь своего рода центром промыслового освоения Обско-Пуровского района. Перезимовав в Надыме, поморы-землепроходцы отправились дальше и, пройдя Обскую и Тазовскую губы, попали на другую мангазейскую реку — Таз.¹

К сожалению, мы не располагаем более ранними документами о Мангазее. В 1626 году при пожаре Москвы погибли бесценные материалы приказа Казанского дворца (правительственного учреждения по управлению Сибирью). Зато мы знаем, что существовала летопись Мангазеи. Список с нее обнаружен Енисейской воеводской канцелярией "у новомангазейского жителя Александра Горохова". Но судьба этого списка не прослежена. В то же время из письма мангазейского воеводы Андрея Палицына от 1630 года мы узнаем, что в создании новой редакции мангазейской летописи участвовали мангазейский троицкий священник Сосна и холмогорец Второй Владимиров. Вот как об этом написал воевода: "А тот, господине, поп ведомый колдун и коренщик... А Вторка пишет ему, Григорию (воеводе — М. Б.), богомерзкие еретические книги... Они (Сосна и Владимиров — М. Б.), все пере-губили... в перочернильное начертание привели..."²

¹ Белов М. И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси. — Л., 1972. — С. 282—283.

² Белов М. И.; Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. — Л., 1980. — Ч. I. — С. 29—30.

Поясним читателю ситуацию, связанную с написанием жалобы в Москву. В эти годы в Мангазее было два воеводы — Г. И. Кокарев и А. Ф. Палицын. Между этими вельможами существовали давние и очень серьезные семейные счеты, которые не могли не породить взаимного недоверия. Мангазейский город разбился на два лагеря. Служилые люди держали сторону Кокарева, а поморы и промышленные люди — более культурного и обходительного Палицына. Противостояние доходило не только до потасовок, но и до применения оружия, результатом чего стали многочисленные человеческие жертвы. Бить челом от имени всех мирских людей на насилия и злоупотребления воеводы Кокарева отправился на Русь знаменитый впоследствии устюжанин Ерофей Хабаров. Правительство вынуждено было отозвать в Москву зарвавшихся воевод.¹

Историк М. И. Белов считает, что уже в 1572 году на территории треугольника, образованного впадением небольшой речки Осетровки в реку Таз, появились первые постройки поморов, проникших сюда по Мангазейскому морскому пути. Вскоре здесь уже существовал небольшой поморский городок. Мангазея, в отличие от других русских городов Сибири, основой которых были поселения местных племен, например Тобольска (Кучумово городище), Тюмени (городок Чимгин Тура), Березова (остяцкий городок Сумгут Ваш), стояла на месте русского поморского поселения.²

До сих пор у историков нет единого мнения о точной дате основания Мангазеи. В 1600 году была организована государственная экспедиция под руководством Мирона Шаховского и Даниила Хрипунова. Для нас ос-

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 175—197.

² Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Указ. соч. — С. 30—31.

талось загадкой, дошел ли отряд до места своего назначения, был ли основан там острог.

Царское правительство направило новый, более многочисленный отряд служилых людей под предводительством князя В. М. Кольцова-Мосальского и письменного головы С. Е. Пушкина. Государев наказ 1601 года предписывал им учесть количество "городков и волостей", промышленников в "Мангазее и Енисее", а также идти "в Мангазею и в Енисею однолично наспех днем и ночью, с великим береженьем, чтоб им в Мангазею и в Енисею притти водяным путем до заморозков. И в Мангазею и в Енисею идучи не зимовать".¹

Историк XVIII века Г. Ф. Миллер считал, что экспедиция М. М. Шаховского и Д. Хрипунова достигла городка Березова и оттуда на выстроенных кочах и коломенках, пригодных для "морского хода", через Обскую губу пыталась достичь устья реки Таза. Во время этого плавания экспедиция потерпела крушение, но добралась до Пантуева городка, расположенного на восточном берегу губы. У местных жителей сибирский воевода вытребовав оленей, и отряд двинулся далее на восток. В этот момент поморские и зырянские промышленники, имевшие большое влияние на самодийских жителей, организовали их выступление против установления политического господства царского правительства. В бою русский отряд потерял 30 человек убитыми, а остальные "падчи на оленев душой да телом". Дальнейшая судьба этой экспедиции неизвестна, скорей всего, первым сибирским воеводам удалось захватить один из поморских городков и укрепить его.²

Другой исследователь историй Сибири, Б. Житков, утверждает, что первая экспедиция не достигла места

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. I. — С. 396.

² Там же. — С. 395, 401—402.

назначения и острог был основан Василием Мосальским и Савлуком Пушкиным в 1601 году.¹ "Как бы то ни было, — отмечал историк Сибири Д. Н. Анучин, — но с 1601 года новый городок стал действовать: собирать ясак с инородцев и вести с ними торговлю".²

Мы располагаем документом — "памятью" приказа Казанского дворца тобольским воеводам Ф. И. Шереметьеву и Е. М. Пушкину о содействии назначенным в Мангазею воеводам князю В. М. Мосальскому и С. Е. Пушкину, в которой прямо говорится: "А велена им в Мангазее на Тазовском устье постави острог для того, чтоб мангазейскую и енисейскую самоедь привести под государеву, царскую высокую руку и есак с них ежегод збирать".³ Этот документ датирован 1 сентября не ранее 1600 года.

Современный исследователь Сибири доктор исторических наук В. А. Александров более осторожно высказывается о неудаче первой экспедиции на Обский Север: по его мнению, она все же достигла берегов реки Таза, заняла там один из существующих городов русских промышленников и укрепила его. Вторая государственная экспедиция на том же месте основала укрепление, построив затем Мангазейский острог.⁴

В 1968 — 1970 и 1973 годах историко-географическая экспедиция под руководством доктора исторических наук М. И. Белова изучала старое городище в нижнем течении реки Таза, где в XVI и XVII веках,

¹ Житков Б. Город Мангазея и торговый путь через Ямал// Естествознание и география. — 1904. — № 5. — С. 1—2.

² Анучин Д. Н. Город Мангазея и мангазейская земля// Землеведение. — СПб., 1903 — Т. X. — Кн. IV. — С. 3.

³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии// Сборник документов. — М., 1951. — С. 151.

⁴ Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 17—18.

по преданиям, стояла Мангазея. Ученые не определили точной даты основания острога. М. И. Белов называет в своих работах разные даты основания "сибирского соболиного клондайка".¹

Пусть историки спорят и уточняют год рождения Мангазеи, для читателя важнее знать последующие события. Через полтора года на смену второму московскому отряду были направлены воеводы Федор Булгаков и голова Никифор Ельчанинов. "Наказ" и "память" от 25 января 1603 года предписывают новому начальству "взяти у князя Василья Масальского да у Савлука Пушкина государев наказ и грамоты о всяких государевых делах и острожные ключи и острог и на остроге наряд и в казне зелье и свинец и всякие пушечные запасы и в житницах хлебной запас...".² Этот документ подтверждает существование на реке Тазе Мангазеи.

В 1607 году Мангазейский острог становится городом. На этот счет мы располагаем списком старого летописца, в котором записано, что "во 115-м (1607 г. — В. Б.) году зарублен город Мангазея на Тазу реке, и зарубил тот город Давыд Жеребцов, а какого чина он Жеребцов был о том не значитца".³

М. И. Белов также подтверждает, что деревянный город был срублен при воеводе Давыде Васильевиче Жеребцове и письменном голове (военачальнике, действия которого определялись письменными "наказами".

¹ Белов М. И. Мангазея. — Л., 1969. — С. 37, 123; Белов М. И. Раскопки золотокипящей Мангазеи. — Л., 1970. — С. 12; Белов М. И. Златокипящая Мангазея // Наука и жизнь. — 1969. — № 7. — С. 16—17; Белов М. И., Овсянников О. В. Раскопки Мангазеи // Совет. археология. — 1972. — № 1. — С. 217—218.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.; Л., 1941. — Т. II. — С. 174.

³ Крадин Н. П. К вопросу о реконструкции города Мангазеи // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. — С. 216—217.

центральной или местной власти) Курдюке Петровиче Давыдове.¹

Что же представлял собой этот "украсно украшенный" город?

В нем имелись деревянная крепость-кремль, крепостная стена, посад, кладбище, три церкви, гостиный двор, "государевы житницы". Мангазея не отличалась ничем особенным от других рубленых средневековых городов поморского Севера. Одна из церквей была возведена в честь почитаемых на Севере Михаила Малейна и Макария Желтоводского.² В этот приполярный край поморы принесли и память о святых Русского Севера: Прокопии Устюжском, Соловецких чудотворцах, митрополите Филиппе. Почитаемый по всему Поморью Николай Чудотворец имел свой придел в соборной Троицкой церкви. Иностранные писатели также неоднократно отмечали распространение в Сибири почитания Николая Чудотворца, принесенного с Поморья. Английский врач Самюэль Коллинз утверждал, что жители Архангельска и Колы "не знают другого бога, кроме св. Николая, который, по их мнению, управляет всем миром".³ Как тут не вспомнить северную поговорку: "От Архангельска до Колы — тридцать три Николы" (33 церквей, пределов и часовен в честь св. Николая — В. Б.). Был здесь и свой святой — Василий Мангазейский, который считался покровителем промышленного люда.⁴

Церкви и другие городские постройки стояли на вечной мерзлоте, поэтому фундаменты зданий укреплялись на слое замороженной строительной щепы. В Ман-

¹ Белов М. И. Мангазея... — С. 48.

² Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Указ. соч. — С. 31.

³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — Ч. II. — С. 34.

— ⁴ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 331—354.

газее насчитывалось до 500 деревянных домов, в которых могло разместиться 1000 — 1500 человек. Чисто сибирским явлением можно считать наличие в городе "аманатской избы" (дома, где содержались в качестве заложников представители местных племен).¹

В Мангазее имелся свой постоянный гарнизон. В 1625 году он был наполовину сформирован на месте из промышленников, а другую половину составили служилые люди, специально набранные в стольном городе Тобольске.² Так поморские промышленники, мореходы и "гулящие люди" переходили в сословие сибирских служилых людей.

Двиняне, устюжане, пинежане, мезенцы и другие "промышленные людишки", занесенные в суровый мангазейский край, нуждались в особой "мирской" организации. Здесь сложилась своеобразная община, центром которой была Успенская церковь на посаде. Мангазейская община — "мир" — отличалась от земских миров на родине поморов тем, что она объединяла не территорию, не волость и не уезд с постоянным населением, а тех торговых и промышленных людей, которые оказались в "златокипящей государевой вотчине". Эта община стала союзом персональным, а не территориальным. Возникший "с узкими фискальными целями, — пишет С.В.Бахрушин, — исключительно как орган распределения тягла, мангазейский мир, объединявший заброшенных на далекие берега Тазовской губы промышленных и торговых людей, приобрел здесь, особенное значение, какого не имели, по большей части, миры в исконных русских городах".³

¹ Белов М. И. Мангазея... — С. 48—49.

² Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. — М., 1973. — С. 28.

³ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 302.

В то же время следует отметить, что мангазейский мир дружно и организованно участвовал в борьбе с воеводой-самодуром Г.И.Кокоревым. Существование мирской организации среди северных промышленников, образовавшейся, по свидетельству С. В. Бахрушина, "само собой, даже без ведома Москвы", — важный показатель постоянных и жизненно важных связей поморских промышленников с Севером Енисейского края. Такой орган самоуправления, обладавший, как показала "мангазейская смута", политической силой, мог возникнуть только в среде промыслового люда, считавшей местные промыслы "своими".

Конечно, наличие мирских организаций не решает еще вопроса о сложении постоянного русского населения, но считать это явление одним из важных показателей указанного процесса, безусловно, нужно.

В 30-х годах поморские промышленники продолжали еще считать себя связанными со своими родными местами, откуда они попали на берега Енисея, и не называли себя мангазейскими жителями, а именовались пинежанами, колмогорцами, сысоличами, важанами.¹

Длительные отъезды на сибирские промыслы были обычным явлением для поморских промышленников. Еще в 1627 году сольвычегодские воеводы писали о них в Москву: "Съехали в Сибирские города для промыслов; а отцы их и братья, которые живут с ними не в розделе; и жены их и дети оставались от них у Соли на посаде и в Усольском уезде, а они в Сибири по промыслу живут года по 2 и по 3, и по 5, и по 6, и по 10, и болши". Прочность промысловых связей устанавливалась поколениями. Таможенные книги Мангазеи сохранили фамилии поморов. Так, в книге за 1631 год упоминаются промышленники пинежанин Иван Еремеев, Ворогов и мезенец Осип Григорьев Цыпаня-Голубцов — органи-

¹ Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 60.

заторы Дубчасской слободы, Семен и Дружина Ивановы Щепоткины, Василий Андреев Криводанов, пустозерец Григорий Галев, Кузьма и Матвей Ивановы Луговые.

Фамилии Луговых и Щепоткиных упоминаются в таможенных отпусковых книгах 50-х годов. Там же указаны Иван и Никита Григорьевы Галевы, одни из постоянных жителей Хантайской слободы. Весьма вероятно, что название станка Гольчихи в устье Енисея происходит от семьи Галевых. Известно, что в 40-х годах на Хатанге существовало Беляево промысловое зимовье, по-видимому, с постоянным поморским населением.¹ Надеюсь, что заинтересованный читатель найдет свои родовые корни, которые пустили "побеги" из Поморья в Сибирь. Очень занимательная работа — поискать своих предков, тем более, что таможенные книги еще сохранились. Было бы только желание прикоснуться к "семейной" истории...

Все пути, которые вели в Мангазейскую землю, сходились в Мангазейском море. Что же понимали поморы и первые сибирские поселенцы под Мангазейским морем?

Обнаруженная карта — чертеж "Море Мангазейско с урочищи" — фиксирует его географические границы. К сожалению, эта древняя карта не датирована, не определены ее автор и место создания.

М. И. Белов считает, что, несмотря на недостатки в картографировании, первая русская карта Северо-Западной Сибири оказала значительное влияние на русскую картографию XVII и начала XVIII века. Так, почти полностью скопированы с нее очертания Мангазейского моря и в особенности Новой Земли на известном чертеже Сибири 1667 года Петра Годунова. Конфигурация Ямальского полуострова воспроизведена с этого извест-

¹ Там же. — С. 61—62.

ного чертежа на карте голландца Исаака Массы. У него много общего и с чертежом "Расселение народов Северной Азии" Петра Миллера.¹

Что касается географических границ Мангазейского моря, то они определяются крайними его объектами. На севере показаны остров Белый, оконечность Гыданского полуострова и северный район Ямала, на западе — восточный берег полуострова Ямал от устья Оби до северных пределов. Самая восточная граница проходит по Гыданской тундре, на юге к этому морю отнесены устья Таза, Пура, Оби.

В центре чертежа изображено Мангазейское море, а на полях написано: "Губа моря Мангазейского". Так как Обская и Тазовская губы не разделены, то надо полагать, что безымянный составитель чертежа не различал их. Обская и Тазовская губы в качестве отдельных водных бассейнов появились на картах только в XVIII веке. Уже на чертеже Петра Миллера название "Мангазейское море" было заменено новым — "Тазовское море".²

Мангазея была первым заполярным морским и речным портом Сибири. Ее развитию во многом способствовал Мангазейский морской ход. От второй половины XVI века сохранился целый ряд совершенно определенных свидетельств этого.

В 1595 году голландские путешественники, чей корабль стоял близ берега острова Вайгач, слышали от русских мореходов, что из Холмогор они ежегодно ходят на реку Обь и далее.³ "Морем и Обья" ходили в конце столетия в Мангазею пинежане и мезенцы, как видно

¹ Белов М. И. Подвиг Семена Дежнева. — М., 1973. — С. 222; Вопросы географии петровского времени. — Л., 1975. — С. 12.

² Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Указ. соч. — С. 114—115.

³ Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия... — С. 89.

из их челобитной в Москву, поданной в 1600 году.¹ В 1617 году сами поморы писали о том, что они ходили морским ходом, "которого лета льды пропустят", в Обскую губу и в Мангазею "для своих промыслов" с Двины, с Пинеги и с Мезени "лет по двадцати и по тридцати и болши".²

Имеются и другие русские источники. Обратимся к одному из важных документов. В "Книге Большому Чертежу" (1627 г.) при описании морского пути указано, что чертеж этого пути был составлен во времена царя Бориса Годунова и описывается он так: "А от Пустозёрска 70 верст губа Болванская; а второе губу в морскую проливу пала речка; прозвище той речки в старом чертеже не написано... От Коротаево 70 верст, река Кара; а промеж реки Коротаево и реки Кары на море остров Вайгач; от берега остров 10 верст. От Кара реки берегом пали в море 3 речки, а прозвище в том месте в старом чертеже тем рекам не подписано".³

Отважными мореходами были поморы с Пинеги и Мезени Иван Угрюмов и Федул Наумов, получившие даже "хвалу" от самого царя Бориса Годунова "за частые поезди в Мангазею", а также пинежанин Леонтий Иванов Шубин по прозвищу Плехан. Одно из своих путешествий он описал сам. В 1601 году он с группой земляков в 35 человек вышел на четырех кочах из устья Северной Двины "пособным морем с западу на восток, по левой стороне берегу, влево море, вправо земля, и шли до устья Печоры реки". Об острове Вайгач Леонтий Шубин говорит, что этот остров каменный, леса на нем нет и "около его русские люди в Мангазею не ходят,

¹ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Указ. соч. — С. 90.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 87.

³ Сербина К. Н. Книга Большому чертежу. — М.; Л., 1959. — С. 161—162.

потому что отошел далеко в море, да и льды великие стоят". Ямальский полуостров охарактеризован им как тундровый: "на обе стороны место пустое... растет мелкий лес, в вышину четверть аршина, а зовут тот лес ярник". Научная ценность наблюдений пинежанина невелика, но это были первые достоверные сведения о природе и географии Карского моря и Ямальского полуострова.¹

Мангазейский морской ход был нелегким и всецело зависел от случайностей погоды: "а коли де бог не даст пособных ветров... и тогда все кочи ворочаются в Пустоозеро", "а как займут льды большие, ино обходят около льдов парусом и гребью недель с шесть, а иногда обойти льдов немочно, и от тех мест ворочаютца назад в Пустоозеро". Пинежанина Фомку Борисова под Бурловым берегом (Варандеем) "заняли великие льды, и они сквозе льды пробивались в том месте четыре недели, и как льды отнесло в большое море, и они пришли к Югорскому шару".²

Но, как говорится, охота пуще неволи. Уж очень хороши были мангазейские соболи. Историк Сибири А. Титов писал, что дальняя заоблачная государева вотчина Мангазея славилась своими "черны велми и великы" соболями, "шерсть жива соболи по земли ся волочить".³

Несмотря на все опасности и трудности пути, мангазейский морской ход был оживленной арктической магистралью: "из Архангельского города... в Мангазею по вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товары и с хлебом". В 1601 году в Мангазею прибыли морем 4 коча, на которых было около сорока человек; в 1602 году — столько же; в 1610 году — 160 человек на 16 кочах;

¹ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути... — С. 110—111.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 89.

³ Титов А. Сибирь в XVII в... — С. 5.

в 1611 году вышли из Поморья 26 кочей, но вынуждены были вернуться из-за неблагоприятной погоды; в 1612 году — 16 кочей, а в 1613 году — 17; в 1618 и 1619 годах в Мангазею "пришли морем многие люди".¹

Нельзя не сказать о судоходных средствах поморов. Бытует расхожее мнение, что северные мореходы плавали на "утлых" судах. Последние исследования российских ученых опровергают это нелепое заблуждение. В народных преданиях, в житиях святых, рукописных книгах начало полярного специализированного судостроения связывают с деятельностью Соловецкого монастыря. И это не случайно, так как именно на Соловках в то время рождалась наиболее передовая инженерная мысль, здесь работали наиболее искусные плотники, строители и механики. В Онежском заливе, в устье реки Кемь, крестьяне Соловецкого монастыря поставили "пастбище" (верфь) и срубили первую "лодыцу".² А чтобы не разбилась она о лед, нашили на ее борта "коцу". "Коца" на судах новгородско-поморского происхождения — это "шуба ледяная", как назвал ее холмогорский промышленник Пантелей Орлов в челобитной по случаю разрушения "коцы — шубы ледяной", второй ледовой обшивки, расположенной в районе ватерлинии судна. Крепление частей судна и обшивки производилось нагелями (это один из самых надежных способов крепления), пазы обшивки сшивались либо можжевельной вицей, либо ремнями, пропускаемыми в специальные несквозные дыры в досках, конопатились мхом или пенькой и смолились. Поморские мореходы часто пользовались "ровдужными" (замша, выделанная из шкур оленя) парусами, которые, благодаря своей жирности, труднее оледеневают.³

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 90.

² Белов М. И. Мангазея... — С. 23.

³ Русские мореплаватели. — М., 1953. — С. V, 13.

Но самым важным изобретением поморов в области кораблестроения надо считать придание корпусу коча яйцеобразной формы, наиболее удобный для выжимания на поверхность при ледовом сжатии. За эту особенность голландский географ и историк XVIII века Николаас Витсен назвал мангазейские кочи "круглыми судами".¹

По длине судно-коч не превышал 19 метров, а по ширине — 5—6 метров. Полярный корабль мог поднимать до 2—2,5 тысяч пудов груза. В Поморье строились и "малые кочи" грузоподъемностью 700—800 пудов, которые использовались северными мореходами на волоках, мелких морских губах (заливах), реках и протоках.²

Особое внимание уделялось оснащению коча и в особенности якорю. На коче Фомы Кондратьева, застигнутом сильным встречным ветром в низовьях Лены, сломался якорь. Не считая возможным выйти в море без якоря, Кондратьев приобрел новый у своего земляка пятидесятника Ивана Григорьева. По мнению прибывшего с Колымы и собиравшегося обратно в 1647 году Елисея Вычугжанина, если бы торговый человек Семен Шубин не дал казакам Ивану Реткину с товарищами "якорь и шейму и ноги, тем служилым людям за море походу не было бы".

В Мангазее, Якутске и на Колыме, где в XVII веке поморы развернули оживленную деятельность, использовались быстроходные кочи, успевавшие за короткое арктическое лето проходить огромные расстояния.

К примеру, в 1646 году пришел в Жиганск с Колымы караван-торговых и промышленных людей. Из "проезжих памятей" мы узнаем, что колымские кочи были отправлены в плавание 9 июня 1646 года и прибыли в Жиганск

¹ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Указ. соч. — С. 116.

² Белов М. И. Мангазея... — С. 24.

раньше "Семена дня", то есть до 1 сентября того же года.

По авторитетному мнению основательно изучившего историю арктического мореплавания профессора М. И. Белова, "судовое кочевое дело возникло в очень давние времена на Крайнем Севере России и целиком являлось результатом народного творчества. В этом смысле коч может считаться национальным вкладом России в дело морского судостроения".¹ Можно добавить, что поморский коч успешно применялся в Сибири и на Дальнем Востоке, способствуя развитию арктического мореплавания, результатом чего стали новые географические открытия поморов в далекой сибирской "украине".

Мангазейский морской ход, освоенный поморами, был как кость в горле у сибирских воевод, богатых купцов-промышленников. Он был им неподвластен, мешал обогащению за счет сибирских промыслов и торгов.

В 1597—1598 годах царь Федор Иванович направил в Мангазею думного дьяка (сословный дворянский чин) Федора Дьякова с отрядом стрельцов. Царский посланец привез с собой двух целовальников, сборщиков таможенной "десятинной" пошлины (при вступлении в должность они целовали крест, отсюда — "целовальник"), которые расспрашивали самоедов и остяков о промыслах и торгах поморов, домогались у инородцев, не собирали ли северные мореходы у них "ясак от имени русского царя".² Основания для этого были. Поморы построили небольшие городки, наладили оживленную торговлю с местными жителями, а часть их "объясачили" — "дань

¹ Белов М. И. Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. — Л.; М., 1951. — С. 66—68, 80.

² Миллер Г. Ф. История Сибири... — С. 309.

с них имали воровством на себя".¹ Это известие дошло до Архангельского края. Но не так просты были поморы. Они послали своих земляков Федула Наумова и Угрюма Иванова в Москву с челобитной к самому царю Борису Годунову, в которой просили дозволения торговать и промышлять "повольно" на реках Оби и Енисее с обязательной уплатой десятинной пошлыны в Окладниковой слободе. В 1600 году в Холмогорах и Усть-Пинеге объявили жалованную грамоту двинскому народу: "Божьей милостью мы великий государь и великий князь Борис Федорович всеа Руси... есьми Двинского уезда пинежан и мезенцев... и всех промышленных людей пожаловали в Мангазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисей, им ходити и с самоедами, которые живут на тех реках, на Тазу и на Пуре и на Енисее, им торговати велели повольно, а нашу десятую пошлыну, от девяти десятая, из соболей лутчей соболь, из куниц лучшая куница, а из лисиц лучшая лисица, а из бобров лутчей бобр, а из песцов лучшей песец, и изо всякие мягкие рухляди и изо всякого товару десятое, тем, торговым людям пинежаном и мезенцом... велели есьмя давати на Мезени, в Окладниковы слободке, приказным людям и старостам и целовальникам".² Эта царская грамота давала возможность легально использовать Мангазейский морской ход.

В то же время царь Борис и его сын царевич Федор повелели в Мангазее "призвать туземцев и сказать им жалованное слово, что прежде сего приходили к ним в Мангазею и Енисею вымичи, пустозерцы, и многих государевых городов торговые люди, дань с них брали воровством на себя, а сказывали — на государя; а теперь государь велел в их земле поставить острог и от торговых людей их беречь".³

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 142.

² Белов М. И. Мангазея... — С. 18—19.

³ Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея... — С. 6.

Угроза запрещения Мангазейского морского хода исходила от Тобольского воеводы, князя Ивана Куракина, которого всегда раздражало, что поморы имеют свободный доступ в "златокипящую государеву вотчину". Он прекрасно понимал, что пока действует морская дорога из Поморья в Сибирь, хозяевами положения останутся поморские мореходы и промышленники.

В ход были пущены различные аргументы, призванные доказать нецелесообразность мангазейского морского хода: необходимость ограждения Сибири от проникновения иностранцев, защиты таможенных интересов государства, предотвращения побегов крепостных крестьян.

Мы не располагаем сведениями о проникновении иностранных путешественников северными морями на Обь и Енисей. Морской путь оказался по силам только поморским мореходам с их многовековым опытом плавания по арктическим водам.

В 1582 году англичане стали домогаться у московского правительства привилегии на исключительное право торговли в устьях рек Северной Двины, Мезени, Печоры, Оби и Енисея. 24 октября 1583 года царь Иван Грозный говорил "английскому послу князю Еремею Боусу": "А что к нам писала королева (Елизавета — В.Б.) о всех пристанищах морских, чтоб ее гостем приходить к Печере да к Исленди (Енисей — В.Б.) да на реку Обь, а те места в нашей земле от Двинского устья от морского пристанища с три тысячи верст".¹ Русское правительство упорно не допускало иноземцев торговать в Сибирь. И все же иностранцам удавалось с помощью русских заготавливать сибирскую пушнину. Англичанин Христофор Холмс, агент Московской компании, сообщил, что в 1584 году из Москвы посылался их русский служащий Богдан с четырьмя своими соотечественниками и моло-

¹ Берг Л. С. Очерки по истории... — С. 92—93.

дым-самоедом на Обь сухим путем "с хорошим запасом товаров". Путешествие поначалу принесло посланцам англичан выгоду: они выменяли у народа, живущего по реке Оби, соболиных и других хороших мехов стоимостью в тысячу рублей. Но соболи и другие товары были конфискованы, а Богдан был заключен в московскую тюрьму.¹

Поморы и мангазейцы также не сидели сложа руки. Мангазейский воевода Иван Биркин, поддержанный 170 поморскими купцами и промышленниками, отказался признать достоверными сведения о появлении иностранных кораблей в Карском море. В 1618 году морской ход, запрещенный за два года до этого, вновь был разрешен.² "И мы, — писал царь Михаил Федорович, — торговых и промышленных людей всех городов, которые ходят для торгов своих и промыслов в Мангазею, пожаловали, велели им ходить с Руси в Мангазею, а с Мангазеи на Русь большим морем и через Камень по-прежнему". Вместе с тем в царском документе уже звучали и угрожающие нотки: русские промышленники предупреждались о том, чтобы они "с немецкими людьми в Мангазею не ходили и их не пускали и с ними, оприч Архангельского города, не торговали, и дорог им не на которые места в Мангазею не указывали, и жили бы в Мангазее с великим береженьем неплотно".³ Тем же, кто нарушит этот приказ, царь грозил великой опалой и даже смертной казнью.

В "смутное время" Сибирь пополнялась беглыми крепостными крестьянами и холопами. Мангазейская дорога была важным путем, по которому двигалась крестьянская вольница в "северную Украину". Эти же

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — С. 188.

² Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. I. — С. 119.

³ Белов М. И. Мангазея... — С. 63—64.

годы совпадали с увеличением налогового пресса на народные массы, усилением крепостнических порядков, которые были закреплены Соборным уложением 1649 года. В 1619 году морской путь в Мангазею был окончательно запрещен. В царском решении было записано, что "та дорога, по государеву указу, от дальних лет в крепкой заповеди с смертною казнью надлежит, чтоб никакой человек тем заповедным путем из большого моря-океана в Мангазейское море, ни из Мангазейского моря в большой океан никто не ходил".

18 сентября 1622 года тобольским воеводам М.^тМ.^т Годунову, князю И. Ф. Волконскому и дьяку И. Шевыреву пришло из Москвы распоряжение о создании заставы между реками Мутной и Зеленой на волоке, предписывалось отправить туда из Мангазеи человек 50 служилых людей и из того "острожку" посылать человек по 5 — 6 по очереди к морю "проведывати про немецких людей и беречь накрепко, чтобы отнюдь в Мангазею немецкие люди с моря водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали".

24 августа 1623 года в грамоте приказа Казанского дворца тобольским воеводам князю Ю.^тЯ.^т Сулешову и Ф. К. Плещееву вновь указывается на необходимость строгого надзора за "морским ходом из Архангельска в Мангазею": "А старою дорогою из Мангазеи Тазом рекою на Зеленую реку да на Мутную реку, да на Карскую губу, и Большим морем к Архангельскому городу и на Пусто Озеро торговым и промышленным людям ходити не велено, чтобы на те места немецкие люди от Пуста Озера и от Архангельского города в Мангазею дороги не узнали и в Мангазею не ездили".¹

Так великий морской путь был закрыт для предприимчивых поморских мореходов, но память о "заповедной", "воровской" дороге "окианскою проливою" долго

¹ Открытия русских землепроходцев... — С. 12—13.

жила среди "ведомых" морских ходоков Поморья, покрывалась налетом легенды, и долго еще ходили среди них толки о том, что "обским устьем в большое море и большим морем в Литву и в немцы пройти можно".¹

Оценивая запрет плаваний в Мангазею, большинство историков и исследователей однозначно осуждают царское решение. Стремясь к объективности, познакомим читателя с мнением историка В. Н. Скалона, которое мы полностью разделяем. Опасность иностранного вмешательства в северную торговлю была реальной. В 1556 году, известный английский мореплаватель Борро, первым из западноевропейцев, увидевший Новую Землю, тщетно пытался пройти в Карское море.² В 1580 году в устье реки Оби было направлено два английских судна под командованием Пита и Джекмена. Провожая их, Борро "настойчиво советовал укрепить за собою проход в Китай, чтобы, подобно королю датскому, иметь право взимать пошлину, как это делается в Сунде". Эту экспедицию также постигла неудача, они не дошли до берегов Сибири.

В 1616 году тобольские воеводы расспросили поморского морехода Еремея Савина и с его слов сообщили в Москву, о том, что "немцы, (иностранцы — В.Б.) забирали на корабли землю у Карской губы", а также о том, что на остроге Колгуев мангазейские мореходы обнаружили разбитый иностранный корабль с пушками.

Слухи о богатствах Мангазейской земли будоражили воображение иностранцев, что вызывало законное беспокойство правительства Московского государства. Со стороны воевод Тобольска, ведавших южными сухопутно-речными путями из Москвы в Сибирь, неплохо ин-

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 92—93.

² Визе В. Ю. История исследования Советской Арктики. — Архангельск, 1934. — С. 19.

формированных о колониальной экспансии морских государств Западной Европы, была проявлена своеобразная дальновидность. Сибирским воеводам было бы весьма трудно противостоять вторжению в низовья Оби иностранных кораблей, богатых военной и морской техникой, имеющих большой опыт колониальных завоеваний и борьбы за новые морские пути.

В основе запрещения морского пути в Мангазею лежало личное заявление торгового человека с Северной Двины Кондратия Курочкина. Нам известно, что он обладал выдающимися географическими познаниями и прекрасно разбирался в морских путях. При посещении устья реки Енисея он убедился в предполагаемой возможности пройти туда с моря судну любой величины. Ему были известны настойчивые попытки иностранцев найти путь в Мангазею и далее на восток, и он быстро сообразил, какие последствия могло это иметь для Московского государства. Курочкин проявил государственный подход, изложив в обращении к сибирским воеводам свои соображения. Заметим, что он как торговый человек жертвовал собственными интересами. При этом, что особенно важно, Кондратий Курочкин рисковал и личной безопасностью, так как, если бы его предложение не было принято, на него могли наложить серьезные взыскания, не говоря уже об осуждении со стороны отдельных горячих на руку земляков.¹

В XVII веке Мангазейский город был одновременно укрепленным ясачным зимовьем и торгово-промышленной факторией. Он состоял из двух частей: города, окруженного деревянными стенами с четырехугольными брусчатыми башнями, для защиты которого содержался постоянный гарнизон из полусотни стрельцов, и посада, примыкавшего к городу, в котором были расположены амбары гостино-

¹ Складов В. Н. Русские землепроходцы—исследователи Сибири XVII века. — М., 1951. — С. 38—40.)

го двора и дома, принадлежавшие служилым людям.

Как уже отмечалось, Мангазея была морским и речным портом Сибири. Сюда "из Енисейского с соболиных промыслов возвращались каюков по 100 и по 150 и больше, да из Енисейского острога приходило дащатников до 20, так что всяких людей на Мангазейскую ярмарку съезжалось тысячи по две и больше".¹ Не случайно уже в "наказной памяти" воеводе Федору Булгакову и голове Никифору Ельчанинову предписывалось "в Мангазее для торговых людей поставить гостиный двор и велел (царь — В. Б.) всяким торговым людям, приезжая, торговати в Мангазее с самоедью и десятинную пошлину платить на гостином дворе".²

К западу от гостиного двора была возведена церковь в честь святых Михаила Малеина и Макария Желтоводского. К востоку разместились питейные заведения и городская торговая баня.³

Таким образом, история хозяйственного освоения и присоединения огромной территории Мангазейского уезда показывает, что если поморские промышленники освоили основные районы пушных промыслов к концу второго десятилетия XVII века, то мангазейские воеводские власти смогли установить свое политическое господство и обложить местное население ясаком только к 1640-м годам.⁴

Напомним читателю, что "ясак" — это дань, которую платят покоренные народы победителю. Жители Сибири платили ясак задолго до присоединения ее к России. С. Ремизов писал, что татары, проникнув на берега Иртыша и Оби, "дани со многих низовых язык взяша". В его "Сибирской истории" приводятся и такое лето-

¹ Буцинский П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд. — Харьков, 1893. — С. 53.

² Миллер Г. Ф. История Сибири... — Т. II. — С. 177.

³ Покшишевский В. В. Заселение Сибири... — С. 35.

⁴ Александров В. А. Начало хозяйственного освоения... — С. 20.

писное свидетельство о сборе ясака хану Кучуму: "...при-
сне время Кучуму ясак с подданных своих збирати,
соболи и лисицы и прочих зверей и рыб".¹

Русское правительство различало два вида ясака в
Сибири — окладной и неокладной. При первом точно
фиксировался размер дани, вносимой персональным пла-
тельщиком в виде оклада по количеству шкурок соболей.
Неокладным ясаком была случайная дань, взимание
которой было трудно предугадать, как, например, дань
с юрацкой самоеды в Мангазейском уезде.² Юрацкая
пуровская самоедь долго и ожесточенно боролась против
объясачивания. Мангазейский служилый человек Мороз
Марков в своей челобитной писал, что в 1626 году он
был послан на Кровавую реку (приток реки Таза в его
низовьях — В. Б.) на самоедь, которая "побивала"
русских людей и не платила ясака и которую он привел
к "беспереводному" ясачному платежу. Однако только
под 1636 годом имеется запись о том, что самоедь
впервые прислала в Мангазею наложенный на нее ясак.
Но и этот ясак вносился не всеми.

Кроме ясака, ясачные люди платили "государевы и
воеводские поминки" (подарки — В. Б.); а сборщики
ясака собирали "в почесть" властей "поклонных соболей".
Эти дополнительные поборы вызывали законное недо-
вольство у местных жителей.

Упорное сопротивление оказывали и некоторые пле-
мена тунгусов. Мангазейский воевода П.М.Ухтомский
получил серьезное внушение из Сибирского приказа за
посылку отряда служилых людей для "проведывания
новых земель" без поморов-промышленников, которые
использовались не только как проводники, но и как
дополнительная военная сила. Было наказано, чтобы

¹ Сибирские летописи... С. 319—321.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. II. —
С. 58—59.

впредь в дальние походы "небольших служилых людей одних бес промышленных людей не посылали [6], чтоб в том нашему делу порухи не было, а нашим бы мангазейским служилым людям на таких дальних службах урону не было".¹ Ценили своих ратных людей московские бояре...

Но самым важным является то, что конфликты с местным населением возникали, главным образом, на первых порах освоения Сибири и не вызывали впоследствии национальной розни. Местные жители, или, как их называли, "ясашные инородцы", получали от центрального правительства твердые гарантии защиты жизни и имущества. Никакой сибирский воевода не имел права казнить "ясашного инородца", дела о их преступлениях посылались на рассмотрение в Москву, а "златоглавая" смертных приговоров никогда не утверждала. В "наказных памятях" казакам, отправлявшимся на новые службы, имелся специальный пункт, в котором говорилось о защите "инородцев", согласившихся платить ясак, от нападений на них племен, не вошедших в состав Русского государства. Казаки-землепроходцы должны были решительно пресекать межплеменные стычки и войны, подрывавшие платежеспособность ясачного населения.²

Обобщая сказанное, приведем суждение Л. Н. Гумилева. Он подчеркивает, что включение в Московское царство огромных территорий осуществлялось не за счет истребления присоединяемых народов или насилия над традициями и верой туземцев, а "за счет комплиментарных контактов русских с аборигенами или добровольного перехода народов под руку московского царя. Таким образом, колонизация Сибири русскими не по-

¹ Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 20—21.

² Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. документов. — Л.; М., 1952. — С. 125.

хожа ни на истребление североамериканских индейцев англосаксами, ни на работорговлю, осуществлявшуюся французскими и португальскими авантюристами, ни на эксплуатацию яванцев голландскими купцами".¹

Мангазея играла также роль плацдарма, с которого началось последующее освоение Сибири — переход с Обско-Иртышского бассейна на Енисей. Кроме того, отсюда совершались разведывательные походы на Лену, Ангару и другие реки. Из Мангазеи поморы и служилые люди проникли в "Тингусию" (Tingosia), о которой упоминает немецкий шпион и дипломат Генрих Штаден в записке, представленной в 1577—1578 годах Георгу Иоаганну, графу Фельденскому.²

В XVII веке по административному делению в состав Мангазейского уезда входила северная часть Енисейского края, охватывающая территорию бассейнов реки Таза, Турухана, низовий Енисея и его крупнейших притоков — Нижней и Подкаменной Тунгусок, а также бассейнов Пясины, Хатанги, Анабары и территорию Таймырского полуострова.

С первых лет XVII века на реке Оби были основаны города Сургут (1594 г.), Надым (1596 г.), Томск (1604 г.) и на реке Кети — Кетск (1605 г.). Основание Маковского, Енисейского, а затем Красноярского острогов было этапом утверждения русской власти на Енисее. Основной поток переселенцев в Енисейский край шел из Поморья. Как известно, этот район не был охвачен крестьянской войной под предводительством С. Т. Разина. Тем не менее переселение оттуда свидетельствовало о глубоких социально-экономических явлениях, порождавших миграционные потоки. Одной из причин ухода

¹ Гумилев Л. Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. — М., 1992. — С. 261—262.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 142.

населения из Северной России в Сибирь, по всей вероятности, было резкое увеличение прямых налогов, в частности удвоение так называемых "стрелецких денег" в 1663 году, что для жителей Поморья оказалось непосильным бременем.

С. В. Бахрушин считал, что промысловое население Мангазейского уезда образовалось за счет выходцев из беломорских уездов (пинежан, мезенцев, кеврольцев, холмогорцев) и уже во вторую очередь — Устюжского и Сольвычегодского уездов.¹ С севера Поморья в Енисейский край более всего переселялось жителей Двинского, Кеврольского и Мезенского уездов. С 1639 по 1645 годы только из Кеврольского и Мезенского уездов ушло 1295 человек, из них более 46 процентов переселилось в Сибирь. И все же из центрального Поморья, Устюжского, Важского (с Устьянскими волостями), Сольвычегодского, большей части Яренского уездов шел наиболее значительный приток переселенцев в Енисейский край. Эти уезды были наиболее населенными на архангельском Севере и наиболее экономически развитыми. В Енисейском уезде на протяжении 60 лет (1630—1690 гг.) преобладали выходцы из центрального Поморья, составлявшие 70—80 процентов всех пришельцев, происхождение которых установлено по таможенным документам.

Больше того, в отношении служилых людей из Поморья, покинувших Сибирь, властями принимались репрессивные меры. Так, в 1641 году мангазейского стрельца Ждана Пругавина и енисейского казака Михаила Леонтьева, приехавших на Двину повидаться с семьями, обвинили в дезертирстве. В своих объяснительных они рассказали о том, что Ж. Пругавин, бывший посадский человек с Курцевского посада (Холмогоры — В. Б.), для торгового промысла ушел в Сибирь в 1632 году,

¹ Там же. — С. 300.

четыре года жил в Тюмени и Енисейске, а затем приехал в Мангазею и был "поверстан" в служилые люди. А М. Леонтьев, также бывший посадский человек из Архангельска, "сшел для бедности" в Сибирь еще в 1624 году, семь лет промышлял в Мангазейском уезде, после чего ушел в Енисейск и стал казаком.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что только в редких случаях служилые люди вывозили в Сибирь свои семьи в полном составе, чаще всего лишь некоторые из родственников отправлялись с ними. К примеру, енисейский казак Прокофий Васильев в 1639 году прибыл из Яренского городка с женой и братом, енисейский казачий пятидесятник Илья Перфильев привез из Каргополя жену и детей, енисейский служилый человек Семен Ильин с Ваги доставил в Сибирь брата с его женой и детьми, мангазейский стрелец Григорий Харлов с Устюга вывез тещу, жену и брата.¹ Этот список можно продолжать. Для нас важно то, что уехавшие поддерживали отношения с оставшимися дома родными, что родственные связи жителей Поморья и Сибири сохранялись долгие годы, а затем стали постепенно угасать. Хорошо бы восстановить поморские родословные сегодняшних жителей Сибири...

Нет сомнения в том, что и успех земледелия в Енисейском уезде в XVII веке объяснялся постоянным притоком туда черносошных крестьян-землепашцев из Устюжского и Сольвычегодского уездов. Немалую роль в расширении енисейских пашен сыграли и промысловики-охотники, которые ежегодно на зимний сезон "крутились" на промыслы, а летом в качестве сельскохозяйственных работников зарабатывали необходимые на зиму "хлебные запасы" у местных крестьян-землевладельцев, посадских и служилых людей.² В XVII веке валовой

¹ Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 106, 124—125.

² Там же. — С. 145, 152.

сбор хлеба в Енисейском крае составлял более 90 тысяч четырехпудных четей. Это давало возможность не только прокормить население, но и выделять часть хлеба в "малохлебные районы" — Мангазейский, Якутский, Нерчинский. Русский посланник в Китае Николай Спафарий писал в конце XVII века: "Енисейская страна вельми хороша... И дал Бог изобилие всякое, хлеба много и дешев и иное всякое ж многолюдство".¹

Берега Енисея севернее Енисейска заселялись главным образом поморскими промышленниками. Скитаясь по соболиным промыслам в этом районе, они разведали наиболее удачные места и обзавелись там займками с тем, чтобы обеспечить себя хлебом при подготовке к очередному промысловому сезону.

Из таких займок, основанных, по-видимому, не позднее 30—40 годов XVII века, выросли впоследствии слободы и деревни, носившие имена своих основателей: Ерыкалова, Ожегова, Подтесов остров, Баженова, Михалева, Савина, Колмогорцева, Погодаева, Анциферов луг...

Между Енисейском и устьем Ангары обосновался казачий десятник С. Родюков², имя которого сохранилось в названии деревни Родюковой, а фамилия служилых енисейских людей Галкиных, представителей известной в Поморье семьи, осталась в названиях деревни и речки.² В дозорной книге Енисейского уезда 1689—1691 годов селение, где стал посадским человеком бывший крестьянский сын Игнатий Петров, происходивший из деревни Морилово Холмогорского уезда, названо деревней Мариловцовой. Но это название не прижилось, и селение в дальнейшем сохраняло свое второе название — Удавленникова.³

¹ История Сибири... — Т. 2. — С. 73.

² Там же. — С. 112—113.

³ Там же. — С. 227.

В XVII веке в Сибири велся интенсивный соболиный промысел. Первоначально процесс объясачивания, как правило, протекал мирно и местное население добровольно становилось "под высокую руку великого государя". Однако в связи с установлением жесткого ясачного режима, злоупотреблениями воеводской администрации и служилых людей, катастрофическим уменьшением пушного зверька, ропот и волнения со стороны местного населения стали нарастать. 1640 год был годом наибольшей добычи соболя за все предшествующее десятилетие — 1600 сороков, после этого наблюдался заметный спад. Правительство не только знало о падении соболиного промысла, но и подсчитывало убытки казны. В Москве считали, что за 20 лет с 1632 по 1652 годы казна недополучила в Мангазейском уезде таможенного десятинного сбора на 100 тысяч рублей.¹ Однако действенных мер по предотвращению истребления соболей не принималось.

Численность промышленников, ежегодно уходивших на соболиные промыслы в различные районы Енисейского края, в некоторые годы достигала и даже превышала 1000 человек и не опускалась ниже 500. Это свидетельствует о наличии постоянных потоков русской колонизации.

Большая часть поморских промышленников в Енисейском уезде уходила в кочах на Ангари, на "тунгусский береговой промысел", или на малых "однодеревых" стружках растекалась по ее многочисленным притокам. Несмотря на то, что с конца 1630-х годов начался расцвет соболиных промыслов в Якутии, численность промышленников в Енисейском уезде до 1660-х годов не уменьшалась. Ангара, а особенно ее притоки, была наиболее богата соболем по сравнению с другими рай-

¹ Там же. — С. 227.

онами Енисейского уезда. В 1648 году с нее было привезено 120 сороков, в 1649 году — 69, в 1657 году — 104 сороков соболя. В те же годы с "енисейского берегового промысла" было вывезено соответственно 129, 37 и 58 сороков соболей.¹ Промысловое население Поморья принесло с собой свои охотничьи навыки. Охота на соболя шла "русским обычаем" — при помощи кулём (ловушек), собак и обметов (сетей). Наиболее производительной считалась охота кулёмами.

Соболиные промыслы были немыслимы без длительной и сложной подготовки. С. В. Бахрушин писал: "Сложность промыслов требовала немалых денежных средств и организации, и, вчитываясь в сибирские документы XVII века, убеждаешься, что промышленное движение на восток было гораздо более организованным, чем принято думать".²

Для тяжелых, длительных, полных лишений и опасностей путешествий до "великие реки Оби" и далее, в Мангазею, на Енисей и Пясино, в тайгу и тундру, мало было одной отваги, выдержки, опыта и умения смотреть в глаза смерти. Для этого нужны были немалые средства. По своим масштабам эти предприятия представляли собой очень заметное явление в экономике страны и сыграли главную роль на первоначальном этапе развития сибирских рыночных связей. Соболиные промыслы, как отмечает доктор исторических наук В. А. Александров, организовывались предпринимателями Поморья, в них участвовали сотни поморских промышленников-своеуильников, вкладывавших в подготовку промыслов весьма значительные средства.

Приведем в качестве характерного примера строки

¹ Александров В. А. Роль крупного купечества и организация пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. // Исторические записки. — М., 1962. — Т. 71. — С. 162.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 198.

из челобитной мангазейских промышленников. Они писали в 1640-м году о том, что ходили "в дальнюю заочную вотчину в Мангазею для торгов и на соболиные промыслы в Тунгуски и по Енисею и в Песиду, на Хету и на Хатангу и на Енисей озеро и в иные многие захребетные и сторонние реки и в малые, речки сами волочимся и покрученников отпускаем", а "подъемы" дороги, "всякая ужина промышленная в подъеме ставится рублей в пятьдеся и больше". В 1649 году они определяли стоимость "ужины", то есть всего снаряжения и припасов, необходимых на зимний промысловый сезон, более чем в 30 рублей, притом что на рынках Мангазеи цены были низкими.¹

Промысловые артели формировались в Сибири в основном из представителей северных уездов России. В 1632 году у енисейского посадского человека Терентия Потапова в числе покрученников были кевролец, вятчанин, устюжанин, лузянин, березовский жилец и четверо пинежан.

В 1659 году в Мангазейском уезде у промышленного человека яренчанина Андрея Смольника покрученниками были устюжанин и тоболоец. В 1678 году в Енисейском уезде у агента торгового человека гостиной сотни Никифора Михайлова среди 12 покрученников были, мезенец, холмогорец, усалец, сысолит, верхотурец, лузянин, пинежанин, соликамец, два яренчанина и два устюжанина. Точно так же обстояло дело и с артелями без покрученников.²

В первой четверти XVII века стало возрастать значение другого торгового центра — Туруханского зимо-

¹ Александров В. А. Роль крупного купечества... — С. 170—171.

² Павлов П. Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX в. — Новосибирск, 1965. — вып. 2. — С. 28.

вья, Мангазея оказалась в стороне от главного пути из Енисейска до Туруханского зимовья, по которому осуществлялось основное обеспечение пушных промыслов.

Впервые вопрос о перенесении воеводства из Мангазеи в Новую Мангазею — Туруханское зимовье — был поставлен воеводой Г. Н. Орловым, который в 1633—1635 годах вместе с дьяком В. Атарским вопреки московскому наказу "своим высмотром" принимал и отпускал ясачных сборщиков и рассматривал судные дела на новом месте. Однако Москва препятствовала официальному перемещению столицы "златокипящей государевой вотчины".¹ В 1650 году мангазейские воеводы представили Сибирскому приказу сильнейший аргумент в пользу перенесения своей резиденции в Туруханск. Речь шла о том, что систематическое крушение хлебных караванов в Обской губе заставляло местные власти искать новые пути и средства по обеспечению мангазейского гарнизона продовольствием. Мангазейский воевода Р.М.Павлов, человек решительный и смелый, прославившийся в годы войны с Польшей, самовольно от "хлебной скудости" переехал из Мангазеи в Туруханское зимовье, а затем начал переводить сюда "на вечное жилье" мангазейских служилых людей с их семьями и хозяйством.²

В июне 1670 года новый мангазейский воевода Д.Т.Наумов, прибывший в Туруханск, обнаружил там всех служилых людей и обратился в Москву с просьбой узаконить перенесение административного центра северной части Енисейского края.

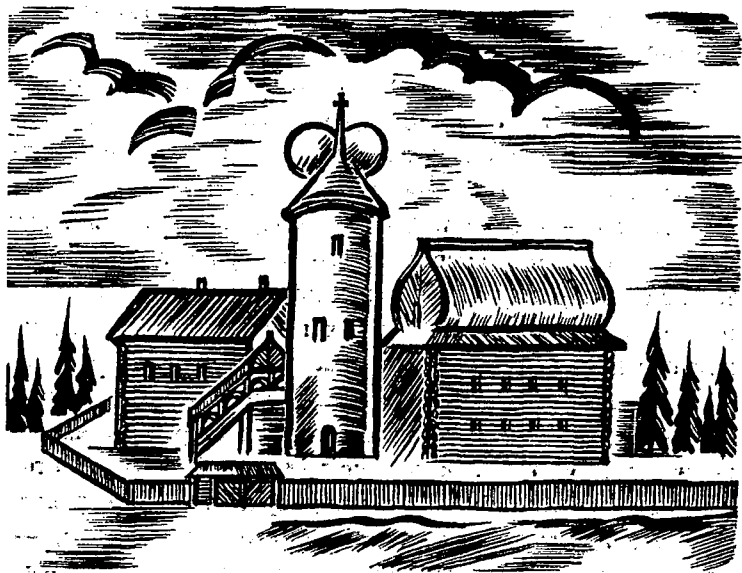
Так Мангазея прекратила свое 70-летнее существование, успев пережить шумную славу неслыханного бо-

¹ Александров В. А. Начало хозяйственного освоения... — С. 27—28.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 283—284.

гатства и горечь полного упадка. Ее уничтожение, прервавшее кратчайший путь, который связывал низовье Енисея с Поморьем, отнюдь не означало запустения края. Однако это имело существенное влияние на его дальнейшее освоение и придало определенное своеобразие процессу образования и размещения в нем постоянного русского населения.¹ Еще раз подчеркнем, что подавляющую часть местных старожилов составляли выходцы из Поморья: Они владели топором, навыками охоты и рыболовства, умели сеять и пахать, знали ремесло и торговлю, что положительно сказалось на процессе освоения Сибири.

¹ Александров В. А. Начало хозяйственного освоения... — С. 29.

ИМЕНИТЫЕ ЛЮДИ СТРОГАНОВЫ

ИМЕНИТЫЕ гости (купцы) Строгановы представляют собой уникальное явление не только отечественной, но и мировой истории.

Вначале, дорогой читатель, выясним, откуда пошла знаменитая династия торгово-промышленных людей Строгановых. Существует легенда о происхождении их от ханского царевича из Золотой Орды, потомки которого стали христианами и верно служили московским князьям. Ханский сын Спиридон был взят в плен русскими и, освобожденный татарами, был "за предательство" ими "застроган" до смерти, отсюда фамилия

Строгановы. Несомненно, это типичная родовая легенда, появившаяся в XVII веке, когда разбогатевшие сольвычегодские купцы хотели объяснить свое происхождение от князей-ханов, чтобы занять привилегированное положение в обществе.

Историки Г. Ф. Миллер, Н. М. Карамзин, Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин, С. Ф. Платонов и другие выдвигают версию о новгородском происхождении Строгановых. Среди их немногочисленных и противоречивых аргументов — летописные данные, списки двинских земель 1471 года, сообщения голландца Н. Витсена, а также имевшие характерные новгородские черты способы заселения, управления сольвычегодскими и пермскими вотчинами, солеваренная техника.¹

Тщательно изучивший эту проблему историк А. А. Введенский начало деятельности Строгановых относит к XV веку, когда четыре представителя этой фамилии — Спиридон, Кузьма, Лука и Федор, посадские люди, вышедшие из поморского крестьянства, — стали основателями могущественной торгово-промышленной династии, продолжавшей свою деятельность вплоть до 1917 года.

Лука, дед Аники Строганова, выходец из двинских низовских крестьян, видимо, разбогател во время "московского устройства" на Двине. Предполагается, что он выступил в роли подставного лица великого князя в инспирированных им судебных земельных исках двинян к новгородским боярам 1471 года.²

А. А. Введенский считает, что Лука Строганов, имея крупные дела в Поморье, управлял ими с помощью своих родственников Юровых или Юрьевых. Семейные

¹ Введенский А. А. Происхождение Строгановых // Север. — Вологда, 1923. — Кн. 2. — С. 70—71.

² Кобеко Д. Крестьянская ветвь Строгановых // Известия генеалогического общества. — СПб., 1909. — Ч. III.

синодики упоминают наряду с женой Луки Марьей Деменьтевной Юрьевой ее брата Ивана с женой Матреной и их отца Дементия. А. А. Введенский полагает, что Иван и Дементий Юрьевы не только были помощниками Луки Строганова, но и участвовали в его предприятиях.¹

В XV веке торгово-промышленный дом Строгановых был единым, а с начала XVI века он распался на три самостоятельные ветви: тотемских (г. Тотьма, Вологодской области) Строгановых, угасших в 1618 году через три поколения; циренниковских (д. Циренникова расположена недалеко от г. Сольвычегодска) Строгановых, окрестянившихся в XVII веке; потомки которых живут до настоящего времени, и сольвычегодско-пермских Строгановых, действовавших пятьсот лет.

О первых двух ветвях этой знаменитой династии подробно рассказал в своей обстоятельной статье А. А. Введенский.² Мы же предлагаем вниманию читателей исторические сведения о разбогатевших поморских мужиках Строгановых, проживавших в Сольвычегодске и поднявшихся до звания гостей.

Расцвет феодальной вотчины падает на XVI век, на годы жизни и деятельности Аники Строганова (1497—1570 гг.). По преданиям, начало строгановским варницам было положено в 1517 году Федором Строгановым, отцом Аникея. В православном месяцеслове нет Аники или Аникея, но имеется Аникита. Не к Анике ли Строганову относится насмешливая поговорка об Анике-воине, часто употреблявшаяся в

¹ Введенский А. А. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. — Петербург, 1922. — С. 91.

² Введенский А. А. Крестьяне Строгановы в XVI—XVII вв. // Труды Тбилисского государственного университета, 1939. — Т. 10. — С. 21—58.

начале нашего столетия.¹ Центр его гигантского хозяйства и родового гнезда находился в городе Сольвычегодске. Первоначально свой капитал Аника Строганов стал создавать на развитии солеварения в возникающем посаде Соли Вычегодской. 24 октября 1545 года на посад приходит особая царская поощрительная грамота о размножении соляных промыслов. Через пять лет "по цареву великого князя слову" волостель Соли Вычегодской дал "Оникею Федорову сыну Строганову под варницу место пустое, а бывала на том месте варница Васильевская Оскентьева", с льготой "на шесть лет", в течение которых Аника освобождался от уплаты "пошлины варничные и оброку". Постепенно солепромышленник Аника Строганов, умело используя промахи своих конкурентов и слабость зависимых от него людей, начинает скупать целые хозяйства своих соседей. Так, им были приобретены "двор Якова Балакшина с срубами и с промысловыми колодезями, двор Осиповский с соляными амбарами, двор Некраса Кожина с рассольными трубами и с колодезями" и другие.²

Из сохранившихся земельных актов видно, что А. Строганов и его сыновья приобретали земли не только покупкой, но и ссудно-денежными операциями под заклад имущества. Нужда в кредите заставляла поморского крестьянина и промышленника идти к банкиру и ростовщику Строганову, который через ссуду и заклад сильно расширял свое земельное хозяйство. Во владении Строгановых был сосредоточен значительный земельный фонд Поморья. Вокруг Сольвычегодска, в Устюжском уезде на Вычегде и Двине они имели деревни, ряд "пожен", "присад" и рыбных ловель: "деревни

¹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 263.

² Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. — М., 1962. — С. 21—22.

все же и с лесами и с угоды по купчим и по порядным и по крепостям".¹

В соляном промысле Поморья использовалась наиболее передовая научная и техническая мысль. Сохранилось практическое руководство "Роспись, как зачать делать новая труба на новом месте". Руководство составлено в Тотьме "трубным" мастером Семеном. "Роспись" говорит о знакомстве северян с принципами обсадного бурения на большую глубину и отражает высокий уровень геологических знаний. "Трубные мастера" — специалисты по установке рассолоподъемных труб, своего рода горные инженеры. Соль добывалась из подземных соляных ключей, находившихся иногда на большой глубине. Тотемские мастера бурения работали и в хозяйстве Строгановых.² В их вотчине добыча соли достигала 600 тысяч пудов в год.³ Снабжая дешевой солью Ливонию, Пруссию и Швецию, русский царь наносил убыток Испании и Франции, которые доселе снабжали солью все эти места... Так строгановская соль делалась орудием большой политики.⁴

Строгановы являлись также крупными закупщиками хлеба. Имеются известия о том, что сыновья и внуки Аники вели значительную хлебную торговлю. Из "памяти" от 16 марта 1578 года, которую дал Никита Строганов своему дяде Семену и двоюродному брату Максиму, виден "строгановский" размах: овес, крупы, толокно и мука поставлялись в Астрахань на сумму в 2000 рублей.⁵

¹ Там же. — С. 36.

² Устюгов Н. В. Научное наследие. — М., 1974. — С. 86—87.

³ Селезнев А. С. Экспедиции по историческим местам Архангельска и Архангельской области. — Архангельск, 1961. — С. 79.

⁴ Марков С. Н. Летопись. — М., 1978. — С. 51.

⁵ Введенский А. А. Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве... — С. 100.

Обширное хозяйство Аники Строганова требовало постоянного управления и руководства. Незаменимыми его помощниками стали три его сына — Яков, Григорий и Семен, которые с 20-летнего возраста приступили к управлению торгово-промышленными делами родителя. Наряду с солеварением в Сольвычегодске развивались железобутное, кузнечно-железоделательное, плотницкое ремесла, жемчужный и другие промыслы.

Аника Строганов считал более выгодным для себя иметь своих рудознатцев и самому добывать железо из болотных и озерных руд. Он смело обращается к царю с челобитьем и запрашивает себе на льготных условиях бодотистые и пустые места в вотчинное или оброчное владение. Нам известны два таких пожалования. Одно относится к 1556 году, когда царь Иван Грозный выдал разрешение Анике Федоровичу, Строганову и, предписывал: "...велел есми сыну твоему Григорию на Устюге в Перми и в иных наших городах искать руды медные и ты бы его на то дело отпустил".¹ Другое пожалование относится к 1577 году: "На Ваге деи, в Содромской волости, есть болота пустые, — писал Яков Строганов в челобитной к царю Ивану IV, — а в них железная руда".² Он просил дать ему "те болота на лготу", с тем чтобы "на тех болотах уставити железное дутье". Ходатайство было удовлетворено, и ему было разрешено "в тех болотах дуть железо и домницы делать и лес сечи около тех болот". Судромские (река Судрома, приток Ваги) разработки железа обслуживали, главным образом, ближайшие поморские районы солеварения, нуждавшиеся в железе для производства цренов.² Про-

¹ Трапезников В. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV—XVII вв.)// Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. — 1911. — № 23. — С. 889.

² Црен (црен) — большая железная сковорода для вываривания соли.

мысел в Важской земле был поставлен широко. К примеру, в 1680 году старец Прилуцкого монастыря, имевшего соляные варницы, купил в Тотьме 70 полищуренного "сутромского железа" и в том же году непосредственно в Судроме 150 криц железа "на полищурены".¹ Техника производства при Анике Строганове была примитивна: "крестьяне железо делают ручными раздувательными мехами".² В начале XVII века Строгановы сыродутную технику плавки железа сменили кричным "немецким" способом обработки тех же болотистых руд. Надо полагать, что эту улучшенную технологию поморские металлурги заимствовали у англичан, которые в 1569 году приобрели право искать руду и строить для ее обработки на Вычегде заводы. Тем более, что 8 августа 1570 года специальной царской грамотой Строгановым было поручено следить за правильностью выполнения "английским немцам" своих обязательств, а также дозволено "ставити у железных руд, где железо делают, домницы, и ныне то повольство отставити, делати им не ослобожати".³ Строгановы имели своих квалифицированных рудознатцев, которые впоследствии были использованы на Урале и в Сибири. В 1577 году по деловым документам о разделе имущества между братьями получили: Семен Аникиевич — "Тимошу рудовщика с семьею", а Максим Яковлевич — "Ивашко Передерня рудовщика с женою".⁴

Предприимчивый Аника Строганов разворачивает торговую деятельность в Коле, Холмогорах и Сибири.

¹ Бахрушин С. В. Железодельные районы в Русском государстве в XVI веке // Вопросы географии. — М., 1950. — Сб. 20. — С. 59—60.

² Курц Б. Г. Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 115.

³ Введенский А. А. Дом Строгановых... — С. 26.

⁴ Введенский А. А. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве... — С. 98.

Известны царские грамоты 1552, 1555 и 1560 годов с поручением Анике Строганову покупок "на царский обиход" английских и других иноземных товаров и с благодарностью за успешное выполнение всякого рода комиссионных поручений в Холмогорах. На участие семейства Строгановых в кольской ярмарочной торговле указывается в деловой бумаге от 24 января 1578 года, в которой упоминается, "что привезли к Москве с Мурманского немецкого торгу товар всякой".¹

При царе Иване Грозном велись длительные войны с Литвою, Ливонией и Швецией; иностранцев, взятых "в полон" в результате военных действий, можно было купить как военную добычу и обратить в крепостную зависимость. По-видимому, Строгановы широко практиковали это. Аника Строганов и его сыновья часто ездили в Москву за покупкой "полонских людей немцев и литвяков", из которых в дальнейшем получались неплохие торговые агенты и приказчики, к тому же владевшие иностранными языками. К примеру, Оливер Брюнель из Брюсселя был выкуплен Строгановыми из ярославской тюрьмы, в которую он попал как шпион по доносу конкурентов-англичан.

В 1570-х годах Оливер Брюнель служил агентом Строгановых по торговым сношениям с Западом. Вместе с русскими приказчиками он несколько раз ездил из Колы в Нидерланды, побывал в Париже, Дордрехте, Антверпене, торгуя мехами.² После 1577 года торговый агент Брюнель дважды морским путем ходил к устью Оби и побывал в районе Мангазеи. Один раз он прошел туда "чрезкаменным" путем, а в другой раз — по Печоре и далее морем.³

¹ Введенский А. А. Дом Строгановых... — С. 28.

² Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея... — С. 7.

³ Александров В. А. Начало хозяйственного освоения... — С. 10; Красинский Г. О путешествиях Оливера Брюнеля на реку Обь // Вопросы истории. — 1950. — № 2. — С. 93—98.

Одновременно с походом Ермака Строгановы предполагали осуществить морскую полярную экспедицию на восток, вдоль берегов Азиатского материка и далее к берегам Китая. Надо полагать, что около 1584 года корабли экспедиции отправились в путь, но проникнуть далее островов Вайгач и Новая Земля им не удалось. Деятельность Строгановых на севере Сибири приобрела большой размах и, по свидетельству голландца Исаака Массы, их обогащение началось именно с пушной торговли в низовьях Оби.¹ Голландец Н. Витсен в свою книгу "Северная и восточная Татария" включил фрагмент о торговле Строгановых в Сибири: "Так он (Аника Строганов — В.Б.) со своими друзьями торговали с ними (сибирскими народностями — В.Б.) в течение нескольких лет, и стали Аниковичи очень могущественны и скупили повсюду кругом много земли, так что люди удивлялись этому страшному богатству, не зная, откуда оно происходит".²

Эти сообщения иностранцев очень верно передают характер товарообменной торговли Аники Строганова и его сыновей с сибирскими народами. Предприимчивость, неустанная жажда наживы, умение организовывать сложные экспедиции в Сибирь, готовность рисковать и в то же время осмотрительность и осторожность в товарно-денежных операциях позволили Строгановым стать самыми крупными землевладельцами, купцами, банкирами и ростовщиками в России.

Получив огромные пермские вотчины, Аника Строганов и его сыновья начали деятельно их осваивать, не забывая и о пушной торговле. Сохранились ценные отрывки из переписки с самим царем Иваном Грозным, фрагмент которых мы приведем: "От царя и великого

¹ Алексеев М. А. Сибирь в известиях иностранных путешественников... — Т. II. — С. 249—250.

² Введенский А. А. Дом Строгановых... — С. 31.

князя Ивана Васильевича всея Руси к Якову Аникиеву сыну Строганову. Как к тебе ся грамота придет и ты б купил на нас соболей сорок по осми рублев и по девяти рублев, и по десяти рублев, и по одиннадцати, и по двенадцати, и по тринадцати рублев. Да и дорогих соболей, одинцов купил сколько добудеши, та и скупив те соболи и одинцы прислал бы еси к нам часа того на борзе. А на которые соболи у тебя денег нет и ты бы соболи поимал на договоре, да и к нам отписал, и мы к тебе за те соболи денги пришлем тотчас. Писан в Слободе, лете 7082 (1573) году декабря в 12 день".

Строгановы поставляли царскому двору не только соболей, но и другие товары. В грамоте от 23 сентября 1574 года Иван Грозный засчитывает в счет налогов со Строгановых суммы денег за товары, которые доставлены ими ко двору: "Прислали есть к нам ширинки (персидские шелковые платки — В.Б.)... и что у вас иманы на нас иные товары".

В середине XVI века резко повысился мировой спрос на пушнину. Этому способствовало создание первого русского порта в Архангельском городе. В Лейпциге зарождается оживленная ярмарка русских мехов. Английские торговые агенты рыскали по всему Поморью, скупая пушнину, проникали даже на Печору и Урал. Возросший спрос на "мягкую рухлядь" со стороны зарубежных рынков всколыхнул поморских промышленников и предпринимателей, толкнув их на открытие новых "соболиных мест". Не остались в стороне и сольвычегодские купцы. В 1574 году Строгановы обратились в Москву с проектом захвата дороги вглубь Сибири путем постройки за свой счет на Тоболе, Иртыше и Оби ряда укрепленных пунктов. В эти же годы из "сольвычегодской резиденции" выдвигается план грандиозного военного похода казаков в Сибирь.

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 140—141.

Всем этим начинаниям способствовала расположенность к Строгановым царя Ивана Грозного. Царская "любовь" объясняется не только умением сольвычегодцев лучше других купцов поставлять нужные товары царскому двору, но и услугами политического, военного и финансового характера.

В начале XVI века энергичные предприниматели расширили свою деятельность на Камское Устье, где завели большие соляные промыслы. В 1558 году Григорий Строганов обратился к царю с просьбой санкционировать освоение и колонизацию земель, расположенных к западу и востоку от того места на реке Каме, где впоследствии был построен Соликамск, и отдать эти земли под управление Строгановым.

В том же году была выдана первая жалованная грамота царя Ивана IV Григорию Аникиевичу Строганову на земли по рекам Каме и Лысове. Десять лет спустя сходную по содержанию грамоту выхлопотал у правительства другой сын Аники Строганова — Яков. Он добился передачи ему на тех же условиях льготного владения огромных территорий на реке Чусовой.¹

Захват земель по Каме носил далеко не мирный характер. Территория, на которую претендовали Строгановы, до их прихода была уже в той или иной мере заселена. Племена манси оказывали ожесточенное сопротивление поморским феодалам. "А те деи слободки стоят на украине, а вогуличи живут близко их слобод, — говорится в одной из царских грамот на Пермь, — и, приходя деи, и невеликие люди украдом, лошади и коровы отганивают и людей побивают, и промыслы деи у них в слободках отняли, и соли варить не дадут".²

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. — М., 1972. — С. 16.

² Бахрушин С. В. Научные труды. — Т. 3. — Ч. 1. — С. 98—99.

Опасность со стороны местного населения сделалась особенно ощутимой, когда в своем продвижении "встречь солнца" Строгановы столкнулись с шедшими им навстречу с аналогичными целями сибирскими татарами.

С начала 70-х годов XVI века наступает резкое ухудшение отношений между Русским государством и Сибирским ханством. Отправленный в 1571 году Кучумом в Москву ясак оказался последним знаком вассальной зависимости сибирского "салтана" от царя. Далее следует цепь почти непрекращающихся антирусских действий Кучума. В "Древней Российской Вивлиофике" Н. И. Новикова говорится о походе в 1572 году царского войска под командой князя Афанасия Лыченицына в Сибирь. Это сообщение уведомляет нас, что "до Ермакова приходу в Сибирь за осьмь лет" полковой воевода князь Аф. Лыченицын был прислан в Сибирь с ратными людьми "проведать царство Сибирское и воевать царя Кучума". Судьба русской рати, согласно рассказу этого источника, была плачевной: "...те ратные люди побиты от Кучума-царя в Сибири, а иные в полон взяты; немногие от них того приходу утекоша чрез Камень к Русе; а снаряд весь, и пушку, и ядра пушечные и зелье, порох и свинец, царь Кучум поимал себе".¹

Сибирские татары начали совершать набеги и в Пермские земли и Прикамье.

Неспокойное состояние приуральской "украины" заставляло принимать дополнительные меры предосторожности. Поэтому для закрепления за собой освоенных территорий Строгановы воздвигали городки, слободы, острожки и укрепления.

В 1574 году Строгановы получили царскую грамоту на постройку городков на Тоболе и его притоках и на

¹ Наш край в документах и иллюстрациях. — Тюмень, 1966. — С. 24; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 23.

Иртыше. В результате бассейн реки Туры, или "Тахчей", как называли эту область в XVI веке, был еще до похода Ермака подчинен русскому влиянию, а "Тахчей", как видно из царской грамоты 1574 года, платили ясак в Казань; одновременно и ханты, жившие "круг Тахчей", стали склоняться к признанию власти московского государя. Немецкий дипломат Генрих Штаден, бывший в Москве в 60—70-х годах, включал поэтому "Тахчей" (Tachsea) в состав русских владений.¹

Русское правительство в свою очередь предоставило Строгановым "места пустые" и даровало им обширные льготы и привилегии. Они имели право "называть" в свои новые вотчины колонистов из числа "неписьменных и нетяглых", которые на 10—20 лет освобождались от всяких податей и повинностей в пользу казны. Строгановы получили право собирать в своих вотчинах подати и отвозить в Москву, вершить суд над населением, вести свободный торг.

Таким образом, в Сибири образовалась обширная феодальная вотчина, своеобразное "государство в государстве", властители которого сосредоточили в своих руках политическое и экономическое господство над занятой ими территорией.

Итоги колонизационной деятельности Строгановых в Сибири были впечатляющими. В 1579 году, приблизительно через двадцать лет после первого царского пожалования, в их владениях были 1 городок, 39 деревень и починок с 203 дворами и Пыскорский монастырь, основанный ими. В 1647 году Строгановская вотчина уже включала 3 городка, 4 острожка, 1 слободку, 6 сел, 231 деревню и починок, в них входило 1844 двора с населением в 5701 человек.²

¹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. — М., 1925. — С. 116—117.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 97.

Укрепленные строгановские усадьбы, городки и острожки были той засечной линией, о которую разбивались набеги, организуемые сибирскими ханами. В то же время они были опорными пунктами для дальнейшего движения русского народа "встречь солнца". Это подтверждают и правительственные документы, которыми мы располагаем. Строгановым предписывалось поставить на берегах Чусовой и Сылвы сторожевые пункты против набегов "нагайских людей и иных орд".¹

Очень бурно развивается соляное производство в "строгановской Сибири". Если в 1579-году под Орлом-городком действовало 7 соляных варниц "со црены" и пустых 6 варниц без цренов, то в 1623 году стало 24 варницы, а в 1647 году — 31.²

Царь Иван Грозный всегда покровительствовал богатому поморскому купцу и промышленнику Строганову. 16 августа 1566 года была выдана царская грамота на имя "Оникия Федоровича" о принятии его с детьми в опричнину.³ Следует отметить удивительную прозорливость Строгановых при выборе своих покровителей. Старинное предание говорит о том, что они выдвинулись при князе Василии Темном. Это обстоятельство находит подтверждение в синодике Строгановых, где первым был записан этот князь.⁴

Аника Строганов прожил нелегкую и долгую жизнь. У него была большая семья: от двух жен он имел тринадцать детей, многие из них умерли во младенчестве, а не вышедшие замуж дочери были отданы в монастырь. Но три его сына: Яков, Григорий

¹ ДАИ. — СПб., 1846. — Т. 1. — С. 173.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. 1. — С. 98.

³ ДАИ. — Т. 1. — № 172, 118, 119; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. — М., А., 1950. — С. 315.

⁴ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 462.

и Семен — сохранили и преумножили богатство своего родителя, переняв его энергию и предприимчивость.

На закате жизни Аника Строганов принял монашеский постриг в основанном им в пермской вотчине Благовещенском Пыскорском монастыре. 2 сентября 1570 года он скончался и был похоронен в своем родовом гнезде — в Соли Вычегодской.

Аника Строганов оказывал постоянные услуги Московскому митрополиту. Сохранились жалованные льготы и благословенные грамоты митрополитов Макария и Афанасия, из которых мы узнаем, что Аника Строганов на другой же год после получения пермских вотчин испрашивал митрополичьего благословения на постройку здесь новых церквей. Грамотой от 4 апреля 1559 года митрополит Макарий разрешил постройку церквей, дал право набирать церковный причт и освободил от всяких пошлин и поборов вновь возникающие обители. Сольвычегодское хозяйство Аники Строганова стало культурным центром, распространявшим самую современную технику и передовые знания. Скандное дело, в Сольвычегодске получило свое начало от строгановских ювелиров, строгановское шитье и иконописные мастерские выработали свой особый и неповторимый стиль. Иконопись мастеров основанных в 1580 годах "иконных горниц" вызывала восхищение современников. Изощренное виртуозное мелкое письмо, тщательная тонкая отделка деталей рисунка, изысканность и богатство орнаментации, сочетание золота и чистых красок — все это делало иконы некими драгоценными предметами. В научной литературе нет определенного мнения по вопросу о том, считать ли данное течение в русской живописи именно строгановской школой, но, пожалуй, никто не отрицает влияния на него вкусов поморских предпринимателей, "чья меценатствующая деятельность нало-

жила свою печать на формирование местного художественного направления".¹

Особо следует остановиться еще на одном направлении, уже в русской средневековой музыке, получившем название "усольского мастеропения". Очень известный новгородский мастер певческого дела Стефан Гольш (возможно, от него пошла распространенная на Севере фамилия Гольшевых) успешно трудился в "Усольской стране". Одним из его талантливых учеников был выдающийся усольский распевщик Иван Лукошков, который впоследствии стал архимандритом во Владимире (с 1602 г.). Так, шаг за шагом, создавалась школа "усольского мастеропения". Наиболее известным представителем последнего поколения певчих был Фаддей Никитина Суботин. Он называл себя "Соли Вычегодской пачеозерцем", подтверждая, что местом его рождения была Пачеозерская волость Сольвычегодского уезда. Будучи человеком музыкально одаренным, он служил в строгановском Благовещенском соборе, где сложился и развивался центр знаменитого в XVII веке "усольского мастеропения".

Строгановы распространили по всей России полифонию в церковно-певческих хорах через своего служилого человека, композитора и дирижера Дилецкого.² Известны две грамоты (1689 г.) царя Петра и царевны Софьи Г. Д. Строганову. Первая из них содержит просьбу прислать в Москву четырех лучших всепеваков, вторая сообщает, что певцы прибыли.³ Слава о сольвычегодских певцах распространилась "от Москвы до самых до окраин" России.

¹ Такташова Л. Е. Мастера "строгановской школы" иконописи: Автореферат дис... канд. искусствоведения. — Л., 1981. — С. 5.

² Введенский А. А. Дом Строгановых... — С. 301.

³ Парфентьев Н. П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре русского государства XVI—XVII вв. — Свердловск, 1991. — С. 123—143, 213.

Книголюб, храмосоздатель и церковник Аника Строганов оказал немалые услуги православным монастырям денежными и книжными вкладами, художественным украшением храмов, финансовой поддержкой книжников-монахов.¹

Характерно, что Аника Строганов оставил после себя сыновьям "яхонту и жемчугу и перстней золотых и алмазов и серег всяких и лапы золотые", однако не в таком количестве, которого все ожидали от столь крупного для своего времени феодала и промышленника. Он был неприхотлив в одежде и пище, драгоценности и ценные иконы он передавал монастырям и церквям, однако своим наследникам он оставил огромную собственность в виде земли, деревень, торговых домов и лавок во многих городах России. Только численность людей, обслуживающих дом Аники Строганова, составляла 2500—3000 человек. Столько же было и сезонных рабочих, судовых ярыжек на соляных судах, грузчиков, дровосеков... А всего в его огромном хозяйстве было занято не менее 5000—6000 человек крепостных и наемных людей.²

Неслыханное земельное обогащение сольвычегодских "новых русских купцов" вызывало зависть и негодование столичной знати. Но пока был жив Иван Грозный, бояре ничего не могли поделать. После его смерти все переменялось. Земское правительство стало упразднять прежние порядки: отняло у бывших опричников земельные участки, лишило льгот и высоких окладов. Строгановы оказались среди тех, от кого отвернулась фортуна. Им припомнили и их опричную службу, и земельные пожалования, из опричнины.

Английский посол Д. Флетчер, будучи в Москве в

¹ Введенский А. А. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве... — С. 111, 113.

² Введенский А. А. Дом Строгановых... — С. 39.

1588—1589 годах, собрал довольно точную информацию о строгановском хозяйстве: "Зависть и негодование на богатство, несогласное с тамошней политикой, в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, — писал посол, — побудили царя отбирать у них сначала по частям, иногда 20000 рублей вдруг, иногда более, пока наконец в настоящее время сыновья их остались почти без капитала, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну".¹

Неудачи посыпались на головы Строгановых одна за другой. К этому прибавились волнения крестьян в их родовом имении. В ночь на 22 октября 1586 года восставшие посадские люди захватили острог и, вооружившись пушкой, двинулись к строгановскому дворцу. Семену Аникиевичу не удалось убежать. Он попал в руки посадских и был убит. Торговый дом лишился старейшего и самого авторитетного из своих руководителей.²

Но Строгановы не сдавались. Они не жалели сил и казны, чтобы заслужить царскую милость. Администрация уже не могло обойтись без из услуг. В 1590—1591 годах царь Федор пожаловал "Никиту Григорьева сына Строганова, велел ему вотчиною его, городком Орлом, слободою и с варницами и с деревнями и с починками и со всеми к ним угодьи владеть, по-прежнему..."³ Через десять лет после опалы Строгановы получили от казны в придачу к старым камским владениям более полумиллиона десятин земли.⁴

¹ Скрынников Р. Г. Ермак. — М., 1992. — С. 150.

² Введенский А. А. Дом Строгановых. — С. 50—52.

³ Устрялов Н. Г. Именитые люди Строгановы. — СПб., 1842, приложение. — С. 42—43.

⁴ Введенский А. А. Строгановы в Казани в XVI—XVII вв. // Труды исторического факультета Киевского государственного университета им. Т.Г.Шевченко. — Киев, 1939. — Т. I. — С. 86—87.

Нельзя не упомянуть о столице строгановской "империи". Город Сольвычегодск со второй половины XV века и до 1685 года был главной резиденцией Строгановых. Здесь находился административно-распорядительный центр по управлению всеми поморскими и пермскими вотчинами, по организации внешней и внутренней торговли в Поморье, Поволжье, Прикамье, Сибири, а также через Колу, Порт Святого Николая, Холмогоры, а позднее и через Архангельск с заграничными рынками Англии, Германии, Голландии, Скандинавии, а через Астрахань — с Персией и Средней Азией.

Сольвычегодский рынок в эти годы стал центром пушной торговли. Сюда из Сибири, с Печоры, Мезени завозились драгоценные меховые товары. В Сольвычегодске с 7 по 14 марта перед началом полевых работ проходила Алексеевская ярмарка, с 7 по 10 июля — Прокопьевская, являвшаяся своеобразным "смотром невест" и местом найма людей перед уборкой урожая, а завершала торговый год осенняя — с 20 по 27 ноября — Введенская ярмарка. На ярмарках основными товарами были сибирские меха, дрова, требовавшиеся в огромных количествах для солеварения, хлеб, всегда ценившийся в Поморье, фрукты и овощи, привозимые из южных районов страны.

Из всех крупных пушных рынков России Сольвычегодские ярмарки выделялись тем, что пушнина там резко преобладала над всеми другими товарами, составляя в 1635 году 55 процентов, а в 1643 — 66 процентов общего товарного предложения.¹ Закупка товаров "на сибирскую руку" проводилась в других поморских городах, поэтому спрос на другие товары был меньше предложения пушнины. Удельный вес местной пушнины на сольвычегодском рынке был невелик, хотя на протяжении всего XVII века в бассейне реки Вычегды велся промысел белки, горностая,

¹ Макаров И. С. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке // Исторические записки. — 1945. — Кн. 14. — С. 148—149.

куницы, а по реке Сыsole — соболя. В 1679 году в сольвычегодских таможенных книгах было зарегистрировано 60 местных сысолевских, или, как еще их называли, заполевских, соболей как заявленных в таможенную и 180 заполевских соболей как купленных. В 1635 году в Сольвычегодске было заявлено в таможенную свыше 22 тысяч белок, добытых в своем уезде, свыше 10 тысяч белок, привезенных из других поморских городов, свыше 7 тысяч ярославских, 500 белок с Унжа и 290 белок из Казани.

Сольвычегодск не только был центром торговли пушным товаром, но и поставлял "мягкую рухлядь" в разные города России — Архангельск, Москву, Ярославль и другие.¹

Совершенно неожиданными являются почти одинаковые цены на соболей в Сольвычегодске и на некоторых сибирских рынках. Частично это объясняется тем, что основной поток пушнины проходил северным путем, минуя Илимск и Тобольск с их относительно более высокими ценами по сравнению с поморскими рынками. По определению историка И.С.Макарова, Сольвычегодская ярмарка была местом встречи непосредственных заготовителей "мягкой рухляди" с крупными торговцами, местом многолюдного, но очень дробного торгова. В 1654—1655 годах промышленники заявили там $\frac{3}{4}$ и в следующем году $\frac{7}{8}$ всей пушнины. В годы подъема пушной торговли главную массу торгующих мехами составили промышленные люди, а покупателей ценных мехов всегда было меньше, чем продавцов. Отсюда понятно, что торговым людям выгодно было на деньги покупать соболей и другую пушнину в Поморье, а не в сибирских городах, куда они везли свои товары.² Добавим от себя, что через Соль

¹ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. — Красноярск, 1972. — С. 75—76.

² Макаров И. С. Пушной рынок Соли Вычегодской... — С. 161, 187; Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). — М., 1960. — С. 279, 183.

Вычегодскую проходили почти все возвращавшиеся из Сибири промышленные люди, многие из которых были выходцами из поморского края. Они спешили распродать свою добычу, с деньгами и подарками скорее вернуться к родным и близким.

Историки неоднократно подчеркивали то обстоятельство, что торговые люди имели от пушной торговли большую прибыль. И. С. Макаров подсчитал, что в Поморье, откуда предпринимались поездки в Сибирь и где была выгодной торговля пушниной на деньги, в 40—50-х годах XVII века прибыль от промысла и торговли составляла 22—25 процентов. Прибыль эта могла быть и больше. Легко представить себе, что при благоприятном стечении обстоятельств промышленники и торговые люди быстро обогащались. Однако громадные расстояния при отсутствии прямых водных путей чрезмерно удорожали доставку в Сибирь промышленных и продовольственных товаров. Обратный проезд налегке обходился дешевле, но владельцев пушнины подстерегали дополнительные расходы сверх дорожных затрат. "Особую статью расходов, притом чрезвычайно тяжелую, — пишет С.В.Бахрушин, — составляли подарки представителям администрации, производившиеся либо совершенно открыто, в "почесть", или в форме фиктивных займов". Таким образом, значительная доля промысловой и торговой прибыли попадала не только непосредственно в государственную казну, но и в руки исполнителей государственной власти. И эта доля государства и его аппарата едва ли была много меньше чистой прибыли купцов и промышленников.¹

В Сольвычегодске на Никольской стороне Строга-

¹ Макаров И. С. Пушной рынок Соли Вычегодской... — С. 159, 162; Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 248—249; Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири... — С. 326—328.

новы построили свои хоромы, дворовые места, мастерские, промысловые сооружения у соленого озера, которые были укреплены острогом. Строгановский кремль с артиллерией, пищалями, вооруженной дворней располагался напротив правительственного кремля на Троицкой, восточной стороне города. Все помещения хором были пышно украшены. В горницах находились большие столы "с дубовыми столешницами", иконы в золотых и серебряных окладах, медная; серебряная и стеклянная посуда, часы — "немецкое дело", ковры из шкур белых медведей. По стенам висели музыкальные инструменты, и даже имелась "клетка попугайская".¹ В Сольвычегодске Строгановы несли и правительственную службу — были волостелями в XVI веке, гостиными и кабацкими головами, контролерами за деятельностью иностранных купцов.

На берегу Вычегды, слева от пристани, возвышалась громада Благовещенского собора — одного из древнейших каменных храмов Поморского Севера. На этом сооружении укреплен надписи: "...построен усердием и иждивением Именитых людей Строгановых в 1560 году". Эта дата — начало строительства собора. Внутри Благовещенского собора — великолепные фрески 1600 года, исполненные, как значится на стенах, "московскими иконниками Федор Савин да Стефан Ярофиев со товарищи". Благовещенский собор являлся для построившего его купца Аники Строганова "с сыновьями и внуками" не только храмом, но и укрепленной цитаделью. В подвалах собора размещались склады пушнины, хранились ценности, а заодно здесь были устроены и тюремные казематы.

Другое уникальное каменное сооружение Сольвычегодска — собор Введенского монастыря, возведенный

¹ Бочаров Г. Н., Выголов В. П., Сольвычегодск, Великий Устюг, Тотьма. — М., 1983. — С. 16.

Строгановыми в конце XVII века (в этот монастырь некоторые представители знаменитой династии уходили монахами). Легенда гласит, что Григорий Строганов хотел поставить церковь, "которая бы превзошла праотца его".¹ И действительно, Введенский собор казался северянам и гостям города не только прекрасным, но и "дерзким", невиданным. Да, умели Строгановы жить с размахом, оставив, как они говорили, "по себе память и на помянок ныне и впредь".

Владение огромными богатствами позволяло Строгановым тратить значительные средства на организацию различных художественных промыслов.

Как уже отмечалось, древнерусская живопись была представлена "строгановской школой" иконописи. Своеобразной разновидностью этой школы является строгановское шитье: плащаницы и пелены, шитые золотыми нитями и украшенные жемчугом. В Сольвычегодских мастерских работали также знаменитые серебряники, снискавшие своими изделиями, особенно расписной эмалью, широкую славу на Руси. В 1653 году сольвычегодские серебряники были вызваны в Москву делать оклады к иконам иконостаса Успенского собора Московского кремля. Андрей, Петр, Семен и Иван Строгановы поднесли в дар новорожденному царевичу, будущему царю Алексею Михайловичу, четыре серебряных кубка общим весом в полпуда и ряд других драгоценных вещей.²

В годы "смуты" Строгановы оказали большую финансовую помощь царю Василию Шуйскому, казна которого вечно пустовала. В Смоленскую войну (1632—1634 гг.) и в войну с Польшей за воссоединение Украины (1654—1657 гг.) они выделили государству огромную

¹ Бартенев И., Федоров Б. Архитектурные памятники Русского Севера. — М., 1967. — С. 176—180.

² Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Сольвычегодск... — С. 60.

по тем временам безвозвратную ссуду в 412056 рублей.¹ По заслугам и честь. Незадолго до своего падения Шуйский пожаловал своим "благодетелям" звание "гостей". Это звание носили немногие лица — самые богатые купцы России. В качестве особой привилегии Строгановы получили право впредь именоваться "с вичем", то есть с отчеством. Это право уравнило солепромышленников с благородным дворянством. Даже богатейшие купцы-гости не могли претендовать на отчество.² Во время правления царя Алексея Михайловича было принято Соборное уложение 1649 года. В нем устанавливался дотоле неведомый на Руси титул "именных гостей". Статья 94 десятой главы гласит: "А буде кто обезчестит имянитых людей Строгановых... и им правити за безчестие: Строгановым по сто рублев человеку".³ Так были защищены права главных предпринимателей России. В XVIII веке Строгановы стали баронами, а позже — графами Российской империи.

¹ Введенский А. А. Дом Строгановых... — С. 131.

² Скрынников Р. Г. Ермак... — С. 35.

³ Памятники русского права. — М., 1957. — С. 90.

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ

ЕРМАК... Это странное, редкое, непривычное имя окутано тайной и легендами. По словарю В. Даля, ермак — это "малый жернов для ручных крестьянских мельниц".¹ Есть сведения о том, что атаманы многочисленных отрядов волжской вольницы после набегов на богатых купцов всю захваченную добычу складывали в общий котел, а потом делили по справедливости, чтобы никого не обидеть. Волжские

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1979. — Т. I. — С. 521.

Робины Гуды не забывали одаривать и местную бедноту. Отсюда будто бы и пошло прозвище Котел, которое потом переименовали на Ермак. Однако Р.Г.Скрынников убежден, что атаман носил православное имя Ермолай, от которого произошло сокращенное "Ермак".

По летописным сведениям, Ермака в обиходе называли еще "Токмаком". Дialeктное слово "токмачить" означало в разных местностях "толочь", "толкать", "колотить". Такое прозвище мог носить человек физически очень сильный. В былинах, песнях, сказках воспевалась сила, и, конечно, человек с прозвищем Токмак невольно вызывал у окружающих уважение, любовь и поклонение.¹

На Руси к христианским именам часто добавлялись прозвища. Нередко имя предавалось забвению, а кличка оставалась, и с нею человек становился известен потомкам. Как правило, прозвище очень удачно подчеркивало особенности внешнего облика человека или его характера, его привычки и склонности.

Многие российские регионы и города оспаривают честь именоваться родиной покорителя Сибири. В начале XX века в Новочеркасске был торжественно открыт памятник Ермаку по проекту известного скульптора М.О. Микешина. Народный герой облачен в боевые доспехи. В левой руке у него знамя, которое он с честью пронес по далеким "землицам", а в правой — корона Сибирской державы. По замыслу скульптора, это символизировало дар знаменитого атамана Родине — он преподнес России Сибирь.

Слова, высеченные на пьедестале, говорят о том, что донское казачество считало Ермака уроженцем их родных мест: "Донскому казаку Ермаку Тимофеевичу, покорителю Сибири, от благодарного потомства в память трёхсотлетия войска Донского, 1570—1870". Здесь же помещены слова Карамзина: "Окончил жизнь в волнах

¹ Бузукашвили М.И. Ермак: — М., 1989. — С. 5. —

Иртыша 5 августа 1584 года. Россия, история и церковь чтят вечную память". На фасадной стороне пьедестала надпись: "Ермаку донцы. 1904 год".

Был ли Ермак донским казаком? Действительно, в сибирских летописях его называют донским и волжским атаманом. В приложенной к донскому календарю за 1874 год краткой летописи Донского войска в списках атаманов за 1579/1584. годы назван и Ермак, хотя известно, что в эти годы он был на Урале у Строгановых и завоевывал Сибирь. Это сообщение наводит на мысль о том, что донским атаманом был другой Ермак, а отнюдь не покоритель Сибири.¹

Уральцы считают, что "начинался" Ермак на Чусовой, что здесь, во владениях Строгановых, прошли его детские и юношеские годы. Одну из таких легенд использовал в своем сказе "Ермаковы лебеди" П. П. Бажов, который отстаивал версию об уральском происхождении Ермака.² Как один из доводов сторонниками этой версии приводится тот факт, что не случайно Строгановы призвали для защиты своих владений отряд Ермака. В те годы на Волге славились своей удалей десятки атаманов, но именно на Ермаке остановился выбор богатых купцов, потому что прежде служил он им верой и правдой. А. Воронихин утверждал, что Ермак "родом был с Урала, с реки Чусовой. Имя его Василий Тимофеевич Аленин. Предприимчивый человек, выходец из народа, а не покорный... "наемник" Строгановых."³

В родословии, авторство которого приписывается самому Ермаку, помещенном в поздних "Сибирских летописях", говорится: "Дед его был суздалец посадский

¹ Воронихин А. К биографии Ермака // Вопросы истории. — 1946. — № 10. — С. 98.

² Бажов П. П. Избранные произведения. — М., 1964. — Т. I. — С. 248—265.

³ Воронихин А. К биографии Ермака... — С. 100.

человек, жил в лишении, от хлебной скудости сошел в Володимер, именем его звали Афонасий Григорьевич сын Аленин, и ту воспитал двух сынове Родиона да Тимофея, и кормился извозом и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, и оттуда бежа з женью и з детми в Юрьевец Поволской, а дети Родион и Тимофей от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы; ему породил детей: у Родиона два сына: Дмитрий да Лука; у Тимофея дети: Гаврило да Фрол да Василий. И оной Василей, был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость, и прибрав себе дружину малую и пошел от работы на разбой, и от них звался атаманом, прозван Ермаком; сказуется дорожной артельной таган, по вол(ж)ски — жерновой мелнец рушной.¹

Р.Г.Скрынников считает, что приведенное "родословие" Ермака носит вполне сказочный характер. Фольклорный мотив "разбоя" распространен в нем на предков атамана в двух поколениях. Рассматривая имя Ермак как прозвище, авторы "родословия" приписывали этому прозвищу совершенно чуждое ему значение — "таган" или "жернов". Подлинное прозвище Ермака они забыли, что и привело их к очередной ошибке — замене имени Ермака именем Василий. Возможно, в строгановских вотчинах XVI века и жил разбойник Василий Аленин, но к Ермолаю Тимофеевичу — историческому Ермаку — он не имел никакого отношения.²

В последние годы российские историки все чаще говорят о том, что "донской казак" Ермак — уроженец Русского Севера. Последней публикацией замечатель-

¹ Сибирские летописи... — С. 305—306.

² Скрынников Р. Г. Сибирская энциклопедия Ермака. — Новосибирск, 1982. — С. 91—92.

ного сибирского ученого, академика А.П.Окладникова стала статья о Ермаке: "Сейчас все больше становится сторонников у самой молодой — северной версии, утверждающей происхождение Ермака с Двины. Ее берега и по сей день хранят память о герое в названиях деревень, проток, холмов, склонов, колодцев, покосов, даже Ермакова лестница есть".¹ В кратком летописце сольвычегодского происхождения есть и такие строки: "На Волге казаки, Ермак атаман, родом з Двины з Борку... разбили государеау казну, оружие и порох и с тем поднялись на Чусовую".² Это село Борок (почтовое отделение Игнатьевское) существует и поныне в Виноградовском районе Архангельской области.

От себя добавим, что Строгановы и раньше набирали казаков на свою службу. Известен факт, когда они в трудный для Ивана Грозного момент набега крымских татар на Москву послали к границе, к Серпухову, на государеву службу свой отряд в тысячу казаков с пищальми и всем необходимым припасом за свой счет.³ В Поморье всегда был силен земский мир, самоуправление и земляческие отношения играли во всех делах не последнюю роль. Строгановым принадлежали речные суда, ходившие по Каме и Волге. "У Строгановых на стругах в работе" в молодости ходил Ермак Тимофеевич.⁴ Видимо, не случайно Ермак был приглашен Строгановыми на службу. Руководитель провел свою боевую дружину за Урал уже проторенным путем. Если вооруженная экспедиция двинулась этой "дорогой", то, несомненно, она была доступнее промыслово-торговым от-

¹ Окладников А. П. Младший брат Илии Муромца // Сов. Россия. — 1985. — 11 авг.

² Ромодановская Е. К. Строгановы и Ермак // История СССР. — 1976. — № 3. — С. 131.

³ Введенский А. А. Дом Строгановых... — С. 34.

⁴ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 461—462.

рядам поморов, не раз посещавшим эти места. Ермак правильно и точно наметил путь движения своей дружины в Сибирь, избежав морозов и голода. Как северянин, он знал не понаслышке про суровую природу этой страны, ее водные дороги-реки, умел ориентироваться в бескрайней тайге-тайболе, обладал навыками хождения на лыжах, охоты и рыбной ловли. Для экспедиции были выделены поморы и зыряне в качестве вожей-проводников, а также переводчики — "толмачи бусурманского языка". Сибирские летописи прямо отмечают, что путь из Сибири "по Тавре вверх и через Камень вогуличами" был известен "вожам" Ермака.¹

Силы Кучума были значительно многочисленнее, однако у них не было огнестрельного оружия — ситуация, сходная с имевшей место в кампаниях Эрнана Кортеса в Мексике и Франсиско Писарро в Перу пятьюдесятью годами раньше. Однако Строгановы и Ермак полагались не только на преимущество огнестрельного оружия. Им было известно о напряженных отношениях внутри Кучумова ханства, и они ожидали, что по меньшей мере некоторые татарские князья, а также вожди вогулов и остяков в предстоящей войне будут на стороне русских. Эти ожидания частично оправдались.²

Победе Ермака и его дружины способствовало и то, свойственное русским, отношение к сибирским народностям, в котором отсутствовали национализм и пренебрежительное отношение к "слабому", в результате чего уже на четвертый день после решающей битвы с Кучумом к Ермаку явились остяки и другие племена, которые в дальнейшем обеспечивали дружину питанием.

Сибирская экспедиция Ермака неотделима от истории казачества в XVI веке. Н. И. Костомаров считал, что слово "казак" чисто татарского происхождения и озна-

¹ Сибирские летописи... — С. 323.

² Вернадский Г. В. Московское царство... — Ч. I. — С. 165.

чало первоначально вольного бездомного бродягу, а несколько позднее — низкий воинский род.¹ По мнению Даля, слово "казак" произошло от среднеазиатского "скитаться", "бродить".² В 1570 году, когда был издан указ Ивана Грозного о признании Войска Донского, у слова "казак" появилось новое значение — "воин".³

Казачество стало характерным явлением народной жизни того времени. Идеал казачества — полная личная свобода, выборное управление, равенство всех членов общины, защита от внешних врагов.

Были казаки и на беломорском Севере. Сохранилась "уставная грамота" Соловецкого монастыря от 17 августа 1584 года. Из этого документа мы узнаем, что население Виремской волости составляли крестьяне, бобыли и казаки. Содержание этой грамоты дает основание заключить, что казаки занимались лишь торговлей и промыслами, кроме своих усадеб они не имели земельного надела.

Имеются документальные сведения о существовании казаков и в Двинской земле. Во времена царя Ивана Грозного в Антониево-Сийском монастыре на постройку церкви было отпущено из государственной казны 900 рублей. На содержание и жалование подмастерьев, каменщиков, кирпичников, кузнецов и казаков было выделено свыше 218 рублей. В описи-отчете казаки стоят после мастеров-специалистов, и можно предположить, что они работали по найму в качестве разнорабочих. Позднее в Холмогорском уезде слово "казак" употреблялось для обозначения временных рабочих, по преимуществу холостых, нанимаемых на время "страды", — летних полевых работ.⁴

¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М., 1990. — Кн. I. — С. 523.

² Даль В. Толковый словарь... — Т. 2. — С. 72—73.

³ Аджиев М. Не растерявши себя. Кто же такие казаки? // Независимая газета. — 1992. — 10 янв.

⁴ Бугославский Г. К. К вопросу о беломорских казаках XVI века. — М., 1905. — С. 1—3.

Казаки работали на верфях, в канатных и парусных мастерских Холмогор и Вологды, на морских и речных судах, команды которых состояли обычно из "ватаг" вольных казаков-судовщиков. Даже монастыри в XVI веке использовали на своих варницах в Уне и Неноксе "прихожих казаков", которые не только "соль варят", но и "живут у варниц" и во дворах в качестве "поваров" и "водолизов".¹

Мы располагаем фактами о том, что на государственной службе по окраинам страны состояли не только служилые люди и местные ополченцы, но и "вольные казаки". Так, Соловецкий летописец под 1591 и 1592 годами упоминает о военных действиях против шведов, в которых участвовали "вольные казаки".

Достоинно внимания и то, что этот источник, сообщая о походе Ермака, так изобразил его: "Того же (7093) году привели к Москве к государю казаки донские и вольские, Ермак с товарищи, сибирского царя, и землю его со всеми сибирскими людьми взяли и к государю в повиновение привели". Мы не будем касаться фактических ошибок данного сообщения, для нас важно другое — деятельность казаков в Сибири поставлена в один ряд с действиями "вольных казаков" на северных рубежах против Швеции. Какой-либо разницы между ними современники не усматривали.²

Наука давно закрепила за казачеством статус этнографической группы, или субэтноса, то есть территориально-культурного подразделения русского народа. Казаки — не единственный субэтнос в России, не менее известны и поморы.

Весьма спорным является суждение отдельных ис-

¹ Труд в России. — Л., 1924. — Кн. I. — С. 54—71.

² Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. — 1951. — Т. VII. — С. 228—229, 234—235; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 39.

следователей о происхождении сибирских казаков. Вот что пишет о них историк Л.Н.Гумилев: "В XIV веке потомки обрусевших хазар сменили русское название "бродники" на тюркское "казаки". В XV—XVI веках они стали грозой степных ногаев и, перенеся войну в Сибирь, добились последнего хана Кучума. Получив подкрепление от московского правительства, они за один век прошли Сибирь до Тихого океана. Нуждаясь в пополнении, они охотно принимали в свои отряды великороссов, но всегда отличали их от себя. Всех вместе их принято называть землепроходцами".¹

Хорошо известно, что от примерно полутысячной дружины Ермака, состоявшей, действительно, главным образом из вольных казаков, после завершения сибирской экспедиции в живых осталось менее сотни. После гибели атамана "ермаковы казаки" ушли "на Русь" и вернулись затем в Сибирь уже вместе с превосходящим их по численности в несколько раз отрядом "государевых служилых людей", подчиненных царским воеводам. Историк Н.И.Никитин провел специальное научное исследование по данной проблеме. На основании документальных данных он утверждает, что формирование сибирских гарнизонов проходило в основном за счет жителей Поморья, переведенных "на вечное житье" в Сибирь. Только в 1635 году примерно 1000 ратных людей из Великого Устюга, Каргополя, Холмогор, Вологды и Нижнего Новгорода влились в состав сибирских гарнизонов.²

Служилое население Енисейского края, состоявшее из "приборных" людей — стрельцов и казаков, обра-

¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России... — С. 258; Никитин Н. И. Казачьи корни уходят в Поморье // Правда Севера. — 1993. — 31 марта.

² Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. — Новосибирск, 1988. — С. 30.

зовалось первоначально в результате присылки "на вечное житье" служилых людей из Западной Сибири и из набранных там же "вольных гулящих людей". Большинство переведенных служилых людей по своему происхождению были из Поморья.

Существовало такое понятие, как "казаки-наемщики". Приведем текст одного документа, относящегося к 1639 году: "Се яз Федор Козьмин сын Важенин (уроженец Ваги Шенкурского уезда — В.Б.), гулящий человек дал есми настоящую запись Енисейскому острогу служилому человеку Онтипе Иванову: я нанялся у него в его место на службу и служить мне за него всякая служба зимою и летом, и нартою и на лыжах, с ынными Енисейскими служилыми людьми, куда пошлет атаман Осип Галкин...". Знакомые все имена — Онтип Иванов, Осип Галкин... Земляки-поморы держались друг друга в далекой Сибири.

Воевода В. Н. Пушкин писал в Москву о выгодности брать на службу поморских промышленников, так как, мол, они на Лене живут лет по 5—10 и более, службу знают хорошо и с казаками не раз бывали в походах. Более того, он велел брать на службу именно "гулящих людей" (не платящих ни государственных, ни частных владельческих повинностей). В результате сложились следующие источники набора служилых людей: родственники казаков, новокрещенные иноземцы, ссыльные и "гулящие люди" преимущественно из промышленников.¹ Последняя группа была самой многочисленной из "приборных людей".

Тобольск в XVII веке был не только ядром Тобольского разряда, в состав которого входило несколько сибирских уездов, но и административным центром по управлению всей Сибири. Поэтому в Тобольске фор-

¹ Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1978. — С. 60—63.

мировались пополнения для восточносибирских гарнизонов.

В 1630 году специальный набор служилых людей для Тобольска был проведен в Поморье, где сын боярский (мелкий землевладелец) Гр. Шестаков в Тотьме, Соли Вычегодской, а также в Вологде набрал "из вольных гулящих людей" 485 казаков.

В 1635 году правительство для усиления западносибирских гарнизонов приказало перевести в Тобольск, Тюмень и Туру 570 служилых людей из Поморья (Каргополя, Холмогор, Устюга, 200 человек из Вологды). Одновременно в Вологде, Тотьме и Устюге набирались люди для ямской (почтовой) службы в Западной Сибири. Несколько раньше, в 1590 году, первоначальное население Пелыма составили казаки и пашенные крестьяне, набранные в различных поморских городах, в Пермской и Вятской землях.¹

В "имянных" книгах, содержащих перечень местных служилых людей, далеко не всегда указывалось их происхождение. Так, в именной книге 1637 года из 372 енисейских служилых людей указано место рождения только 87 человек, из них лишь 19 служилых людей было выходцами не из Поморья. Эти, правда, очень неполные данные говорят о преимущественно поморском происхождении служилых людей Енисейска.² Можно было бы привести еще немало документальных доказательств того, что основной костяк служилого населения и казаков в первые годы заселения северо-восточной "украины" составляли выходцы из Поморья, которых позднее историки-сибиреведы назовут старожильческим населением Сибири.

¹ Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. — М., 1973. — С. 28.

² Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — С. 155—156.

Таким образом, не вольные казаки "охотно принимали в свои отряды великороссов" (как утверждает Л.Н.Гумилев), а как раз наоборот: их, вольных казаков, включали в состав воинских подразделений.

До наших дней, как уже говорилось выше, в архивах сохранились "именные книги" сибирских гарнизонов и состава сибирского казачества XVII века, в которых все казаки записаны поименно. Достаточно хорошо известны и родословные наиболее выдающихся представителей сибирского служивого мира: у подавляющего большинства их — поморские корни. Именно Русский Север дал миру самых прославленных землепроходцев: Дежнева, Стадухина, Хабарова, Атласова. Все они "устюжане, да пинежане, холмогорцы, да мезенцы", а вовсе не "донцы" или "гребенцы". Немало среди сибирских казаков оказалось представителей народа коми: прозвища Зырян и Пермьяк были нередки в казачье-промысловых ватагах.¹

Термин "сибирские казаки" также имеет свою историю. С конца XVI и в течение XVII веков сибирскими назывались все служилые казаки, разбросанные по городам и острогам Западной и Восточной Сибири. Наряду с общим названием каждая группа служилых казаков того времени носила название города или острога. Существовали казаки пелымские, сургутские, березовские, тарские, тобольские, братские, иркутские, красноярские и другие.²

Казаки в пору первоначального освоения края часто использовались как вооруженная сила, позднее они несли гражданскую службу в селениях русских жителей и в

¹ Никитин Н. И. Казачьи корни уходят в Поморье...

² Петров В. И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII — первая половина XIX вв.)// Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. — Новосибирск, 1965. — Вып. 2. — С. 204.

улусах нерусского населения. Служилые казаки получали "государево жалование" деньгами, хлебом и солью. Так продолжалось до 1707 года, когда казачье звание стало наследственным. Хотя царский указ разрешал при нехватке потомственных казаков "брать также из посада, а что не достаёт, то пополнить из доимочных рекрут и гулящих людей".¹

Прежде чем подвести итог, сообщим читателю, что все население России делилось по отношению к государству на людей служилых и неслужилых. Первые были обязаны своему государству воинской или гражданской службой. Вторые — платежом налогов и других повинностей, которые назывались "тяглом", а они, соответственно, — "тягловыми людьми". Тягло определялось размером имущества, приносящего доход государству, определяемого писцовыми книгами. Тягловые люди были посадскими (городскими) и волостными, или крестьянами. Первые облагались налогом по своим промыслам, вторые — по землям, которыми владели. Были также "нетягловые" или "гулящие люди", которые имели право переселяться, наниматься, переходить в служилые люди. Об этой категории людей следует рассказать подробнее. Сибирские гулящие люди могли передвигаться и выбирать занятия по собственному усмотрению. Тем самым они на какое-то время выпадали из сферы феодально-крепостнических отношений. Юридически гулящих людей рассматривали как вольных, незакрепощенных, оказавшихся за пределами своего сословия. Их знает Соборное Уложение 1649 года, хотя и не посвящает им специальных статей, определяющих место лиц этой категории в социальной структуре тогдашнего русского общества. Прежнее общественное положение гулящих людей могло быть весьма различным. Но самой

¹ Сафонов Ф. Г. "Русские на северо-востоке Азии... — С. 63.

прочной их средой были крестьянские общины Русского Севера и посады. Небольшую долю давали холопы-вольноотпущенники, но она была мизерна.¹

Историк Н. А. Миненко на основе данных новейшей историографии написал: "Доказано, что служилые люди в Сибири в значительной части происходили из гулящих людей, а последние являлись преимущественно выходцами из поморских деревень".² Такой же точки зрения придерживаются и другие ученые.

По справедливому замечанию С. В. Бахрушина, горстка служилых людей была бы "не в состоянии освоить хозяйственно обширную территорию, если бы не имела постоянной поддержки в непрерывном наплыве с Руси всяких гулящих и промышленных людей".³ Уточним: главным образом — людей из Поморья, смелых и энергичных, трудолюбивых и предприимчивых.

В начале 70-х годов XVI века Россия потерпела первое крупное поражение в ходе Ливонской войны. Крымские татары сожгли Москву. Сибирский хан Кучум немедленно воспользовался этим, чтобы разорвать давнишние отношения с Россией. Его войска и вассалы стали разорять русские поселения в Прикамье.

"Великое разорение" 70—80 годов XVI века затронуло вотчины Строгановых и ограничило их финансовые возможности. За три года до начала первой сибирской экспедиции истек срок 20-летней льготы на прикамские владения Строгановых, и казна обложила их податями. В обстановке военного кризиса 1579—1582 годов царь приказал взыскать со всех торговых людей государства;

¹ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... — С. 101.

² Миненко Н.А. Новейшая советская историография о заселении Сибири в эпоху феодализма // Вопросы истории. — 1984. — № 7. — С. 116.

³ Бахрушин С. В. Воеводское управление Якутии // Якутия в XVII в.: Очерки. — Якутск, 1953. — С. 332.

в том числе и со Строгановых, крупные денежные суммы в счет экстренного военного налога.¹

Кроме того, пермские области подвергались нападениям мансийских племен. Больше всего пострадала сылвенская окраина, принадлежавшая Максиму Яковлевичу Строганову. Это и побуждало его хлопотать о приглашении казаков и снаряжении экспедиции против уральских манси и Кучума, поддерживавшего восстание местных племен.

Составители "Краткого описания о земле Сибирской" сообщали о том, что Ермак с Волги прибыл "в вотчину Строгановых", оттуда направился в Сибирь. Далее они поясняли, что Ермак отправился в Пермский край "по присылке Максима Строганова".²

Памятником пребывания Ермака в Пермской крае служат и местности, носящие его имя: деревня Хуторы Ермаковы в Красноуфимском уезде на реке Сылве, Ермаково Городище на реке Тагиле.³

Авторы строгановской придворной летописи, составленной не ранее 40-х годов XVII века, писали о том, что Строгановы отпустили с Ермаком "из своих городков своих: ратных людей... триста человек... и одеянии украсиша их и оружием огненным пушечки и пищади семирядными и запасы многими". Другие источники сообщают, что Ермак, будучи на Чусовой, "взя с собой тутошних людей 50 человек".⁴ Казак Александров, привезший в Москву весть о занятии сибирской столицы

¹ Скрынников Р.Г. Подготовка и начало Сибирской экспедиции Ермака // Вопросы истории. — 1979. — № 1. — С. 51.

² Полное собрание русских летописей. — Т. XIV. — С. 33.; Сибирские летописи... — С. 10—11.

³ Трапезников В. Очерк Приуралья и Прикамья в эпоху закреощения (XV — XVII вв.) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. — 1911. — № 14. — С. 130.

⁴ Скрынников Р.Г. Подготовка и начало Сибирской экспедиции Ермака... — С. 52.

Искера, показал, что с Ермаком за Урал отправилось 540 волжских казаков.¹ Сибирские летописи сообщают, что в отряд Ермака вошло 300 ратных людей Строгановых, из местного населения, а вся дружина с подкреплением насчитывала 840 человек.²

Историки, как правило, не упоминают об отряде из местных "казаков" в 300 человек. А это ни много ни мало — более одной трети всей ермаковой дружины; "казаки" владели оружием и знали сибирские условия, а такой воин-промышленник стоил двоих... Необходимо провести специальное научное исследование, подтверждающее данное положение. Строгановские суда бороздили уральские реки, и их люди прекрасно знали режим этих водных путей. Они подсказали Ермаку самое удобное время для преодоления Уральских гор. О снаряжении дружины Ермака, выделении Григорием Строгановым проводников для экспедиции говорят и документы: "войску помочь чинил, денги и платье и боевое оружие, и порох и свинец, и всякой к воинскому делу запас давал из своих пожитков, и вожей с ними под сибирские городы посылал своих дворовых людей".³ Многие историки отмечают, что крестьяне-металлурги и кузнецы Красноборска, Сольвычегодска и Великого Устюга ковали оружие для дружины Ермака.

Строгановы вручили войску Ермака иконы и знамёна, два из которых были "главными знаменами", одно с изображением Спасителя, другое — святого Николая, наиболее почитаемого в Поморье.⁴

Историки по сей день продолжают спорить о хронологии похода Ермака. Наибольшее распространение

¹ Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 275.

² Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976. — С. 72.

³ ДАИ. — М., 1857. — Т. VI. — С. 261.

⁴ Сибирские летописи... — С. 315; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... — С. 42.

получила точка зрения, согласно которой поход начался 1 сентября 1581 года. В последние годы на основании нового прочтения письменных источников: царских грамот, донесений и посольских документов — Р.Г.Скрынников пришел к выводу о том, что поход Ермака начался 1 сентября 1582 года. Для подтверждения этого заключения историк использовал также вещественные памятники. В Строгановской коллекции хранилась "затинная пищаль", на стволе которой имелась следующая надпись: "В граде Кергедане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090". Судя по надписи, "пищаль Ермака" была отлита в период между 1 сентября 1581 года и 31 августа 1582 года. Если даже предположить, что Ермак в самом деле отправился за Урал в первый день нового, 7090 года, то разве могли строгановские литейщики сделать пушку и передать ее казакам в самый день отплытия?¹ Доводы Р.Г.Скрынникова представляются логичными и убедительными.

Маршрут экспедиции пролегал по реке Чусовой за Урал. Точнее всего он описан в Погодинской летописи, сохранившей фрагменты материалов Посольского приказа (высшего ведомства в России, занимавшегося иностранными делами) о первой сибирской экспедиции. Отряд Ермака, согласно этому источнику, поворотил "из Чусовой реки в Серебряную реку... с правой стороны... а с Серебряной реки шел до реки до Борончюка волоком и суды на себе волочили, а рекою Борончюком вниз в реку Тагил, а Тагилом рекою на низ же в Туру реку".²

Казаки спешили: только стремительное продвижение и неожиданное нападение гарантировали успех всего

¹ Скрынников Р.Г. Подготовка и начало Сибирской экспедиции Ермака... — С. 55—56.

² Сибирские летописи... — С. 276.

предприятия. Перетащив через ровный и короткий 10-верстовый волок все запасы и малые суда, Ермак спустился по Баранче, Тагилу и Туре в район нынешнего города Туринска, где он впервые столкнулся с передовым отрядом Кучума и рассеял его. Главную задачу — взять "языка" для выяснения численности и боеспособности войска хана — выполнить не удалось. А Кучум уже знал о силах русской дружины, но не проявил беспокойства по поводу намерений казаков, двигавшихся к его столице.¹

Тобольская "Записная книга", отразившая материалы местного приказного управления, хотя и допускает традиционную ошибку в датировке начала похода, тем не менее достоверно передает его стремительный характер: "7088 году во исходе пришел атаман Ермак Тимофеев в Сибирь и Сибирское царство взял в лето 7089 году октября в 26 день".² То есть через два месяца казаки уже заняли столицу Сибирского ханства.

Позднее ветераны Ермака отразили в своих воспоминаниях, как они выиграли "первый бой" у Чувашева мыса, после чего вступили в столицу Искер³ (иногда главную ставку Кучума называют г. Кашлык, русское обозначение — "город Сибирь").

Синодик ермаковым казакам упоминает о гибели казаков в бою под Чувашевым: "...И на том деле убиенным Околу, Ивану, Карчиге, Богдану Брязге и с их дружиною вечная память большая." А всего синодик перечисляет поименно 37 человек, в том числе рядовых участников похода.⁴

¹ Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. — М., 1983. — Т. 2. — С. 248.

² Книга записная. — Томск, 1973. — С. 2.

³ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака // Вопросы истории. — 1980. — № 3. — С. 39.

⁴ Ромодановская Е. К. Синодик ермаковым казакам // Известия сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. — 1970. — № 11. — Вып. 3. — С. 18—19.

Только в отношении Богдана Брязги в других летописях известия самые противоречивые. В Погодинской редакции Есиповской летописи говорится о гибели его под Абалаком: "...а ходит для рыбной ловли ясаул казачей, именем Брюзга, с товарищи... царевич Маметкул со многими людьми пришел на них тай и поби их". Об этом эпизоде, основываясь на документах, подробно написал историк Г. Ф. Миллер.¹

Столь быстрой победе Ермака и его дружины способствовало то, что "царь Кучюм послал сына своего Алея с ратью" для нападения на Пермский край. А это были самые боеспособные отряды.

Для защиты своей столицы Кучюм собрал кочевавших поблизости татар, вогульских и остяцких князьков с отрядами. Именно они устроили засеку возле Чувашева мыса на Иртыше. В бою под Чувашевым мысом казаки в пешем строю стремительно атаковали конное и пешее воинство Кучума и опрокинули его. Первыми бежали с поля боя остяцкие князьки, напуганные ружейной пальбой.

Лихой набег удался. В руки казаков в столице Сибирского ханства попала богатая добыча. Однако торжествовать победу было преждевременно. На исходе осени Ермак не мог выступить в обратный путь. Началась суровая сибирская зима.²

Ермак послал к царю Ивану Грозному своих гонцов во главе с Иваном Александровичем Черкасом (по другим данным, его звали Черкас Александров Корсак) за помощью. В Москве по достоинству оценили важность известий, привезенных казаками, приняли гонцов очень милостиво и содержали за казенный счет. Все участники похода получили прощение, были награждены деньгами и отрезами сукна. Ермаку Иван IV направил через

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 1. — С. 240—241.

² Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. // Вопросы истории. — 1980. — № 3. — С. 44—45.

посла вместе с милостивой грамотой золотые и повелел явиться в Москву.¹ Сохранился текст письма Ивана IV, которое начинается с подробного пересказа отписки Ермака: "Писали Ермак с товарищи, что царство Сибирское взяша... а сибирского царя Кучюма и с его детьми с Алеем да с Алтынаем да Ышимом и с его вой победиша и брата царя Кучумова царевича Маметкула возбища ж, а иноязычных многих людей... привели к шерти (ясаку, дани — В. Б.)".² Язык и стиль этой отписки очень напоминает документы-челобитные, которые отправляли поморы мореходы и землепроходцы в Москву. Надеюсь, что появится в Поморском университете специалист, который проведет специальное исследование по данному вопросу.

Летом 1583 года Иван Грозный отдал приказ о подготовке "зимнего похода" в Сибирь. Беседа с казаками убедила царя в том, что уральские перевалы непроходимы в зимнее время, и он известил Строгановых, которых ранее обязал выставить вспомогательный отряд, об отмене зимнего похода. "Нынче, — писал он, — до нас слух дошел, что в Сибирь зимним путем на конех пройти не мочно".³ Экспедиция была отложена до весны.

Овладение "царствующим градом" Сибири поставило перед казаками проблему организации управления завоеванным краем. Ермак и его атаманы многие годы несли государеву службу, а потому нет ничего удивительного в том, что, получив власть, они начали управлять именем царя, облагая местное население ясаком, приводя его к шерти. Первый ясак Ермак Тимофеевич поручил собрать есаулу Богдану Брязге с отрядом в 50 казаков.⁴

¹ Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 250.

² Сибирские летописи... — С. 281—282.

³ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1982. — С. 173.

⁴ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака // Вопросы истории. — 1980. — № 3. — С. 44.

Поход Ермака коренным образом изменил ситуацию в Сибирском ханстве. Оно и прежде не отличалось внутренней прочностью. Входявшие в него татарские улусы, население которых вело кочевой и полукочевой образ жизни, были слабо связаны между собой. На огромной территории Сибирского "царства" обитали редкие и малочисленные племена манси (вогуличей), хантов, остяков и самоедов, промышлявших охотой и рыболовством. Татарские мурзы облагали их ясаком и обязывали мужское население участвовать в своих военных мероприятиях.

Разгром и пленение татарского военачальника Маметкула способствовали возобновлению междоусобной борьбы между родами. В результате знать стала покидать Кучума, от него отвернулась даже карача (этот титул носили главные саювники хана, принадлежавшие к самым знатным княжеским родам).

Власть сибирского хана перестали признавать местные племена и их князьки. Некоторые из них оказывали Ермаку прямую поддержку, обеспечивая продовольствием, скотом и оказывая другие услуги. В их числе были Алачей, князек крупнейшего в Приобье ханского княжества, ханский князек Бояр, мансийские князьки Ишбердей и Суклем из Яскалбинских мест.¹

Шло время, и отряд Ермака таял с каждым месяцем. Болезни и стычки с татарами приводили к невосполнимым потерям. Казаки могли сражаться с превосходящими силами татар, пока имели порох и свинец. Но за полтора года отряд израсходовал почти все боеприпасы и утратил свое главное преимущество перед татарами, не имевшими огнестрельного оружия.

Но помощь уже была близка. Погодинская летопись

¹ Сибирские летописи... — С. 337; Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака // Вопросы истории. — 1980. — № 3. — С. 46—47.

приводит разрядную запись о посылке подкреплений Ермаку. В поход снарядили "голов Ивана Киреева да Ивана Васильева Глухова, а с ними казанских и сви-
яжских стрельцов сто человек, да пермич и вятчан сто
же человек и иных ратных людей 100 человек".¹ Све-
дения о численности отряда Семена Дмитриевича Бол-
ховского находят подтверждение в царской грамоте от
7 января 1584 года. Иван IV велел Строгановым при-
готовить к весне 15 судов, "которые 6 струги подняли
по 20-ти человек с запасом".

Казаки встретили стрельцов с ликованием и на ра-
достях щедро одарили их "мягкой рухлядью". Однако
государевых людей в Сибири ждали тяжелые испытания.
Казаки заготовили лишь столько продовольствия, сколь-
ко необходимо было им самим для зимовки. Повторно
собрать ясак среди зимы оказалось невозможно. Вместо
отдыха стрельцов ждал голод. Сибирские летописи ла-
конично сообщают: "...бысть во граде Сибири глад
крепок, да егда приидоша воинстии, наипаче гладу об-
держищу, мнози же голодом умроша".² Вскоре умер вое-
вода князь С. Болховский. Стрельцы гибли, не успев
принять участия в борьбе с татарами. Прибытие под-
крепления не облегчило, а напротив, осложнило поло-
жение отряда Ермака. Правда, от стрелецкого войска
остались пища, порох и свинец, так необходимые для
завоевания Сибири.³

Ермак предпринял свой последний поход из Искера.
Поводом к выступлению послужило то, что стало из-
вестно о движении на Искер торгового каравана бухар-
цев. Однако это была преднамеренная дезинформация.
Казаки на судах дошли до устья Вагая, так и не встретив
каравана.

¹ Сибирские летописи... — С. 283.

² Там же. — С. 142.

³ Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — С. 252.

...Ночь 5 августа выдалась темная. Шел проливной дождь. Татары переправились за "переконь" на Вагайскую луку и напали на спящий лагерь казаков. Ермак бился с врагами до последней минуты своей жизни, прикрывая отступление отряда. Он погиб за считанные дни до прихода новых подкреплений из-за Урала.

Три года длилась сибирская эпопея. Все это время горстка казаков, несмотря на голод и лишения, успешно противостояла многочисленным отрядам татар и их союзников. В результате ночной стычки отряд отступил, понеся небольшие потери, но лишившись испытанного руководителя. Смерть Ермака предопределила конец экспедиции.

На войсковом круге в Искере было принято решение о возвращении на Русь. Примерно 600 человек в 1582 году переправились за Урал с Ермаком. Только 90 вернулись на Русь с атаманом Матвеем Мещеряком и головой И. Глуховым. Казаки ушли из Сибири печорским "чрезкаменным" путем. Они спустились вниз по Иртышу и Оби и через Камень прошли на Печору, далее проследовали в Москву — сначала войско Александрова, а затем отряд Киреева.

К этому времени Московское правительство царя Федора, все яснее осознавая значение Сибири, предприняло энергичные меры к восстановлению и упрочению русского влияния и контроля над огромной территорией. Вдохновителем разработки нового плана явился видный боярин, будущий царь Борис Федорович Годунов.

Еще до того, как известие о гибели Ермака достигло Москвы, в Сибирь был направлен новый отряд стрельцов под командованием воеводы Ивана Мансурова. А впоследствии подкрепления посылались за Уральские горы почти ежегодно. Воеводе каждой дружины предписывалось в подходящем месте, обычно на берегу реки, построить крепость. Эти укрепленные города скоро превратились в центры русской администрации в Сибири.

В 1586 году на реке Туре была построена крепость Тюмень, в 1587 году на Иртыше, напротив впадения в него Тобола — Тобольск, в 1590 году — Пелым на Тавре, Верхотурье на Туре, Березов на Нижней Оби, Тара на Иртыше, Нарым на Кети (притоке Оби). В 1604 году на Томи (притоке Оби) был построен Томск.

Вслед за государством в Сибирь шла церковь. Два первых сибирских храма были возведены в Тюмени в 1586 году. К 1605 году появилось еще несколько: в Верхотурье, Туринске, Мангазее и Березове. Первыми из основанных в Сибири монастырей стали Тобольский (1588 г.), Туринский и Верхотурский (1604 г.). Главной целью церкви в ее продвижении в Сибирь было удовлетворение религиозных нужд русских поселенцев. Духовенству и местным официальным лицам запрещалось прибегать к насилию при обращении местного населения в христианскую веру. Православие должно было побеждать "любовью, а не жестокостью".¹

Но христианизация народов Сибири произошла позднее. Сначала предстояло окончательно разгромить еще грозного хана Кучума. В 1586 году в Сибирь были посланы 300 человек под командой воеводы Василия Сукина при "письменном голове" Даниле Чулкове. Д. Чулков стал налаживать отношения с прииртышскими татарами и их ханом Сеид-Ахматом, которого пригласил к себе на пир и для мирных переговоров. Во время пира Д. Чулков стал обвинять гостей в злых замыслах против русских и предложил, чтобы рассеять подозрение, выпить по доброй чаше "зелена вина". Гости-мусульмане отказывались, тогда их связали, а охрану перебили.²

¹ Вернадский Г. В. Московское царство... — Ч. I. — С. 167—168.

² Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 254—255.

Татары разбежались, а их столица Кашлык вновь опустела. Русские снова стали полновластными хозяевами на Иртыше от Тобола до Вагая. Летом 1590 года Кучум совершил набег на свои бывшие сибирские владения и перебил татар, плативших ясак русским властям. Когда в 1591 году тобольский воевода князь Владимир Васильевич Кольцов-Масальский организовал поход против Кучума, в его отряде было много тобольских татар. У реки Ишим Кучум был разбит наголову, но ему вновь удалось улизнуть в Барабинскую степь.

В августе 1598 года тарский воевода Андрей Воейков с большим отрядом вновь настиг Кучума на верхней Оби и нанес сокрушительный удар по его войску. В бою пало свыше 170 татар, 100 воинов Кучума утонуло в Оби, а 50 пленников были повешены. Погибли только знатных пленников: семь царевичей, из них пять сыновей хана, восемь жен Кучума и 13 царевен. Имеется достоверное сообщение, приписываемое одному из сыновей Кучума, о гибели хана: "...бухарцы отца... заманив в калмыки, обманом убили". Так или иначе, но к концу XVI века был вытеснен из пределов Западной Сибири заклятый враг, который в течение многих лет оказывал организованное сопротивление русскому движению "встречь солнца".¹

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что "уже для начального периода присоединения Западной Сибири к Русскому государству типичны не столько завоевательные, насильственные действия царских отрядов, сколько мирное продвижение русских в слабонаселенные местности. Имели место и факты добровольного вхождения в состав России ряда угрозычных и тюркоязычных жителей Западной Сибири."² В качестве примера можно

¹ Там же. — С. 255—256.

² Бояршинова Э. Я. Проблемы Сибири феодального периода в трудах советских исследователей // Вопросы истории Сибири. — Томск, 1969. — Вып. 4. — С. 52.

привести угров левобережья нижнего течения Оби князю Логуя, некоторые татарские усулы, в том числе на Томи, части среднего Приобья. Добровольно подтвердило свою зависимость от Русского государства кодское территориально-племенное объединение хантов.

Прошло более четырех столетий с тех пор, когда Ермакова дружина перешла "Камень" — Уральские горы — и, разгромив Сибирское ханство — один из последних оплотов Золотой Орды, заложила, по словам К. Маркса, "основу Азиатской России".¹ Ничто уже не могло изменить хода событий: ни гибель легендарного Ермака, ни уход из Сибири остатков его отряда. Именно с этого времени началось небывалое, стремительное и грандиозное по своим масштабам движение русского народа "встречь солнца". И мы должны гордиться тем, что пионерами окончательного завоевания и освоения Сибири были наши земляки-поморы, которые через горные хребты, непроходимые болота, по необозримой тайге и тундре всего за полвека вышли на берега Тихого океана.

¹ Архив Маркса и Энгельса. — М., 1946. — Т. 8. — С. 166.

ВЕЛИКАЯ РЕКА ЛЕНА

ОДНИМ из важнейших этапов продвижения поморов в глубь Сибири было открытие ими 'великой' сибирской реки Лены, за которым последовало освоение обширного Ленского края — второй Мангазеи и новой "златокипящей государевой вотчины".

Вот как первопроходцы запечатлели это событие в документах: "...та великая река Лена угодна и пространна, и людей по ней розных землиц, кочевых и сидячих, и соболей и иного всякого зверья много... и государеве казне в том будет большая прибыль и будет та Лена-река

другая Мангазея".¹ Поэтическое воображение М.В. Ломоносова нарисовало эту сибирскую реку такой:

Там Лена чистой быстриной
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Честь открытия Лены и первых путешествий в этот регион часто приписывалась в исторической и географической литературе казачьему десятнику Василию Бугру и сотнику Петру Бекетову, основателю первого якутского острога.

У читателя, несомненно, вызовет интерес необычная фамилия казачьего десятника Василия Бугра. Бугор — это кличка, видимо, казак был крупного телосложения. В документах он значится как Бугор Василий Ермолаев. Выходец из Поморья, В.Е. Бугор тринадцать лет служил енисейским казаком. В 1628 году он совершил путешествие по реке Илиму до устья Игирмы, затем через волок прошел через трудный "Камень" и очутился на реке Муке. А оттуда было рукой подать до реки Куты, которая вынесла лодки Василия Бугра на величавый простор Лены, "славной в свете и великой реки". Два года о землепроходце не было ничего слышно. Наконец он вернулся в Енисейск, доложив, что освоил новый край, оставив на жительство двух своих спутников в устье реки Куты и четырех — на Киренге, при впадении в Лену.²

Мы располагаем документами о том, что в 1637 году лихой помор привез с родины в Сибирь свою семью. Известно также, что он был одним из зачинщиков волнения служилых людей в Якутском остроге. Подоплека этого неординарного события такова. Летом 1647 года Василий Бугор с товарищами "заворовал" (или,

¹ Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея... — С. 4.

² Марков С. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходах. — М., 1976. — С. 318—319.

как сейчас говорят, восстал) против насилия и издевательств якутского воеводы Василия Пушкина. Одним из предлогов восстания явился отказ воеводы отпускать их на новую реку Погычу (Анадырь). Тогда восставшие, забрав у торговых людей морские суда и присоединив к себе покрученников, бежали в низовья реки Лены, а оттуда направились на Яну, Индигирку и Колыму.

В 1649 году Василий Бутор, предводитель восставших казаков, ходил вместе с пинежанином М. Стадухиным по морю на Анадырь, сделав попытку повторить поход Попова—Дежнева, но в сентябре они вернулись на Колыму, не сумев достичь Анадыря. На следующий год Михаил Стадухин и Василий Бутор вместе со служилыми людьми, промышленниками и беглыми отправились в "Заносье" сухопутным путем. Позднее, служа в Анадырском остроге с С. Дежневым, В. Бутор нашел поддержку и защиту у отважного морехода, ответившего отказом на требование воеводы о присылке "смутьяна" для расправы в Якутск.¹ М. Стадухин и С. Дежнев, признавая правоту своего земляка В. Бутра, действовали по завету поморов: "Сам погибай, а друга выручай!".

В 1949 году академик А. П. Окладников опубликовал статью "Пенда — забытый русский землепроходец XVII века", в которой выдвинул новую версию истории открытия реки Лены.²

Впервые о мангазейском промышленнике Пянде (Пенде) написал историк И. Э. Фишер. Ввиду важности

¹ Визе В. Ю. Русские полярные мореходы XVII—XIX вв. — М., Л., 1948. — С. 21; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. — Л.; М., 1952. — С. 117; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сборник документов. — М., 1951. — С. 28—29; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. — С. 126.

² Окладников А. П. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века // Летопись Севера. — 1949. — № 1. — С. 96.

для нас этого сообщения и редкости источника приведем его текст полностью: "Так же и сибирские промышленные оказали в обысканиях на Лене немалые успехи. Сии отваги, которые сами от себя таскались повсюду, так что их не могла утратить никакая опасность, когда они могли где-нибудь получить себе корысть. Они обыкновенно показывали казакам дорогу к завоеваниям и были, так сказать, их предшественниками. Сказывают о некоем имени Пенда, что он с 40 человеками, собранными из Туруханска, препроводил три года на Нижней Тунгуске, прежде нежели пришел к Чечуйскому волоку. Перешед его, плыл он рекою Леною вниз до того места, где после построен город Якутск; откуда продолжал он свой путь сею же рекою до устья Куленги, потом Бурятскою степью к Ангаре, где, вступив на суда, через Енисейск прибыл паки в Туруханск. Единственно надежда прибыла побудила сих людей к такому путешествию, какого чаятельно никто ни прежде, ни после их не предпринимал".¹

В 30-е годы XVIII века историк И. Г. Гмелин записал рассказы мангазейских казаков о подвиге Пянды. Земляки-поморы гордились своим героем. В самом деле, уже сами территориальные масштабы этого похода поражают. Предположительно, что уже в 1615 году гулящий человек Пянда начал свой путь от Туруханска и вышел на Лену в районе, где позднее был основан Чечуйский острожек. Оттуда он плыл по Лене вниз в центральную Якутию и вернулся обратно вверх по этой реке до места, где впоследствии был построен Верхолениск. Из этих мест Пянда перешел бурятскими степями на Ангару. Затем он спустился вниз по Ангаре и вышел из нее в Енисей, по

¹ Фишер И. Э Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. — СПб., 1774. — С. 358.

которому и достиг места, откуда когда-то отправился в свое отважное путешествие.

На этом колоссальном пути Пянда первым из русских землепроходцев преодолел такие препятствия, как скалы и стремнины Нижней Тунгуски, первым прошел через грандиозные ангарские пороги.

Особенно важно, что И. Г. Гмелин в совершенно новом свете изобразил внутренние мотивы, вызвавшие экспедицию Пянды на Лену. Жажда великих дел и славы у потомков, а не одно лишь желание разбогатеть вооружила Пянду и его сорок товарищей такой несгибаемой волей, таким упорством и смелостью. Дойдя до крайних пределов известной в то время русским Восточной Сибири — устья Нижней Тунгуски, Пянда, согласно точному выражению И. Г. Гмелина, "решается идти вверх по этой реке и всю эту страну исследовать".¹

Более того, вернувшись обратно, Пянда пишет сообщение о своих открытиях, которое и явилось, по мнению И. Г. Гмелина, толчком к дальнейшему исследованию и заселению новых областей Сибири. Нельзя не вспомнить в данной связи об известной докладной записке мангазейского воеводы А. Ф. Палицына, в которой говорилось о намечавшемся присоединении Ленского края к Русскому государству.² Можно предположить, что мангазейский воевода при составлении этого документа использовал сообщения не только тунгусских "князцов", но и письменное известие Пянды о его путешествии по Нижней Тунгуске, Лене и Ангаре.

Вещественным памятником деятельности Пянды стало построенное им на Нижней Тунгуске зимовье. В одном из документов, скопированных в Мангазейском архиве для историка Г. Ф. Миллера, сообщается:

¹ Окладников А. П. Пенда... — С. 98—100.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. III. — Ч. I. — С. 187.

"В 7132 (1624 — В.Б.) году в Нижней Тунгуске в Пендинском зимовье с новых людей с Оленьи реки: род Ачань девять человек, платят ясаку по пять соболей; род Мунгали двадцать пять человек, платят ясаку по 2—8 соболей, 1—2 недособолей".¹ Надо полагать, что Пендинское зимовье возникло раньше 1624 года, вероятно, около 1620 года, и названо в честь легендарного землепроходца Пянды.

Кто же он такой, легендарный Пянда (Пенда)? И что означает его имя?

В XVII веке сибирские служилые люди назывались по имени, к которому часто прибавлялось имя отца. К примеру — Федот Алексеев. Если человек был знатного рода (воевода, стольник), его именовали по отчеству "вичем" — мангазейский воевода Андрей Федорович Палицын. Третья часть именования была прозвищем, кличкой, по-нашему — фамилией, образованной по-разному: с учетом сословной принадлежности — Федот Алексеев Попов, по месту происхождения — Федот Алексеев Холмогорец, по приметным чертам — Аршин — очевидно, человек маленького роста.

Имя, или, точнее, прозвище, Пянды (Пенды) долго не встречалось исследователям в письменных источниках, если не считать упоминаемого в 1624 году Пендинского зимовья на Нижней Тунгуске, и оставалось легендарным, хотя само по себе не уникально.

Еще А. П. Окладников указывал, что зимовье, основанное этим землепроходцем на Нижней Тунгуске, называлось не Пендинским, а Пяндиным. Совершенно очевидно, что первопроходца звали Пяндой, а не Пендой, как часто его называют историки и географы.

Откроем словарь В. И. Даля. "Пянда", — это "меховая разношерстная лента".² В бассейне реки Северной Двины есть река и селение Пянда, а отсюда, как

¹ Окладников А. П. Пенда... — С. 100—101.

² Даль В. И. Толковый словарь... — Т. III. — С. 552.

известно, в Сибирь пришло немало промышленников. В XVII веке прозвища по названиям рек были не редкостью. Можно с уверенностью предположить, что легендарный Пянда был уроженцем этих мест. Наконец историк Б.И.Полевой нашел в архивных делах кабальную запись 1643 года промышленного человека Пантелея Демидова. Пянды енисейскому казаку Кириллу Терентьеву Ванюкову на 10 рублей и предположил, что П.Д.Пянда и был тем знаменитым землепроходцем. Кирилл Ванюков, несомненно, поморского происхождения (фамилия Ванюков хорошо известна на Архангельском Севере), впервые прибыл на великую реку Лену вместе с промышленником Иваном Галкиным в 1634—1635 годах. Его брат Иван попал на Лену еще раньше. Сын Ивана — Корнилий — впоследствии писал: "А отец мой Иван Ванюков в прошлых давних годах до постановления Якутского острогу служил вашу великих государей службу на Лене охотою не верстан многие годы, подымаючись своими пожитками во многие походы и посылки ходил...". Эти данные позволяют высказать предположение, что Иван Ванюков был одним из участников похода Пантелея Пянды, и отсюда становится понятным, почему Пантелей Пянда, придя вновь на Лену в 1643 году, взял займы деньги у брата Ивана — Кирилла Ванюкова.¹

Сибирский историк П.Н.Павлов считает, что Пантелей Демидов был не единственный Пянда в Якутии. Несколько раньше, в 1637 году, на Яне промышленный человек Пянда явил в таможеню 10 промышленных соболей, а через год там же Пянда Сафонов, несомненно, тот самый, платил пошлину с судного (судебного) дела 15 рублей. Они могли быть "однофамильцами" или потомками Пянды из устного предания, но не исключено,

¹ Полевой Б. П. Новое о Пянде // Сибирь периода феодализма — Новосибирск, 1965. — Вып. 2. — С. 283—284.

что один из них (скорее, Пянда Сафонов) и был легендарным землепроходцем.¹ Для нас важно то, что оба исследователя убеждены: Пянда — выходец с поморского Севера, с Двины. Нам также известно, что с возникновением на Енисее Енисейского острога уже в 1619 году енисейские служилые люди сообщили в столицу Тобольск об этом, что слышали от местного населения про безымянную реку, "что де та река великая".² Так кто же назвал великую сибирскую реку и почему именно этим именем? У отечественных исследователей нет единого мнения на этот счет. Выдвинем, на первый взгляд, дерзкую гипотезу о том, что поморский землепроходец назвал сибирскую реку Леноу в честь своей "малой родины". Богатая волость Лена была известна еще в новгородские времена. Расположенная на пути с Устюга "через Камень", волость эта издавна направляла своих промышленников на промыслы в Сибирь. Достаточно сказать, что в 1641—1643 годах в сибирских соболиных промыслах участвовало 23 выходца из этих мест.³ Вслед за первыми землепроходцами пошли и другие.

Летом 1622 года из Мангазеи на Енисей, а затем по Нижней Тунгуске и дальше на реки Оленью и Лену вышел отряд стрельцов и поморских промышленников под командой пятидесятника-помора Григория Семенова. В Туруханске отряд пополнился новыми партиями предприимчивого люда. Летом 1625 года объединенный отряд достиг истоков Нижней Тунгуски. Основная группа промышленников вернулась обратно. Только землепроходец Матвей Парфентьев с небольшой группой своих товарищей продолжил путь. От истоков Нижней Тун-

¹ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири... — С. 65.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 421.

³ Бахрушин С. В. Торговые крестьяне в XVII веке // Ученые записки. Институт истории. — М., 1928. — Т. 5. — С. 261.

гуски они шли "семь недель наг и голоден". Можно предполагать, что они достигли великой реки Лены или ее бассейна.

В 1624 году в среднем течении реки Лены попытались основать свои промыслы мангазейские промышленники по главе с Иваном Зориным и Сидором Водяниковым. В 1628 году по Нижней Тунгуске на Среднюю Лену вышел отряд промышленников во главе с Владимиром Шишкой.¹

С каждым годом число людей, решивших искать "счастье и удачу" в Восточной Сибири, возрастало. Согласно официальным данным, ежегодно из Туруханска вверх по Нижней и Подкаменной Тунгускам на речных судах-каюках уходило на промысел несколько сотен человек. В 1626 году отправилось 501 человек, в следующем году — 700 промышленников, весной 1630 года из новой "златокипящей государевой вотчины" вернулось 1014 человек, которые привезли 33900 соболиных шкур.² В 1634 году с пушных промыслов прибыло 683 промышленников, добычу которых составили 48760 соболей.³

* * *

Новая "златокипящая государева вотчина" приносила большой доход в царскую казну. Это обстоятельство отмечают и иностранные путешественники. В 1675 году голландец Кунраад фан-Кленк прибыл в Москву в качестве посла генеральных штатов. Позднее в Гааге была издана книга "Исторический рассказ или описание путешествия, совершенного в свите господина Кунраада фан-Кленка", в которой помещен любопытный фрагмент:

¹ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. I. — С. 138.

² Бахрушин С. В. Научные труды. — Т. 3. — Ч. I. — С. 299.

³ Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. I. — С. 138.

"В Сибири есть река, называемаяся Леной, которая ежегодно доставляет налогов соболями на 90000 рублей или дукатов".¹

Обследуя в первой трети XVII века новые земли, поморы-землепроходцы сразу оценили их богатства. В 1630 году экспедицией атамана-помора Ивана Галкина на огромной территории были поставлены остроги и зимовья — первые опорные пункты; собран ясак и "приведены под государеву руку многие люди". Поставив острог на реке Лене, атаман, оценив достоинства этих мест, писал: "Будет тебе, государю, прибыль больше всех сибирских городов, потому что, государь, места людные и земли широкие и конца их неведомо...".²

Но не только "мягким золотом" была богата Ленская вотчина. Здесь был возрожден северный жемчужный промысел, о чём стоит рассказать подробнее. В Москву было послано сообщение, что "в Сибири же на Лене, Якуцкого острогу в уезде жемчуг объявился". Между тем отыскался и знаток жемчужного дела. В 1668 году на Лену был послан отряд служилых людей во главе с Матвеем Сосновским: "...да я ж холоп твой послал на те ж реки для жемчужного промыслу, с ним же с Матвеем, служилого человека Степку Порфирьева сына Чаркова...".³ Начиная с 1683 года, встречаются сведения о поисках и находках жемчуга в бассейне реки Ангары. В августе 1692 года письменный голова Леонтий Кислянский писал из Братска о том, что "посылал он Леонтей из Братцкого острогу для жемчужного происку с служилым человеком охочего жемчужника Каргопольца, промышленного человека Семейку Васильева", ко-

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — Ч. II. — С. 74.

² Материалы по истории Якутии XVII века. — М., 1970. — Ч. III. — С. 1071—1072.

³ ДАИ. — М., 1848. — Т. III. — С. 384—386.

торый. "В раковинах жемчюгу сыскали одно зерно бурминское, да под ним пять зерен меньши, да шесть зерен малых, да уродцов да мелково жемчюгу в бумажке".¹ Семен Васильевич Каргополец, уроженец города Каргополя, имел даже своих учеников, перенимавших секреты жемчужного промысла. К сожалению, мы не располагаем документами о масштабах добычи этого речного драгоценного камня.

Следует заметить, что в поисках промысловых мест поморы нередко шли впереди служилых и первыми открывали места обитания отдельных племен и народов. Они также часто присоединялись к отрядам казаков и вместе с ними ходили в походы. За эти экспедиции поморы-промышленники не получали казенного вознаграждения, зато участвовали в дележе добычи, которая всегда была значительной. Такие промышленники, временно превратившиеся в служилых, назывались вольными охочими служилыми людьми.

Промышленные люди организовывали даже самостоятельные отряды и на своих "проторех" ходили в дальние походы.

В 1631 году выходец из Поморья Иван Иванов Ребров (Робров) был послан из Тобольска в Мангазею, а затем вниз по Вилюю, на "Великую реку Лену" в новые места с тазовским служилым человеком Степаном Корытовым. Собираясь идти на Жиган по Лене морем в новое место на реку Яну, И. Ребров не получил денежного и хлебного жалованья, но, однако, он смог ссудить даже промышленных людей. Этот "подъем", по словам архангельского помора, обошелся ему в 100 рублей. Ребров рассказал, что он на свои деньги покупал суда, судовые снасти и паруса, а также товары для ясачного сбора, например, одекуй (синий бисер) и олово

¹ ДАИ. — М., 1867. — Т. X. — С. 323—330; Скалон В. Н. Русские землепроходцы... — С. 122—125.

для подарков "инородцам". Ребров сообщил в Москву, что он вошел в долги, собираясь в свои походы.¹ Таким образом, можно сделать вывод, что поморско-сибирские казаки были не бедными людьми и часто выступали в роли предпринимателей, используя для этого кредит. К сожалению, мы не много знаем о дальнейшей жизни этого незаурядного первопроходца Сибири. Сообщим только, что в 1642—1647 годах И. Ребров снова был на Лене и в устье реки Оленька, где поставил зимовье и занимался сбором ясака. В 1652 году он был послан морем на Колыму и через год в Нижне-Колымске занимал должность казачьего пятидесятника.²

Дальше других вниз по течению Лены продвинулся енисейский казачий отряд сотника Петра Бекетова: он достиг земли якутов и на левом берегу Лены в 1632 году заложил Якутский острог "для государева величества в дальней украине и государева ясачново збору для приезду якуцких людей... против Якуцкого князца Мамыкова улусу и меж иными улусами среди всей земли".³

В 1633 году к низовьям Лены вышел другой отряд енисейских казаков во главе с казаком Постником Ивановым и пинежанином Михаилом Стадухиным. Часть отряда побывала на Вилюе, другая — в земле долган, в низовьях Лены, где поставила новый острог, получивший известность под названием Жиганского, или просто Жиганска. В XVII веке Жиганск являлся самым крупным северным поселением русских. Вскоре он превратился в важный речной порт.

С каждым годом возрастала роль Илимского острога на Ленском волоке. Таможенная книга Илимского ост-

¹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 16.

² Визе В. Ю. Русские полярные мореходы... — С. 10.

³ Материалы по истории Якутии XVI века... — С. 1085.

рога за 1658 год отметила приход 595 человек, в том числе крестьянина, принадлежавшего вологодскому архиепископу, патриаршего крестьянина, боярского крестьянина. Остальные оказались торговыми и промышленными людьми, вышедшими из разных районов Русского Севера: Устюга (168 чел.), Ваги (81 чел.), Вологды (75 чел.), Соли Вычегодской (28 чел.), Усолья (20 чел.), а также Яренска, Пинеги, Холмогор, Мезени, Каргополя. В таможенной книге не отмечено ни одного человека из мест, расположенных южнее названных северных городов.¹

Серьезной проблемой для Сибири стало обеспечение населения предметом первой необходимости — солью. И здесь пригодился бесценный опыт солеварения в Поморье. Первые документы, которыми мы располагаем, о соляных промыслах в Сибири относятся к 1600 году: Березовский воевода получил грамоту царя Бориса Годунова об устройстве добычи соли на уже разведанном месторождении. Старательно велись поиски соли и в бассейне реки Лены. Имеются данные, что в 1645 году соляные варницы в устье реки Куты давали сотни пудов соли в год, так что не хватало хранилищ и требовались дополнительные амбары для ее хранения.²

Нам известно, что мысль о возможности заведения пашни на землях по Лене содержалась в первом же официальном описании этого края. Мангазейский воевода А. Палицын писал в Приказ Казанского дворца: "А вверх по Лене и Ангаре и по Оке мочно и пашня завести".³

¹ Вилков О. Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения... — С. 72;

Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 101—102.

² Скалон В. Н. Русские землепроходцы... — С. 64, 67.

³ Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии... — С. 109.

По рекам Витиму, Олекме, на Ленском волоке поморские землепроходцы стали заниматься привычным своим крестьянским делом — хлебопашеством. Первые пашни на Лене появились сразу же после прибытия воевод. Одним из первых ленских хлеборобов стал знаменитый землепроходец устюжанин Ерофей Хабаров. С урожая 1640 года у Е. Хабарова "десятый хлеб" был взят в размере 130 пудов. А всего поморский крестьянин-землепроходец в этом году собрал до 1300 пудов хлеба.¹ Другой промышленный человек Пантелеймон Яковлев Устюжанин ходатайствовал перед местными властями о выдаче ему "земли на Тунгуском (Чечуйском — В.Б.) волоку, где проходят с Лены на Турухан".²

Известно, что до 1708 года Россия подразделялась на уезды, поэтому по мере распространения русской власти уезды образовывались по всей территории Сибири.

В 1710 году в составе Русского государства была учреждена Сибирская губерния, включавшая и часть Поморья (Вятскую и Соликамскую провинции), и три сибирские провинции: Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. Так состоялось официальное объединение Восточного Поморья с Сибирью.

Вначале обширный Ленский край входил в состав Енисейского уезда. Ленским острогом управляли приказные, поочередно направлявшиеся воеводами этого уезда. Однако вскоре выявились недостатки такого способа управления. Енисейские приказные не имели должной власти и авторитета. Отряды казаков, присылавшиеся из Тобольска, Томска, Енисейска и Мангазеи, часто не признавали их власти, действовали по своему

¹ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). — М., 1956. — С. 163—164.

² Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. I. — С. 145.

разумению, иногда допускали невероятный произвол, вступали между собой в вооруженные столкновения. Словом, на этой земле царил обстановка анархии и беззакония.

В 1638 году Москва принимает решение об образовании самостоятельного Якутского уезда, подчиненного напрямую Сибирскому приказу.

6 августа этого года была составлена наказная память первым якутским воеводам — П.П.Головину и М.Б.Глебову. Однако уездная администрация начала свою деятельность с 18 июля 1641 года — со дня прибытия в Ленский острог.¹ Территория уезда была огромной. К концу 1640 года ее границы проходили по естественным рубежам — побережью Северного Ледовитого и Тихого океанов и Становому хребту. В конце XVII века в состав уезда вошел весь Камчатский полуостров. Центральная Якутия, в которой проживала основная часть якутов, была разбита на районы, названные волостями, которых к началу 1640 года насчитывалось 36.² Местное население приписывалось к соответствующим укрепленным пунктам — ясачным зимовьям, острожкам и острогам, куда посылались казаки во главе с приказными. Якутску, как столице уезда отводилась роль опорного пункта на пути продвижения русских землепроходцев дальше, к берегам Тихого океана. В XVII веке Якутск выполнял функции военного, административно-хозяйственного и политического центра на северо-востоке Азии. Отсюда направлялись экспедиции "для проводывания новых земель" на Амур, Оленек, Колыму, Анадырь и в другие отдаленные места.

Во главе Якутского уезда стояли воеводы. Назначение

¹ Иванов В. Н. Образование Якутского уезда // Якутский архив. — Якутск, 1964. — Вып. 2. — С. 69—82.

² Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии... — С. 18—19.

сразу двух воевод имело свой резон и объяснялось как многочисленностью их обязанностей, так и необходимостью ограничивать злоупотребления: предполагалось, что воеводы будут наблюдать друг за другом, а заодно и доносить на своего сослуживца. Затем эту практику прекратили, так как она приводила к многочисленным конфликтам, нарушавшим нормальный ход административной жизни Сибири. Воеводы держали себя, словно государи независимого удела, и "заводили опричнину". Первый якутский воевода говаривал: "Правда моя в Сибири, что солнце на небесах сияет".¹

При каждом воеводе состоял дьяк — первый его помощник, назначавшийся в столичном Сибирском приказе одновременно с воеводой. Он заведовал делопроизводством в приказной избе. При некоторых воеводах назначались письменные головы — чиновники по особым поручениям. Приказная и съезжая изба — канцелярия — делилась на столы (отделы): денежный, ясачный, хлебный и разрядный. Последний выполнял функции "отдела кадров". В приказной избе имелись один-два толмача (переводчика) для сношения с местным населением, спалач, бирич (глашатый). В распоряжении воевод были войска и тюрьмы. Их службе помогала церковь. Главной опорой воевод в Сибири были служилые люди. Термин "служилые люди" употреблялся до середины XVIII века. Ими были представители духовной, административной и военной власти: ружники (духовные лица), оброчники (подьячие, толмачи, пушкар, кузнецы и т.д.) и военный гарнизон (дети боярские, сотники, атаманы, пятидесятники и казаки). С середины XVIII века вместо термина "служилые люди" появляются понятия "казаки", "казачья команда", "казачий полк".

В начале XVII века в Сибири возникают первые таможни. В 1600 году были построены таможенная изба

¹ Там же. — С. 25.

и гостиный двор в Верхотурье — первом русском городе "за Камнем". В 1600—1603 годах таможенники появились в Тобольске, Тюмени, Таре, Сургуте, Березове, Мангазее. Воеводам предписывалось, построив таможни, "выбирать к таможенному делу" таможенных голов, придать им штат выборных целовальников из местных "жилицких людей" для осмотра товаров и сбора пошлин, подьячих для ведения документации, служилых людей "для управы на сильных людей и розсылок". В Приказе Казанского дворца было решено направлять с 1635 года в главные центры сибирской торговли — Тобольск, Енисейск, Верхотурье, Мангазею, Томск, Сургут — таможенными головами торговых людей из поморских городов. В Тобольск были посланы таможенные головы из Вятки, в Енисейск — из Соли Вычегодской, в Томск — из Устюга Великого. По составу пошлин таможенная система Сибири имела много общего с таможенной системой европейской части государства, так как строилась, в основном "применяясь" к образцам "русских и поморских городов". Вместе с тем имелось и существенное отличие, вытекающее из колониального положения этой дальней "государевой вотчины".¹

Читателю будет небезынтересно узнать и о том, как происходило заселение этого края. Так, в Якутском уезде в середине XVII столетия освоение бассейна Лены шло путем создания заимок, на которых расселялось по 1—3 человека. Образно описал состояние поселений за Енисеем северянин Афанасий Ушаков, обследовавший Илимский острог: "А они пашенные крестьяне живут подле Илим и Лену и Илгу реку, однодворками, а инде по два и по три двора, а не слободами и не селами". Заимки, в отличие от деревень, возникали всегда по инициативе самого населения в ходе вольного расселения

¹ Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII веке. — М., 1961. — С. 332—334.

из других населенных пунктов. Заимки — очень древний вид поселений, известный в европейской части страны уже на рубеже I—II тысячелетий. Они окружали укрепленные городки и селения и являлись жилищем отдельных семей, выжигающих участки леса для пашни. В сибирских документах XVII века названия "деревня" и "заимка" иногда употреблялись при обозначении одного и того же поселения. К примеру, селение Тобольского разряда Заимка в 1669 году состояло из 18 дворов. При переписке выяснилось, что четверо жителей пришло из Кунгура, двое с Ваги, двое из Туринского уезда, двое из Соли Камской и по одному из Устюга, Каргополя, Мезени, с Двины, Яренска, из Пыскорского монастыря, с Мурзинской слободы, Тобольского уезда и с Невьянской слободы Верхотурского уезда.¹

Кроме заимок получали здесь распространение и родственные им займища — участки, эксплуатировавшиеся наездом, в течение полевого сезона. На займище могли быть разные угодья: пашни, залежь, сенные покосы, составлявшие комплекс уже довольно налаженного хозяйства.

По своей сути были близки к заимкам и починки. Этим словом, распространенным на Русском Севере, обозначали вновь создаваемые поселения, которые при благоприятных условиях также могли развиваться в крупные селения. В отличие от заимки название "починок" означало не только участок, занятый под хозяйство, но и вновь создаваемый постоянный населенный пункт.

Села в XVII веке были довольно редким явлением в Сибири. Они развивались из деревень, в которых строили церковь.

В наибольшей степени административные функции были свойственны слободам, которые во второй половине

¹ Шунков В. И. О феодальном строе сибирской деревни в XVII веке // Вопросы истории. — 1952. — № 6. — С. 91.

XVII — начале XVIII века сыграли заметную роль в развитии русского расселения, когда переселенцы и уже осевшие в Сибири русские старожилы (поморы) начали осваивать лесостепную полосу, более благоприятную, чем таежная, для развития сельского хозяйства. Выбор места и организацию поселения брал на себя слободчик, действовавший с разрешения администрации, которая поручала ему и дальнейшее управление слободой. С.В.Бахрушин считал это путь не специфически сибирским, а находил в нем сходство с заселением Европейского Поморья.¹

Интересные сведения о переселении в Сибирь содержат так называемые записные книги Уткинской и Чусовской слобод Верхотурского уезда. По сохранившимся данным, с конца декабря 1698 года до середины августа 1699 года через эти слободы проследовало 405 гулящих людей, направлявшихся в Сибирь "для работы". Из них было 250 жителей поморских городов: устюжан — 70, вахан — 21, устьянцев — 17, мезенцев — 20, пинежан — 13...² Среди остальных — 127 кунгурцев, а также те, чье место рождения не выявлено.

Мы располагаем подробными сведениями о промышленных и гулящих людях Енисейского уезда. В 1630—1631 годах среди 526 промышленников этого края 429 человек были выходцами с Поморья и только 57 промышленников — из других областей, происхождение остальных не установлено. Подавляющее большинство переселившихся на Енисей поморов были выходцами из центральных и северных уездов Поморья.³ Потоки переселенцев, проходившие через Енисейский край, захватывали восточные области Лены, Оленека, Индигирки

¹ Этнография русского крестьянства Сибири... — С: 65, 68—69.

² Русские старожилы Сибири... — С. 26.

³ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край). — М., 1964. — С. 144.

и Колымы, основную массу переселенцев составляли устюжане, усольцы, мезенцы, колмогорцы, белозерцы. Можно не сомневаться в том, что именно они заложили основу старожильческого русского населения, осевшего в XVII веке на этих реках.¹

Служилому люду в Поморья правительство выделяло транспорт для перевозки их семей. Крестьяне и посадские люди перевозили семьи за свой счет.

С. В. Бахрушин так характеризует процесс заселения новой "златокипящей государевой вотчины": "...не служилые люди освоили Якутский край, а те толпы русских промышленников, которые еще раньше присоединения Сибири проникли на Лену и проторили дорогу следовавшим за ними служилым людям дальше на восток, на заморские реки и на далекий Амур".²

В XVII веке русские землепроходцы, оправляясь в свои далекие экспедиции "для промыслу" и "для прииску новых не ясачных людей", проводили также комплекс исследовательских работ, они были первыми "землеписателями" сибирского края. В этом мы находим весьма раннее проявление присущей русскому человеку любознательности, той страсти к исследованиям неведомых стран и явлений, которая прославила Россию как родину величайших путешественников и ученых. Этому способствовала хорошо поставленная в Русском государстве система "проведывания новых землиц". Сбор сведений о новых землях обычно начинался с опроса местных жителей. Поэтому в походах, как правило, участвовали "толмачи", — знатоки местных языков. Участники походов в своих "доездах", отписках и челобитных дополняли и уточняли эти сведения личными наблюдениями.

¹ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. — М., 1966. — С. 56.

² Бахрушин С. В. Воеводское управление Якутии // Якутия в XVII веке. — Якутск, 1953. — С. 332.

Воеводы и другие "начальные люди" нередко расспрашивали участников походов и записывали их ответы. Так возникали "распросные речи", "скаски" и "памяти" землепроходцев.

Ярким примером того, что землепроходцы становились и "землеописателями", служит "Память Максиму Трубчанинову" о исследовании реки Лены, данная в 1619 году. Вот что в ней говорилось: "И буде река, и им велеть ездить по обе стороны реки и того смотреть, каковы у тое великие реки берега, и есть ли на них какие выметы, и есть ли какие угожие места и лес, который бы к судовому и всякому делу пригодился, или горы, да буде горы, и какие горы, каменные ли и сколь высокие, и есть ли на них какой лес, или степные места, и откуда та река выпала, и куда устьем и в какую реку или море выпала, и рыбная ль река, и какова в ней вода, и мечет ли из себя вон на берег и какой зверь..."¹

Совершенно очевидно, что для того, чтобы быть в состоянии "подлинно и справедливо" отвечать хотя бы на некоторые из задававшихся вопросов, да еще начертить чертеж, нужны были не только время и желание, но и широта кругозора, опытность, наличие элементарной образованности.

По сохранившимся "рописям" к чертежам видно, что они имели довольно значительную информационную нагрузку: помимо рек, гор и населенных пунктов, на них часто изображались "пашенные места", "рыбные угодья", "черные леса", волоки и даже "аргишницы" — пути, по которым переходили аргишом "оленные люди".

Среди составителей чертежей XVII века были настоящие мастера своего дела. Преемник пинежанина Семена Дежнева по Анадырскому острогу Курбат Иванов был не только первооткрывателем "Святого моря" бурят — Байкала, он также составил первые чертежи

¹ Колумбы земли русской... — С. 10.

Верхней Лены, озера Байкал, Охотского побережья и некоторых других районов Восточной Сибири.¹

Немалый вклад в накопление знаний о прилегающих к Байкалу землях и Восточной Монголии внесли уроженцы Поморья, енисейские служилые люди Василий Колесников (основал около 1646 года Ангарский острожек, ныне Нижне-Ангарск), Иван Галкин (построил в 1648 году Бургузинский острог), Иван Похабов (обследовал в 40-х годах XVII века верховья Ангары и совершил путешествие в Монголию), Яков Похабов (основатель Иркутска в 1661 году) и многие другие.² Многие землепроходцы были родом из поморских областей, где уровень соответствующей подготовки и грамотности был одним из самых высоких в молодом Российском государстве.

Одновременно направлялись отряды и в другие места пространной Ленской земли, и каждый получал "наказную память", содержащую исследовательские поручения. Максиму Телицыну, отправлявшемуся из Якутска в августе 1641 года, в "памяти" были такие строки: "И идучи им, Максимку с товарищи, с устья Лены реки до Юганды реки смотреть накрепко, которые реки впади устьем в море... и какие люди по тем рекам по вершинам живут и чем кормятца, и скотные ли люди, и пашни у них, есть ли и хлеб, родитца, и какой хлеб родитца, и зверь у них, соболи есть ли..."³

"Наказные памяти" никогда не были шаблонными. Они составлялись всегда в соответствии с возможнос-

¹ Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1646 гг.) // Известия Всесоюзного географического общества. — 1960. — № 1. — С. 46—52.

² Копылов А. Н., Полевой Б. П. Землепроходцы XVII века и изучение Сибири // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). — Новосибирск, 1968. — С. 23.

³ ДАИ. — М., 1845. — Т. 2. — С. 256; Скалон В. Н. Русские землепроходцы... — С. 16.

тями служилого человека и в зависимости от особенностей самого поручения. Общими для всех чертами были широта требований и большой круг подлежащих выяснению вопросов.

Полученные от землепроходцев сведения переправлялись в Москву (в Посольский Приказ, затем в Четь дьяка Ивана Вахромеева, Приказ Казанского дворца, а с 1637 года — в Сибирский приказ), а дальше их использовали для новых инструкций, направляя сибирским воеводам, которые, в свою очередь, рассылали служилых людей для дальнейших изысканий.

20 апреля 1623 года томский воевода Иван Шаховской извещал царя, что "посылали де они кузнеца Федьку Еремеева проведывати и искати железной руды по Томи реке вверх по Ушайке реке, где близко железная руда". В результате разведки Ф.Еремеев объявил, что "нашел он в горах камень и руду, а чает он Федька, что из того камня и из той руды железо будет". Проведенное повторное испытание в Москве показало, что "то железо добре, будет из него сталь". Это наиболее раннее упоминание о поисках полезных ископаемых в Сибири. Тобольский воевода А.Трубецкой доносил в Москву, что невьянский кузнец Богдан Колмогор (очевидно, уроженец Холмогор — В.Б.) "сказывал... что в Верхотурском де уезде от Невьинского острожка верст с семь болото и на том болоте есть железная руда". В 1628 году был основан Невьянск, будущий крупный железоделательный центр. Здесь "варили руду, и железо плавил, а оставалось то железо по опыту пуд по две гривны и по шесть и по пять по четыре салтына и по гривне". Такая себестоимость железа была небывало низкой для XVII века.¹

¹ Новомберский Н. Я., Гольденберг Л. А., Тихонов В. В. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. // Очерки по истории геологических знаний. — М., 1959. — Вып. 8. — С. 6—8.

На реке Ангаре "жемчужник" Семейка Васильев Каргополец (уроженец города Каргополя) возродил в Сибири поморский промысел жемчуга.¹

В 1655 году илимский воевода Б.Д.Оладыин послал двух служилых людей, уроженцев Поморья, Игнашку Бутакова и Шестачка Коршунова на поиски железной руды, которую они вскоре нашли. По имени одного из первых сибирских рудознатцев Шестачка Коршунова позднее были названы речка Коршуниха и деревня Шестаково Нижне-Илимского района Иркутской области. А железорудное месторождение под названием Коршуновское навсегда осталось в сибирской истории.² Из таких примеров можно привести достаточно много. Таким образом, поморы-землепроходцы собирали обширный географический, этнографический, экономический, геологический и исторический материал о Сибири и соседних с ней землях и народах. Благодаря их деятельности, Европа в конце XVI—XVII веке впервые стала получать достоверные сведения о Северо-Восточной Азии, а мировая наука обогатилась выдающимися географическими открытиями.

Якутский ученый С.Е.Мостахов доказал на основании многочисленных фактов, что значительная часть крупных географических открытий, сделанных русскими землепроходцами и мореходами в XVII веке на северо-востоке Азии, тесно связана с известными и неизвестными именами многих якутов, эвенков, чукчей и других коренных жителей, знатоков своего края.³

¹ ДАИ. — М., 1867. — Т. 10. — С. 29.

² Колмогоров И. И. Из истории черной металлургии Восточной Сибири в XVII—XVIII вв. // Сибирь XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1962. — Вып. 1. — С. 100—101.

³ Мостахов С. Е. Сподвижники путешественников и исследователей: Участие местного населения в географическом изучении северо-востока Сибири в XVII — начале XX в. — Якутск, 1966. — С. 30—54.

Что касается бассейна реки Лены и пути на Лену с Енисея, то их описание содержится в замечательном документе "Роспись рек: от Енисейска до Ленской переволоки и впадающих в Лену от реки Куты до Ленских верховьев..." который относится к 1640—1641 годам.

Сведения второй части росписи поражают своей широтой. Ее авторам известен исток реки Лены: "а течет Лена река вершина из ключей и подошла та вершина Ленская к Ламе близко"; они знают остров Ольхон, где обитает многочисленное бурятское население, владеющее большим количеством скота и возделывающее просяные культуры; они знают о реке Селенге, впадающей в Ламу двенадцатью устьями и текущей из Китайского государства; им известна река Шилка, которая "пала устьем в большее море". Даже о том, что буряты получали от монголов серебро за соболей, успели разузнать землепроходцы.¹

Поморов и другой служилый люд мы с полным правом называем первыми исследователями Сибири, ее географии, истории, природы, населения этой страны, а также соседних государств.

Поморы-землепроходцы сделали немало чертежей-карт новых земель. Вершиной картографической мысли и техники XVII века стала "Чертежная книга Сибири", составленная тобольским сыном боярином Семеном Ульяновичем Ремезовым (1701 г.). Эта книга представляет собой географический атлас, состоящий из 23 карт города Тобольска, 18 сибирских уездов, общей карты Сибири, карты "Безводной и малопроездной каменной стены", карты северной части Русского государства и особенно ценной этнографической карты Сибири. Ученый-самородок учел географические открытия Ф. А. Попова и С. И. Дежнева и отделил Азиатский материк от Америки.²

¹ ДАИ. — М., 1845. — Т. II. — С. 248.

² Устюгов Н. В. Научное наследие. — М., 1974. — С. 92.

В заключение следует сказать, что русские землепроходцы стали подлинными "землеописателями" сибирского края. Поморские промышленные, торговые, служилые люди, крестьяне и ремесленники на своих плечах вынесли грандиозную сибирскую эпопею, первоначально освоив обширный Ленский край, вторую Мангазею и новую "златокипящую государеву вотчину". Именно здесь накапливались народные силы для решающего продвижения "встречь солнца" к берегам Тихого океана.

ПОМОРСКИЕ МОРЕХОДЫ

В 1940 году группа моряков-гидрографов с судна "Норд" обнаружила у восточного побережья Таймыра, на северном острове Фаддея и на берегу залива Симса, большое количество разнообразных старинных вещей и русских монет XVI—XVII веков. В 1945 году Арктический институт направил специальную археологическую экспедицию во главе с доктором исторических наук А.П.Окладниковым для детального изучения полярного открытия.

Результаты этой экспедиции были сенсационными. Здесь были найдены сотни серебряных монет, остатки

шелковых тканей и дорогих в старину суконных одежд, серебряные кольца с драгоценными камнями, ювелирные кресты тонкой филигранной работы, обломки невиданных инструментов и вооружения. Особенно важны результаты нумизматического анализа, который датирует собрание монет первой четвертью XVII века, а точнее, определяет, что сбор казны закончен ее владельцами около 1615—1617 годов.

Среди предметов снаряжения обнаружены компасы и солнечные часы, что является неоспоримым свидетельством высокого уровня мореходной культуры русских полярных экспедиций XVII века. Русские навигационные приборы могли попасть в море Лаптевых только из Поморья, где в то время население было знакомо с арабскими цифрами и латинскими литерами.¹

Ярким доказательством того, что мореходами были поморы, являются не только предметы быта и одежды, но и обнаруженные экспедицией образцы русской письменности. На деревянной рукояти одного из ножей исследователь В.В.Гейман прочел имя владельца — Акакий по прозвищу Мурманец.²

В письменных источниках сохранилось упоминание об одном морском походе, относящемся к 80-м годам XVII века, из Енисея вокруг Таймыра с целью достижения устья реки Лены. Голландец Н.Витсен со слов Тобольского воеводы Головина сообщает, что в 1686 году посадский человек из Туруханска Иван Толстоухов на трех кочах отправился в морскую экспедицию, но пропал без вести.

Кем же был Иван Толстоухов? Толстоуховы — хорошо известные торговые люди из Поморья, которые

¹ Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. — М., 1957. — С. 43.

² Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. — Л., 1951. — С. 29.

одними из первых проникли за Урал. Имеются сведения, что родоначальник этого торгового дома Леонтий Толстоухов еще в конце XVI века побывал на Енисее. Толстоуховы в течение многих лет были связаны с мангазейским мореплаванием и торговыми делами на Енисее и в Якутске. И поэтому не случайно, что один из представителей этой торгово-промышленной династии, Иван Толстоухов, предпринял попытку проложить новый морской путь из Енисея на Лену.¹

По свидетельству начальника Енисейского отряда Великой северной экспедиции Ф. А. Минина, его отряд в 1738 году обнаружил сооруженный Толстоуховым крест в память о своем пребывании в 1695 (1686—1687) году в бухте Омудевой, близ зимовья Крестовое, на правом берегу Енисейского залива. В 1700 году Ф. А. Минин нащел зимовье промышленника Толстоухова севернее реки Пясины.² Таким образом, следы похода Ивана Толстоухова прослеживаются на большом расстоянии от Енисейского залива до района севернее реки Пясины и обрываются в безлесной тундре Таймыра. Возникает предположение, не был ли местом гибели одной из групп большой экспедиции Ивана Толстоухова район залива Симса и остров Фаддея.

Вопрос о пути следования экспедиции поморских мореходов остается пока не выясненным до конца. Однако бесспорно, и к этому пришли большинство историков и других специалистов, что ее участники, следуя с запада на восток, прошли на своем судне пролив между морями Карским и Лаптевых и обогнули мыс Челюскина. Что касается конечной цели похода, то, по-видимому, мореходы стремились достигнуть районов Хатанги и Лены.³

¹ Белов М. И. Мангазея... — С. 116—118.

² Белов М. И. Семен Дежнев. — М., 1955. — С. 139.

³ Исторический памятник русского арктического мореплавания... — С. 211.

Первые поморские ватажки вышли к устью Енисея и в Пясинскую тундру вслед за основанием Туруханского острога. По данным древнейшей ясачной книги Мангазеи, поморы и служилые люди вышли к устью Енисея уже к 1607 году. Жившие здесь родовым строем энцы были подчинены Москве.¹

До нас дошли сведения, правда, весьма скудные, о мезенском мореходе и сибирском землепроходце по прозвищу Волк, который дважды побывал в Мангазее. Он с отрядом важан и печорцев одним из первых ходил в страну тунгусов и на реку Гету. Замечательный писатель и исследователь Сергей Марков считает, что это была река Кута, и воздает должное отважному Волку, "суровое имя которого должно войти в летопись важнейших открытий наших землепроходцев".²

Особо следует сказать о поморских мореходах, которые ежегодно ходили в "златокипящую государеву вотчину". Такими были упоминаемый в мангазейских делах Мотька Кирилов — "по морю староход и знатец", пинежанин Микитка Стахеев Мохнатка, которому "морской ход за обычай" и который "морем идти знает", знаменитый пинежанин Левка Плехан (Шубин Лев Иванович), который упоминается в числе ходивших в Мангазею морем еще в царствование Бориса Годунова. В документах 1633 года назван и его сын Клементий Плеханов.³

Одновременно с продвижением на Пясику по речкам и волокам торговые люди Туруханска пытались пройти туда и по "студеному морю". Весной 1610 года северодвинцы во главе с Кондратием Курочкиным и Осипом Шепуновым на судах, построенных под Туруханском,

¹ Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. 1. — С. 128.

² Марков С. Земной круг... — С. 301—302.

³ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 300.

вышли к устью Енисея с намерением пройти дальше морем на восток.

Сохранившиеся документы позволяют нам получить представление о руководителе похода Курочкине как о наблюдательном человеке, имевшем обширные морские знания и широкий географический кругозор. Вот только одна из сделанных им записей: "большими кораблями из моря в Енисею пройти было мочно; река угодна, боры и черны́й (лиственный — В.Б.) лес и пашенные места есть и рыба в той реке всякая такова ж, что и в Волге, и наши ясашные и промышленные люди на реке живут многие".¹

Из известных нам арктических походов на реку Пяси́ну экспедиция Курочкина и Шепунова является первой. Однако, по всей вероятности, кто-то из поморских мореходов приходил морем на Пяси́ну раньше Курочкина, так как в 1609 году в Москве была составлена карта Севера России и Сибири, на которой довольно точно нанесены устья Енисея, Пясины и берега Гыданского полуострова.² К этому же времени относится открытие Пясинских островов, сделанное в ходе морских промысловых плаваний поморов на Таймыр.

Историки А.С.Берг и М.И.Белов на основе тщательного анализа картографического материала начала XVII века пришли к важному выводу о том, что морской путь к устью реки Пяси́ны был известен поморским мореходам раньше путешествия двинянина К.Курочкина. В 1616 году тобольские власти доносили в Москву о путешествии в устье Пясины колмогорских промышленников, которые сказали, что и до них русские люди в устье Пясины "мимоходом бывали".³

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири... — Т. II. — 1941. — С. 232.

² Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских писателей... — Т. 1. — С. 215.

³ Берг А. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. — М.—Л., 1946. — С. 30; Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. 1. — С. 129; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 15.

Сообщим читателю историко-топонимические данные о реке Пясине. Она была знаменита тем, что раньше вся низовая область реки Енисея называлась ее именем. Слово "пясина" в ненецком языке означает ровную, безлесную землю — тундру.¹

К 20-м годам XVII века северные промышленники прочно обосновались на Пясине. По реке Большой Хете возникло несколько промысловых зимовий и под 1626 годом упоминается пясинский Орлов городок.² К сожалению, точных данных о его местоположении нет.

На реке Хантайке поморы поставили Хантайское зимовье. Появились северные промышленники и на реке Котуй, соединяющей Енисейский бассейн с Хатангским через реку Курейку. Река Хатанга впервые упоминается в записях ясачной книги 1611 года и описаниях английского путешественника и фактора Джосиаса Логана.³ В 1626 году по реке Волочанке, близ устья которой находилось Хетское ясачное зимовье, плавал на промысел знаменитый впоследствии землепроходец устюжанин Ерофей Павлов Хабаров с пятью покрученниками.⁴

В Хатангский залив мангазейцы пришли в начале 30-х годов под предводительством мангазейского стрелка Ивана Елфимова и промышленника-северянина Кирилова. Первоначально они достигли лишь устья реки Попигай. Но любознательным поморам этого было недостаточно. Вскоре другие их отряды пробрались дальше на восток, в бассейн богатой "мягкой рухлядью" реки

¹ Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. — М., 1948.

С. 46.

² Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. 1. — С. 129.

³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских писателей... — Т. 1. — С. 211.

⁴ Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. 1. — С. 130.

Анабар. Наплыв промышленников в этот новый район был настолько большим, что мангазейский воевода Ухтомский весной 1643 года направил на восток от Хатанги отряд стрелецкого десятника Василия Сычова, которому было приказано закрепить за Россией "новые земли".

Большой интерес представляет поход на Анабар другого отряда под командой Якова Семенова, посланного в 1647 году. Яков Семенов совершил первое известное нам морское путешествие из устья реки Хеты на Анабар. Таким образом, поморы Сычов и Семенов прибыли в устье Анабара — один со стороны реки, другой — с моря — почти одновременно.

Плавая по Хатангскому заливу и морю Лаптевых, мореходы узнали об острове Бегичеве, богатом "заморным зубом". Поморы находили большие скопления мамонтовых бивней — "заморной кости", как их называли в отличие от "рыбьего зуба" — моржовых клыков. О том, что этот остров посещался с первых лет открытия морского пути на Анабар, сообщил позднее енисейский промышленник Н.А.Бегичев, обнаруживший на острове развалины древней избы, в которой он нашел шахматы, а под истлевшим полом "поморской хижины" — пять стрелецких секир.¹ Название свое остров получил в честь этого полярного исследователя и промышленника.

Присоединение ленских земель к Русскому централизованному государству и образование Якутского воеводства дали мощный толчок организации морских экспедиций "в новые земли".

Поморы: двиняне, каргопольцы, пинежане, мезенцы, пустозерцы, устюжане — принесли на Северо-Восток Сибири свой многовековой морской опыт, традиции судостроения и судовождения, соответствующую подготовку и сноровку в борьбе со льдами, туманами, морозом. Их бесспорной заслугой является то, что они

¹ Там же. — Т. 1. — С. 132—134.

совершили великие географические открытия на огромном протяжении от Лены до Камчатки, исследовали устья могучих сибирских рек, составили описания, лоции и положили на карту бескрайние просторы тундры и тайги, совершенствовали морской зверобойный и пушной промыслы, обогатили человечество обширными знаниями природы полярных стран и областей. Прослеживается такая закономерность: соболь манил поморов все далее на восток, к Тихому океану, а морж — все далее на север, к берегам Ледовитого океана. В этом стремлении поморов интересы государства, промышленных и торговых людей полностью совпадали.

Скупые документы того времени, воспоминания иностранных путешественников помогают составить довольно ясное представление о жизни этих мужественных людей, наших земляков и предков.

Состав северо-восточных мореходов и промышленников XVII века в социальном отношении был довольно пестрым. В среде служилых людей выделялись атаманы, сотники, пятидесятники, казачьи старшины, руководившие экспедициями на "заморские реки".

Большую группу северо-восточных мореходов составляли торговые и промышленные люди. Существенного различия между ними не было: часто торговец, купец выступал как промышленник и наоборот.

Основную массу торгово-промышленного люда составляли гулящие люди, которые в документах носят название покрученников — людей, нанимавшихся к богатым купцам на договорных началах.

Первый морской поход из устья реки Лены был совершен летом 1633 года. Во главе отряда стоял выходец из Поморья, енисейский пятидесятник Илья Перфильев. Спустившись к дельте Лены, отряд Перфильева разделился на две части, одна из которых во главе с тобольским казаком Иваном Ребровым последовала в Оленекский залив, а затем на реку

Оленек. Около 21 июня 1634 года от Ивана Реброва в Якутск поступила первая собранная на Оленьке ясачная казна. Он стал первым из русских, побывавших в устье реки Оленька.¹

Отряд Перфильева прошел по правой протоке дельты Лены и, выйдя на судах в море, достиг реки Яны. Времени прихода этого отряда мы не знаем, но располагаем сведениями его янских ясачных книг, где начальная запись датирована 9 октября 1635 года. Согласно записи в этой же книге, около 18 февраля 1637 года на Яну прибыл отряд Ивана Реброва, который продолжил плавание "встречь солнца". После непродолжительного, но удачного похода казак Ребров остановился у реки Индигирки, положив начало освоению и заселению огромного края. Иван Ребров был первым русским, побывавшим на реках Яне и Индигирке. "Преж меня на тех тяжелых службах, на Яне и на Собачьей (Индигирке — В.Б.), не бывал никто"; — говорится в его челобитной.²

Русские первопроходцы звали Индигирку Собачьей рекой. О неимоверно тяжелых условиях похода говорят скупые слова челобитной И. Реброва: "Нужду, и бедность, и холод терпел и душу сквернил, и ел всяко, и сосновую кору, и траву".³ Здесь Ребров построил два острожка, один из них позднее назвали поселком Русское Устье, или Русское Жило.

Русскоустынцы, происхождением поморы, открывали неведомые земли, реки и моря, приобщая аборигенное население к более высокой русской материальной и духовной культуре, и незаметно, неброско вписали одну

¹ Там же. — Т. 1. — С. 150

² Визе В. Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей. XVII—XIX вв.: Биографический словарь. — М.; Л., 1948. — С. 10.

³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 130.

из ярких, героических страниц в историю русского первопроходческого движения "встречь солнца".¹

Таким образом, первая русская северо-восточная экспедиция (а в ее состав входило свыше 100 торговцев и промышленников) "открыла" для России устья трех крупных сибирских рек: Оленька, Яны и Индигирки.² Еще до возвращения Перфильева и Реброва в Якутск вести о богатствах новых "заморских" рек всколыхнули массы поморской вольницы. Стремительность и быстрота движения на восток были поразительны.

В 1636 году выходец из Поморья казачий десятник Елисей Юрьев по прозвищу Буза с отрядом в 10 человек отправился из Енисейска по Ангаре на нижнюю Лену. Кледоставу он добрался только до устья реки Олёкмы. Здесь в Олёкминске, основанном поморами в 1635 году, на очередную зимовку собралось много промышленников. Весной 1637 года, когда Лена вскрылась, к предводителю Бузе присоединилось 40 "охочих людей". С отрядом в 50 человек землепроходец спустился по Лене, вышел в море западным рукавом дельты и через день прибыл в устье реки Оленька. Вот как написано в старинных сибирских документах об открытии Ел Бузой устья Оленька: "вниз Леною рекою, и вышел де на море, и шли до моря до усть Омолоевы реки".³ Здесь он построил зимовье, а местных кочевых эвенков обложил ясаком. Сведения о его дальнейших походах противоречивы. По версии историка И. Фишера, Буза, построив на Лене два коча, летом 1638 года снова вышел на них в море; на этот раз — восточным рукавом

¹ Чикачев А. Г. Русские на Индигирке. — Новосибирск, 1990. — С. 12.

² Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — С. 276—277.

³ Оглобин Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1903. — Ч. СССХХХХVII. — С. 50; Визе В. Ю. Русские полярные мореходы из промышленных... — С. 11.

дельты Лены, и пять дней при попутном ветре под "паруском" шел на восток вдоль берега в поисках таинственной "Ламы-реки". Эвенкийское слово "ламу" означает море. "Лама-река" — морская река. В источниках XVII века этот термин использовался для обозначения рек, впадающих в Студеное и Теплое моря. В первой половине XVII века русские первопроходцы предполагали, что за рекой Леной течет очень большая "Лама-река", берущая свое начало в Китае. Буза обогнул мыс Буор-Хая, вышел в Янский залив и достиг устья реки Яны. Три недели он со своими товарищами поднимался вверх по реке и добрался до якутов, которых сразу объясачил.

В следующем году уже на четырех кочах, построенных во время зимовки у якутов, Буза завершил открытие и обследование Янского залива. Здесь он встретил юкагиров, сыгравших в дальнейшем большую роль в продвижении русских на северо-восток Азии. Юкагиры без всякого сопротивления согласились уплатить ясак и не мешали землепроходцам построить на их земле зимовье. Буза прожил среди них не менее двух лет и в 1642 году вернулся в Якутск.¹

Большая часть поморов еще на родине свыкла с морем и имела немалый мореходный опыт. Профессионалы-судоводители "всегда употребляли компас и глубинный лот, ввиду многих мелей". Несомненно, у поморских мореходов были и рукописные "рописания мореходства" — морские карты и лоции, которые, как и в Поморье, тщательно сохранялись в поморских родах, передаваясь как драгоценность по наследству от отца к сыну. Часто поморы выступали в роли "вожей" (проводников-лоцманов), знатоков морского дела. От "вожа" зависел успех плавания, его знания спасали от гибели караваны судов и десятки жизней. В первые десятилетия

¹ Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — С. 276—277.

XVII века для перевозки товаров и проводки судов на большие расстояния широко практиковался наем "вожей" и судовых работников.

В 1645 году на Индигирку "для торгу и соболиного промыслу" на двух кочах выехал Михаил Стахеев. Вести суда взялся "вож Ивашка Никифоров, Поморовой, за Омолоеву губу к Быстрому шару". На одном коче шел сам Стахеев, на другом — его покрученники: Артемий и Иван Сорокины, устюжане. Путешественники благополучно достигли намеченной цели.¹

Плавание в суровых условиях Арктики требовало исключительного мужества, настойчивости и умения. Всеми этими качествами обладали поморские мореходы. Примеров можно привести немало. Вот один из них.

2 июля 1650 года служилый человек Тимофей Булдаков вышел в устье реки Лены и ожидал в течение месяца благоприятной погоды: "И как подсобные ветры учали быть, — сообщил он начальству, — и мы, Тимошка, побежали на море и прибежали к Омолоевой губе и на Омолоевой губе стоит лед и с тем льдом восьми дней носило морем и коч в том льду ломало". Несмотря на пережитые трудности и лишения, Булдаков со своими спутниками прорвался к Омолоевой губе и поплыл далее на восток. Обогнув Святой Нос, пять кочей Булдакова после двухмесячного изнурительного путешествия вмерзли в сплошной лед вблизи устья реки Хромы. Наконец, вынеся на лед припасы, поморские мореходы на нартах, перебираясь с льдины на льдину, добрались до устья реки Индигирки и отсюда вверх по ее течению — к зимовке на реке Уяндине, куда и прибыли "с великою нужею, холодни и голодни; наги и босы".²

¹ Белов М. И. Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. — Л.; М., 1951. — С. 64—65.

² Русские мореплаватели... — С. 18—19.

Зимой 1641 года из Якутска на восток к верховьям реки Индигирки на Оймякон, где жили якуты и эвенки, на конях был отправлен отряд служилого человека, пинежанина Михаила Васильевича Стадухина. Более двух месяцев понадобилось первопроходцам, чтобы выйти в район будущего поселка Оймякон. Напомним читателю, что этот район долгое время считался полюсом холода планеты, а в настоящее время — самой холодной областью северного полушария. В самом Якутске вечная мерзлота простирается на глубину 190—210 метров. В 1827 году уроженец Поморья, служащий русско-американской торговой компании Федор Шергин начал копать колодезь. Достигнув глубины 22,4 метров, он хотел прекратить дальнейшее рытье. Известный мореплаватель адмирал Ф.П.Врангель уговорил его продолжить эту работу. В 1834 году глубина колодезя достигла 116,43 метров, а Ф.Шергин стал вести наблюдения за колебаниями температуры грунта на различных глубинах. В настоящее время "шахта Шергина" — уникальная научная лаборатория.¹ М. Стадухин выяснил, что в этих краях нет "пашенных мест", реки и леса бедны рыбой и зверем. От местных жителей была получена важная информация о реке Охоте. На Охотское море был отправлен отряд Андрея Горелого, а сам руководитель похода спустился на построенном коче до Северного полярного круга и обследовал низовья долины реки Момы, богатой зверем и рыбой. Затем отряд М.Стадухина спустился к устью реки Индигирки и осенью 1642 года достиг реки Алазеи, где присоединился к казакам Дмитрия Михайловича Зыряна, пришедшим туда несколькими месяцами ранее.

В конце 1643 года объединенный отряд вновь вышел в море и примерно 13 июля добрался до устья большой

¹ Крадин Н. П. Старый Якутск // Памятники Отечества. — М., 1980. — № 2. — С. 102.

реки Ковыми (Колымы). Во время двухнедельного морского похода были открыты 500 километров побережья Северной Азии и Колымский залив. Первопроходец М. Стадухин, как ему казалось, видел "по левую руку", на севере, "горы снежные и пади и ручьи знатны все". Он считал, что перед ним южный берег огромного острова, вытянувшегося от устья реки Лены далеко на восток, за Колыму. Так родилась географическая легенда о великом острове на Ледовитом океане против берегов Восточной Сибири. Этой легенде верили более ста лет после плавания М. Стадухина.¹

В числе двадцати трех первооткрывателей Колымы, кроме Михаила Стадухина, Семена Дежнева и Дмитрия Зыряна, были и другие видные мореходы-землепроходцы. Назовем некоторых из них. Фтор, или Второй Гаврилов был "начальным человеком" Колымского острожка, организатором нескольких новых походов по северо-востоку Сибири. Семен Мотора прославился как инициатор первого сухопутного перехода на реку Анадырь. В 1646 году помор Григорий Фофанов руководил морским плаванием с Колымы на Лену, а его земляк Иван Кузьмин Беяна возглавил морской поход с Колымы на Лену в 1648 году.²

Русские, поднявшись по Колыме на кочах и через 12 дней плавания открыв восточную окраину Колымской низменности, высадились на берег. На следующий год первопроходцы в низовьях Колымы, на протоке, названной позднее Стадухинской, где жили юкагиры, поставили зимовье — Нижнеколымск, который стал базой для дальнейшего продвижения "встречь солнца" морем — еще дальше на восток, а по рекам системы Колымы

¹ Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — С. 279—280.

² Полевой Б. П. Находка челобитья первооткрывателей Колымы // Экономика и культура Сибири XVI—XIX вв. — Новосибирск, 1965. — Вып. 2. — С. 290.

— на юг, к Ламскому (Охотскому) морю. М. Стадухин вернулся в Якутск в конце 1645 года и сообщил первые сведения о реке Колыме: "А Колыма де река велика, есть с Леноу реку, идет в море также, что и Лена, пот тот же ветер, под восток и под север. А по той де Колыме реке живут иноземцы... оленные и пешие, сидячие многие люди, и язык у них свой"¹.

Итак, приблизительно через 20 лет после похода легендарного помора Пянды русские землепроходцы открыли большую часть бассейна реки Лены, проследили почти все ее течение от верховьев до устья, открыли восточно-сибирские реки Яну и Индигирку и продвинулись на восток до реки Колымы.

Сообщим читателю биографические данные прославленного пинежского купца-морехода Михаила Васильевича Стадухина. Он состоял на государственной службе в качестве казачьего десятника. По имеющимся документам, Стадухин начал службу на реке Лене с 1630 года. В 1641 году вместе с его земляком С. Дежневым он был послан на Оймякон, затем перешел на Индигирку и, выйдя в море, достиг Алазеи, где присоединился к отряду Дмитрия Зыряна, пришедшему сюда несколькими месяцами раньше. Летом или осенью 1643 года объединенный отряд Зыряна, Стадухина и Дежнева снова вышел в море и через две недели благополучно прибыл на Колыму. Стадухин построил в устье этой реки острожек на месте современного населенного пункта Стадухино. Летом 1645 года он пришел в Жиганск на коче, а 23 ноября того же года на нартах прибыл в Якутск, где оставался до июня 1647 года, когда был послан на реку Погычу. Некоторые подробности о морских плаваниях М. Стадухина и о находке им на берегу Северного Ледовитого океана залежей "моржевого зуба" сообщил нам, на основе изучения документов Сибирского

¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах... — С. 59.

приказа, историк Н.Оглобин. Якутские воеводы доносили в Москву, что в 1650 году М.Стадухин прислал "с реки Колымы 2 кости, весом в 7 гривенок", а в 1651 году "рыбьи кости 2 головы 4 зуба" в 29 гривенок. "Лутчую кость" они отправили в столицу.¹ Зимой 1650 года М.Стадухин с большим отрядом, перевалив через Анюйский хребет, прибыл на Анадырь. Здесь он встретился с С.Дежневым; не поладив с ним, в 1651 году ушел на реку Пенжину, откуда отправился на реку Товуй и после семилетних походов прибыл в Охотск, а затем вновь вернулся на Лену.

В 1659 году Стадухин был послан провожатым с собориной ясачной казной в Москву. Там он получил чин казачьего атамана, вернулся в Якутск и служил на реке Олекме, а с 1663 года — приказным на Алазее. В 1666 году вместе с пятидесятником Григорием Татариновым Михаил Стадухин поехал на Колыму, но по дороге, не доезжая реки Индигирки, он был убит местными племенами.

Михаил Васильевич Стадухин состоял в родственных связях с богатыми купцами. Он приходился племянником московского купца Василия Гусельникова. В свою очередь крупнейший русский купец Михаил Стахеев также был племянником "царского гостя" Василия Гусельникова. В числе землепроходцев XVII века известна целая династия пинежан Стадухиных. Брат Михаила — Тарас Васильевич Стадухин — прослужил на Колыме до 70-х годов. В 1660 году торговый человек Т.В.Стадухин вышел из устья Колымы в море и направился на восток "для проведывания Большого Чукотского Носу", но смог дойти только до мыса Шелагского. В состав этой экспедиции входило 90 мореходов и торговых людей. Архивные документы называют еще одного казака, воз-

¹ Оглобин Н. Восточно-сибирские полярные мореходы... — С. 43.

можно, брата Михаила — Нефеда Васильевича Стадухина, казака Василия Стадухина, промышленных людей Герасима и Якова Стадухиных...¹

Походы поморов на северо-восток Азии носили название "ходить в Заносье", то есть за Чукотский мыс или "Нос". Кроме того, термин "Заносье" имел совершенно определенный географический смысл и употреблялся для обозначения территории от Большого Каменного Носа до Камчатки.²

Старинные документы сохранили и другие имена поморов-мореходов. В 1646 году меженский мореход Исая Игнатьев сделал первую попытку пройти морем на восток от реки Колымы. Пользуясь прибрежной полыньей, он за двое суток прошел до "губы, обитаемой чукчами", — по-видимому, до Чуанской губы. Отсюда Игнатьев повернул обратно, привезя с собой моржовые клыки и резные изделия из кости. К сожалению, жизнь Исаи Игнатьева закончилась трагически, во время стычки он был убит чукчами.³

Уроженец Поморья Петр Иванов Новоселов стал тобольским жителем, крупным сибирским промышленником. Впоследствии он был ленским таможенным головой, служил целовальником на Колыме вместе с Дмитрием Зырянином и Вторым Гавриловым в основанном им Верхнеколымском остроге. Из архивных документов мы узнаем, что с Петром Новоселовым с Колымы на Лену прибыли богатые торговые и промышленные люди Кирилл и Молчан Ружниковы, родом из Мезени. Впос-

¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах... — С. 50, 60, 63, 66; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 15—16; Визе В. Ю. Русские полярные мореходы XVII—XIX вв... — С. 24.

² Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 44.

³ Визе В. Ю. Русские полярные мореходы XVII—XIX вв... — С. 14—15.

дествии Кирилл стал ленским таможенным головой. В 1647 году к Якутску подошел большой караван судов, который состоял из двух кочей Петра Новоселова, коча Кирилла Ружникова, коча Ивана Игнатьева Белого и коча Мартына Никитина. Большинство этих судов возвращались на родину в Поморье. Любопытно, что Петр Новоселов взял на себя обязательство посетить Соловецкий монастырь и передать его игумену подаренных промышленниками соборей. Нет сомнения, что П. Новоселов выполнил свое обещание, пройдя с Колымы до Белого моря. Всего торговые и промышленные люди привезли с Колымы 6985 соборей, оцененных в Якутске в 8979 рублей.¹

Заметной фигурой был и сибирский землепроходец, промышленный человек Юрий Селиверстов. Родом он был из Важского уезда. Первые сведения о нем сохранились в таможенной книге Енисейска за 1630 год, где значится: "Взята пошлина с промышленных людей Юшка Селиверстова Двинянина з братом Максимком с 70 соборей..." Ю. Селиверстов с первыми партиями промышленных людей пришел на Лену, где его назначили целовальником Якутского острога. Летом 1648 года он с отрядом Михаила Стадухина прибыл на Колыму и отсюда ходил на коче искать новую реку Погычу. Это плавание закончилось неудачей.

Мы располагаем документальными данными о попытке Ю. Селиверстова и Е. Курсова Вычегжанина повторить исторический морской поход Попова — Дежнева. В 1651 году промышленники "полюбовно" составили в Якутском остроге "складные записи", чтобы идти "Юрью да Овдокиму из Якутского острогу вниз по Лене реке морем на Индигирку и на Ковыму, и Чолдон реки и выные сторонние реки". Они хотели добыть

¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. — С. 73, 75.

"рыбью кость" и собрать ясак. Оба складчика отправляются "на государеве судне, на коче". Как видно из документа, Ю.Селиверстов и Е.Вычегжанин обязались совместно плыть из Якутска вниз по Лене на коче, а затем морем на Колыму и на Чолдон, или Чендон, который находится в Ламском (Охотском) море, недалеко от реки Пирень. Для снаряжения экспедиции Селиверстов занял "полтрети тысячи рублей" (2,5 тысячи) у своего поморского земляка, даурского служилого человека Усольца. За эти деньги позднее Ю.Селиверстов отдал 50 сороков соболей (2 тысячи штук).¹ Мы еще раз можем убедиться в том, что наши предки были не только отважными, но и состоятельными людьми.

Как видно из таможенных дел, Ю.Селиверстов и дальше проявлял большую инициативу в организации и снаряжении морских и сухопутных походов на "заморские реки". В 1655 году он, по-видимому, был отозван с Анадыря в Якутск для производства расчетов с казной. Михаил Стадухин так отзывался о своем земляке-мореходе: "то де морское дело ему, Юшке, за обычай".² В устье реки Анадыря северные мореходы успешно промышляли морского зверя — моржа. Из "наказа" помору-пятидесятнику Амосу Михайлову мы узнаем любопытную деталь, относящуюся к моржовому промыслу. Вся добыча "рыбья зуба" шла в казну, промышленники имели право добывать моржей лично для себя с выплатой двух десятинных пошлин. Вот как образно описывались эти сделки в старинных документах: "ему Амоску взяти на государя, сверх того рыбья зуба, у Сенки Дежнева, да у Никитки Семенова, да у Юшка-Селиверстова с товарищи, и у промышленных людей две десятые лутним

¹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 41.

² Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах... — С. 215; Визе В. Ю. Русские полярные мореходы XVII—XIX вв... — С. 22.

же зубом, от лутчей лутчей, средней средней, от худой худой:"¹

Другой документ, грамота, проливает свет на любопытные подробности, относящиеся к технике моржового промысла. Отряд Амоса Михайлова, посланный на Анадырь и состоявший из тридцати мореходов, получил специальное снаряжение: "для промысла того рыба зуб железные спицы и иной рыба зубу всякий промышленный завод". Иными словами, техника этого промысла была перенята у жителей Русского Севера, где добыча моржей практиковалась поморами с древнейших времен.²

На Колыме ходили упорные слухи о реке Погыче, на которой живут "оленные люди" и водятся отменные черные соболя. Загадочная Погыча находилась "за хребтом, за Камнем", но до нее можно было "добежать парусом погодьем" суток за трое.

С Погычей связана весьма любопытная история. Дело в том, что Погыча, как таковая, действительно существует. Эта река впадает в Берингово море. Ее можно найти на старинных русских картах. В 1646 году мореход Иван Ерастов, побывавший до этого на Индигирке, предлагал идти морем на Погычу. Об этой реке он слышал от колымского князька Порочи.

А вот что пишет о Погыче такой сведущий историк, как С.В.Бахрушин: "Миллер ошибочно считал Погычу за другое название Анадыря. Его ошибку повторяют позднейшие исследователи..."

Профессор А.В.Ефимов, оспаривая мнение о том, что Иван Родионов Ерастов и его спутники "отведали ныне новую землю" — Погычу-реку, писал в 1948 году: "Дело в том, что Погычей называлась не та река, которая сейчас так именуется. Для той поры Погыча — это совершенно неопределенное географическое понятие".

¹ ДАИ. — М., 1981. — Т. IV. — С. 71.

² Скалон В. Н. Русские землепроходцы... — С. 103.

Против этого утверждения решительно восстал знаток истории Севера и Сибири С.Н.Марков. Он считает, что: "вести о подлинной Погыче пришли впервые с "Охотской стороны" и ее стали искать и со стороны Колымы, еще не зная, что перед Погычей находится Анадырь. В этом вся разгадка многих недоумений".¹ Эта точка зрения выглядит вполне убедительно.

Величайшие географические открытия были сделаны участниками морского похода Ф.А.Попова и С.И.Дежнева вдоль берегов Чукотского полуострова. Это была одна из тех экспедиций в "новые землицы", которые совершали поморы и служилые люди, имея основной задачей расширение территории Русского государства и подведение под "высокую царскую руку новых неясных народов". Этот поход завершился присоединением к России громадного района реки Анадыря, что стало выдающимся политическим событием XVII века. Таким образом, все побережье Северного Ледовитого океана от Архангельска до Камчатки было исследовано русскими и вошло в состав Российского государства.

Читателю небезынтересно будет узнать о том, что в средние века точных географических представлений о нашей планете еще не было. Тем самым открывался простор для разнообразных суждений и гипотез. Одни ученые склонны были искать путь в Индию и Китай на северо-западе Европы, другие — на северо-востоке. Последнее предположение имело особенно много приверженцев. Мысль о том, что где-то в неизведанных областях Северо-Восточной Европы есть морской "проход" к восточным странам, высказывалась учеными с особой убедительностью. В тогдашней картографии появилось и вскоре утвердилось название этого прохода — "Анианский". Возможно, что название этого гипотетического пролива пошло от венецианского путешест-

¹ Марков С. Земной круг... — С. 333—334.

венника Марко Поло, жившего в XIII веке, который в своих сочинениях упоминал о провинции Аниа.¹ Эти географические сведения были известны и на Руси. С ними были знакомы и поморские мореходы, которые на практике испытали суровое полярное море-океан. Историк Г. Ф. Миллер пишет, что "первой путь от Колымы-реки на восток воспринят в 1646 году некоторыми промышленными людьми, у коих главным был Исай Игнатьев родом с Мезени", о котором речь шла выше.²

В 1648 году выйти в поход под руководством Ф. А. Попова и С. И. Дежнева готовились шестьдесят человек на шести поморских кочах. В последний момент к ним присоединилось седьмое судно "беглых ленских казаков" во главе с Герасимом Анкидиновым. Оснащением этого похода занимались приказчики царских гостей Усовых и Гусельниковых Федот Алексеев, Афанасий Андреев и Бессон Астафьев. Якутская таможня оценила снаряжение экспедиции в 1073 рубля, что было довольно крупной по тому времени суммой. Примечательно, что кроме провианта, оружия, орудий пушного и рыбного промысла, обменного товара первооткрыватели захватили с собой "13 маток в костях", то есть 13 компасов в костяной оправе.³

Историк Г. Ф. Миллер первым обнаружил и опубликовал архивные документы об этом историческом походе. Вот что он написал: "Федот Алексеев Колмогорец, московского купца гостинной сотни Алексея Усова прикащик, которого можно числить между прочими его товарищами главным, усмотрел за потребно просить государева прикащика на реке Колыме о служивом

¹ Осипов К. Первые русские полярные мореходы. — М., 1949. — С. 10.

² Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. — М., 1996. — С. 21.

³ Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. 1. — С. 164.

человеке для исправления того, что в пользу казенного интереса наблюдать должно. Казак Семен Иванов сын Дежнев пожелал в сей путь отправиться, и того ради дал ему прикащик наказную память".¹

20 июня 1648 года морской отряд покинул Нижнеколымск и при хорошей погоде вышел в свое историческое плавание вокруг Чукотского полуострова. Подгоняемые ветром, "кочи под парусами" благополучно прошли Шелагский мыс, где их неожиданно застала буря. Первые потери были ощутимы: два судна получили пробоины и затонули, большинство спасшихся мореходов были убиты в стычках с чукчами. Только немногим удалось бежать в горы, о дальнейшей их судьбе, к сожалению, сведений нет.

Около 1 сентября пять оставшихся кочей подошли к северо-восточному мысу, носящему в настоящее время имя Дежнева. Так была открыта крайняя восточная точка Азиатского материка.

Руководители этого похода отчетливо представляли географическое положение северо-восточного мыса. Об этом красноречиво свидетельствует челобитная Дежнева царю Алексею Михайловичу, в которой он писал, что этот мыс лежит "промеж сиверна полуношник" (между севером и северо-востоком) и делит океан на "Студеное море", остающееся к северу от этого мыса, и Восточное море, уходящее к югу.² К сожалению, этот важный документ Дежнева с описанием пройденного пути пролежал в якутских архивах более ста лет.

Однако можно смело утверждать, что о походе Дежнева знали в Сибири, Архангельске, Москве и за границей. Профессор В.Ю. Визе опубликовал копию письма из Архангельска, написанного в 1698 году голландскому

¹ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России... — С. 21.

² ДАИ. — Т. IV. — СПб., 1851. — С. 26; Полевой Б.П. О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 года // Изв. АН СССР. — 1965. — № 2. — сер. геогр. — С. 102—110.

ученому Николасу Витсену. Не сомневаюсь, что читатель с большим интересом ознакомится с этим историческим документом: "Ваше благородие! Я говорил здесь с одним русским, который сообщил мне, что в прошлую зиму он видел в Москве казаков, бывших на охоте за соболями в самых отдаленных местностях Сибири. Они обогнули на маленьком судне Ледяной мыс или самый восточный выступ, как показано на Вашей карте, и ехали 3 дня, пока добирались до выступа. Там шло очень сильное течение, так что им пришлось держаться вплотную к берегу, но льда они не видели, ибо это было в самый разгар лета. Таким образом, они обогнули мыс и достигли границ Китая".¹ Несмотря на некоторые ошибочные данные, не может быть сомнения в том, что в этом письме речь идет о походе Дежнева. Н. Витсен опубликовал этот и другие документы, связанные с морским походом на северо-восток Сибири, в своей книге "Север и восток Татарии", которая вышла в Амстердаме двумя изданиями, в 1692 и 1705 годах. Это были первые появившиеся за границей сведения о подвигах поморов и великом русском географическом открытии.

М. В. Ломоносов в своем известном сочинении "Краткое описание разных путешествий", касаясь вопросов мировых географических открытий, поставил морской поход С. И. Дежнева в один ряд с крупнейшими географическими событиями. "Сею поездкой, — писал М. В. Ломоносов, — несомненно, доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий".²

У северо-восточного мыса кочи первопроходцев вновь настигла буря. После непродолжительной остановки мореходы направились дальше на юг вдоль Чукотского полуострова, все чаще встречая поселения эскимосов и чукчей.

¹ Визе В. Ю. Семен Дежнев // Известия Географического общества. — 1948. — № 6. — С. 574.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 448—449.

Недавно в Российском государственном архиве древних актов удалось найти еще одно сообщение спутников Дежнева, в котором говорилось, что "впереди того места есть каменный нос большей, вышел в море далеко, а людей добре много, а против того носу есть острова в море, а на островах людей добре много ж, а мы сироты твои, которые были с Семеном Дежневым, тот каменный нос и острова знаем и людей видели, а не тот нос, что есть первой Святой нос от Колымы к Анадыре реке. От того Большого носу и от островов далеко".

Это сообщение во многом совпадает с тем, о чем рассказал сам С.И. Дежнев, но в новом тексте оказалась более ясная формулировка. Если учесть, как пишет известный историк Б.П. Полевой, что морские кочи тех лет ходили почти исключительно "подле берег", то можно уверенно говорить, что дежневцы видели местных жителей на ближних островах, а именно на Юттыгране и Аракамчене, населенных "зубатыми чукчами", — эскимосами, которые вставляли в свои щеки лабретки из моржовой кости. Но они же видели и острова Диомиды.¹

У мыса, лежащего против острова Св. Лаврентия, во время очередного шторма суда экспедиции разнесло в разные стороны. Как выяснилось впоследствии, Федот Алексеев и Герасим Анкидинов со своими товарищами пристали к берегам Камчатки, где проживали долгое время. Документы XVIII века свидетельствуют о том, что одна из рек Камчатки названа Федотовкой в честь холмогорца Федота Алексеева Попова.²

Коч Дежнева закончил свое плавание на южном берегу Анадырского залива. Из девяноста человек, покинувших Нижнеколымск, на Анадырь дошло только

¹ Полевой Б. П. История освоения русской Америки и открытий на Тихом океане: новые исторические источники // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997. — С. 5—6.

² Берг Л. С. Очерки по истории... — С. 101.

двадцать четыре помора, да и то девять из них погибли в первые месяцы пребывания в "новой земле". Такова цена подвига, который совершили русские люди во имя поисков морского пути на Анадырь. А сколько было неизвестных потерь...

Таким образом, заслуга С. Дежнева состоит в том, что он прошел "Анианским" (Беринговым) проливом. Теперь мы можем утверждать, что эта экспедиция открыла "великий северный угол" — "Tabin Promontorium", мыс Табин или Тамарос, известный в античном мире, что участники похода Дежнева открыли Камчатку и достигли побережья Охотского моря, и, наконец, с большой долей уверенности можно предположить, что часть первопроходцев, отделившись от основной группы во время сильной бури еще до Большого Каменного Носа, достигла побережья Аляски и основала там, на побережье Кенайского залива, русское поселение из 31 дома.¹

В 1652 или 1653 годах С. И. Дежнев и Никита Семенов "с товарищи" добыли лес и хотели, построив коч, послать его с государевой казною морем в Якутский острог, но узнав, что "сулой (водовороты и заворотные течения — В. Б.) великие о землю близко", без хорошей судовой снасти и без хорошего паруса и якоря не решились отправляться в полярное плавание. Тем более, что от местных жителей была получена информация, что не во всякий год льды от берега относит в море. Таким образом, попытка С. И. Дежнева пройти тем же морским путем, только в обратном направлении, не удалась.² Последующие годы жизни прославленного первопроходца и морехода были связаны с Анадырским краем. С. Дежнев прожил в Анадыре 10 лет!

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 11—12.

² Там же. — С. 41.

В 1655 году по указанию С. И. Дежнева был составлен первый чертеж Прианадырья "с Анюя реки и за Камень на вершину Анадырьи и которые реки впади болшие и малые и до моря и до той корги, где вылагает зверь".¹ На Анадыре была всегда удачная охота на "морского зверя морж". "Промышленные люди поморцы" сообщали, "что в Русском де Поморье столь много зверя того нет; а положили мы в государеву казну служилые и промышленные того рыба зубу весом три пуда, а числом четнадцать".²

В 1659 году С. Дежнев пришел на Колыму, а оттуда морским путем — на Лену. В 1660 году он отправился по служебным делам в Москву, где его открытия были не только хорошо известны, но и получили должную оценку. За свои "многолетние службы" пинежанин Дежнев получил царское жалование и был произведен в казацки атаманы. Вернувшись в Якутию, он служил на реках Оленьке, Вилюе и Яне. Летом 1670 года его снова направили в Москву. Из второй поездки в столицу Дежнев не вернулся. Он умер в Москве в начале 1673 года.³

Сообщим читателю немногочисленные дошедшие до нас сведения о родословной полярного героя.

На основании челобитной С. И. Дежнева царю Алексею Михайловичу с просьбой отпустить из Устья Великого в Якутск племянника его Ивана Иванова, считалось, что этот город и есть его родина. Новый документальный материал, предоставленный М. И. Беловым, позволяет пересмотреть вопрос о родине С. И. Дежнева.

¹ Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. // Вопросы истории изучения и освоения Арктики. — Л., 1964. — С. 139.

² Богараз В. Г. Чукчи. — Л., 1934. — С. 43; ДАИ. — М., 1851. — Т. IV. — С. 20.

³ Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. 1. — С. 165—166.

В архиве Архангельской губернской канцелярии историк нашел более подробные сведения о Дежневых, относящиеся к началу XVIII века. В переписной книге Холмогор и уезда 1710 года по деревне Осиновской в Саянах Волокопинежской волости отмечено, что Дежневы, и в том числе племянник Семена Ивановича Иван Иванов Дежнев, имели свой земельный надел, но что Иван Дежнев несколько лет назад "сбрел" в другие города на заработки. Прозвище-фамилия Дежнев происходит от слова "дежа", означающего "квашня".

Профессор М. И. Белов также выяснил, что Семен Дежнев пожертвовал часть моржовых клыков церкви Ивана Уродливого. Было бы чрезвычайно важно узнать местонахождение этой церкви, существовавшей в Поморье, на родине Дежнева.¹

Дежнев — настолько крупная историческая фигура, что всякие сведения о нем представляют особый интерес. До последних лет существовало мнение, что помор Дежнев жил в бедности до конца своих дней. Между тем, несмотря на то, что он долгие годы оставался рядовым казаком, в то же время, как и его земляки, он был промышленником-предпринимателем. Например, в Верхнеколымском зимовье он погрузил на коч 50 пудов "рыбьего зуба", лично принадлежавшего ему. По официальным данным, за моржовый клык платили по 60 рублей за штуку, следовательно, его "добыча" оценивалась в 3 тысячи рублей. Государево годовое жалование казаку составляло 5 тысяч рублей. Имеется архивный документ о том, что 3 января 1664 года Семену Ивановичу было выдано процентное отчисление со сданной им "рыбьей кости" соболями 500 рублей.²

¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах... — С. 89, 137.

² Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 45.

М. И. Белов нашел и архивные документы, частично освещающие личную жизнь прославленного помора. Он был женат на "яконской женке" Абакан. С. И. Дежнев до своих походов на северо-восточные реки состоял в браке с якуткой Абакаядой Сичю. По его челобитной было принято решение: "Семейки Дежнева женку крестить Абакан." Из этого документа видно, что С. И. Дежнев имел небольшое хозяйство: корову и теленка, оставленное на попечение якута Манякуя. Подобный порядок был широко распространен, когда казаки, уходя в поход, оставляли свое "борохлишко" под охрану якутов, с которыми находились в родстве. Его сын по имени Любим также стал казаком и принимал участие в походах к Тихому океану.

В 1668 году на имя царя Алексея Михайловича поступила челобитная Капиталины Архиповой, которая сообщает, что она "атамана казачья Семена Дежнева женинко его", и просит в оклад ее мужа Семена Дежнева дать ей соляное жалование за год вперед, а 3 марта 1673 года в "памяти хлебного стола в денежный стол" говорится о выдаче хлебного жалования жене казачьего атамана Семена Дежнева, но не Капиталине, а Пелагее.¹

Либо "писаришко штабной" напутал с именами женщин прославленного атамана, либо помор С. И. Дежнев, ради "размножения сибирского народа", имел несколько жен.

Известно, что С. И. Дежнев, будучи в Москве после очередного похода, просил царя отпустить с ним в Сибирь племянника с женой. Из челобитной Семена Дежнева мы узнаем, что племянник его: — Ивашко Иванов — живет в настоящее время на Устье Великом "...ни в тегле, ни в посаде — скитаецца меж двор и с

¹ Белов М. И. С. Дежнев. — М., 1948. — С. 42, 120; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 102.

женою своею Татьяною Григорьевною дочерью..."¹ В таможенной книге Пустоозера за 1713 год записан этот Иван Иванов Дежнев как объявившийся по найму, в работных людях.² Так как в якутских послужных списках имени Ивана Дежнева не значится, можно сделать предположение, что он не попал в Сибирь, а остался в Поморье. Эти документы дают скудные известия о родственниках прославленного морехода и подтверждают суждение профессора М. И. Белова о временном проживании Ивана Иванова Дежнева в Великом Устюге.

В историко-географической литературе, как правило, высоко оцениваются заслуги Семена Дежнева, а имя его выдающегося соратника Федота Алексеева остается в тени. Судьба распорядилась таким образом, что Ф. Алексеев, как и многие другие участники исторического плавания, погиб. Но погиб, уже пройдя пролив, разделяющий Азию и Америку. Больше того, ради справедливости следует еще раз отметить, уважаемый читатель, что Федот Алексеев возглавлял эту экспедицию. Именно он, приказник устюжских купцов Усовых, снарядил из Нижнеколымска экспедицию, которая должна была плыть морем на восток в поисках "рыбьей кости" (моржовых клыков). Конечной целью этого похода была река Анадырь. В эту экспедицию и пригласили пинежанина С. Дежнева, известного своей опытностью и отвагой, как ответственное лицо за сбор ясака.

Федот Алексеев был выходцем с берегов Северной Двины — из Холмогор. С. Дежнев и документы Якутской приказной избы называют его Федотом Алексеевым Колмогорцем. В своих работах профессора С. В. Бахрушин и В. Ю. Визе на основании отписки купцов Усовых

¹ Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. — М., 1950. — С. 53.

² Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 89.

называют его Федот Алексеевич Попов.¹ Можно предпологать, что прозвище-фамилия Попов пришло к нему от родственников-священников.

Летом 1641 года Ф. Алексеев приехал в Енисейск, а незадолго до того побывал в Тобольске, Тюмени и Томске, где торговал хмелем. Летом следующего года Алексеев прибыл в Якутск и вместе с большой группой торговых и промышленных людей отправился на реку Оленек. Этот поход возглавляли казак Иван Рёбров и целовальник Андрей Дубов. К лету 1647 года, не заезжая в Якутск, Ф. Алексеев пришел на Колыму и вместе со своими покрученниками принял участие в первом и неудачном походе С. И. Дежнева на Анадырь, а летом следующего года — во втором его историческом походе.²

В 1654 году С. Дежнев во время своего очередного похода взял в плен женщину-якутку. Из расспросов он узнал, что она была женою купца Федота Алексеева Колмогорцева и что муж ее вместе с ней плыл на своем коче по Пенжискому морю (очевидно, речь идет о Беринговом море). Из бесхитростного рассказа пленницы мы узнаем, что их судно "отшибло и занесло в Камчатку, где застигла их зима, и на речке Никуле, впадающей в Камчатку, названной по мужу ее Федотовкою, построил зимовье. По наступлении лета он обошел Курильскую лопатку и Пенжиским морем вышел в реку Тигиль, там и умер, а оставшиеся после него люди все побиты".³

Эти сведения представляют исключительный интерес, потому что они проливают свет на последние годы

¹ Белов М. И. История открытия и освоения... — Т. 1. — С. 163.

² Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах... — С. 91, 101.

³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... — С. 33.

жизни нашего знаменитого земляка, купца-морехода Федота Алексеевича Попова.

Архивные документы сохранили имена предпринимчивых архангельских купцов Амосовых, которые активно участвовали в организации правительственных и частных экспедиций вдоль берега восточного побережья Северного Ледовитого океана. Так, в 1723 году Федот Амосов в поисках островов в Восточно-Сибирском море прошел вдоль берега более 200 километров к востоку от устья Колымы; но вынужден был из-за льдов повернуть обратно. В 1724 году он, уже на нартах, отправился из Нижнеколымска на север и достиг одного из Медвежьих островов.¹

Экспедиции поморских мореходов в арктических водах — несомненно, одна из славных страниц в истории полярного мореплавания и географических открытий. Важно также отметить, что историческими данными теперь точно установлено первенство в открытии северо-восточного пути поморов, а не Э. Норденшельда, как считалось до последнего времени. А сам великий путешественник и мореход высоко ценил морское искусство поморов, отмечая, что "они были смелые и хорошие моряки и что у них были такие суда, которые при попутном ветре шли скорее английских".²

Поморские мореходы — люди особого склада: неприхотливые, выносливые, мужественные и любознательные. В пути они терпели великие лишения; льды и туманы, мороз и стужа затрудняли их путь, но они упрямо и уверенно шли "встречь солнца" на восток, совершая великие географические открытия, которые по достоинству оценены их потомками.

¹ Магидович И. П. Известные русские мореплаватели // Русские мореплаватели. — М., 1953. — С. 474.

² Скалон В. Н. Русские землепроходцы... — С. 34—35.

СИБИРСКИЕ КУПЦЫ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

ОДНОЙ из отличительных особенностей социально-экономической жизни Русского государства XVII века было резкое усиление и расширение торгово-промышленной деятельности, в которую вовлекались различные слои населения. Познакомимся, уважаемый читатель, с деятельностью купцов-промышленников Поморья, которые нажили свои капиталы на торговле и промыслах Сибири. Для начала скажем несколько слов о причинах и масштабах "торгового бума" в поморских городах.

Торговое оживление на Русском Севере началось во

второй половине XVI века и было тесно связано с возникшей в устье Северной Двины архангельской "корабельной пристанью", постепенно оттянувшей на себя товарооборот от старых торговых центров в Прибалтике. В конце XVI века основной торговой артерией страны становится Северная Двина. Русское население, осевшее во время новгородской и суздальской колонизации в бассейнах северных рек, среди "леших болот" и девственного леса, быстро втягивается в оживленный товарооборот. Из среды поморов выходят предприимчивые промышленники и оборотистые купцы, достигающие в погоне за соболем крайних пунктов северо-востока Сибири. Наряду с мелкими промышленниками и служилыми людьми на далекие сибирские реки идут более крупные поморские предприниматели, ссужающие ватаги покрученников своим капиталом. В XVII веке Сибирь по отношению к Московскому государству сыграла ту же роль, какую несколько раньше играли американские и ост-индские колонии по отношению к Франции, Англии и Голландии.

Рассвет торговли на поморских путях способствовал развитию в бассейне Северной Двины крупных торговых центров: Архангельска, Холмогор, Вологды, Великого Устюга и Соли Вычегодской. В конце XVI века из среды северного черносошного крестьянства и посадского населения вышло большое количество крупных представителей купечества.

Начиная с середины XVI века, многие двинские выходцы переселяются в Устюжский, Тотемский, Соливычегодский края, добираются и до Прикамья. Благодаря поморской предприимчивости, они уже в XVII веке превращаются в торговых людей московской "гостиной сотни". К примеру, московские торговые гости Иван и Василий Ивановы дети Юрьева, бывшие с 20-х годов XVII века владельцами ряда Соликамских соляных промыслов, были потомками двинских Юрьевых, начинав-

ших свою торгово-промысловую деятельность именно на поморских солеварнях. Весьма вероятно, что архангельский таможенный голова 1623 года, холмогорец Иван Юрьев, и торговый гость московской прописки и соликамский солевар Иван Иванов сын Юрьев — одно и то же лицо.¹

Отсюда следует и второе предположение, что наш шенкурский посадский лидер Ивашка Юрьев был сородичем знаменитых поморских купцов Юрьевых.²

Из фамилий вельских "лучших людей" и "излюбленных голов" обращают на себя внимание две: Семеновы (Ивашка Семенов — челобитчик от вельского посада) и Михайловы (Иван Михайлов — "излюбленная голова" по Вельской половине). Дело в том, что в XVII веке Семеновы стали довольно известными устюжскими купцами, а два города — Устюг и Вельск — были особо тесно связаны между собой торговлей. В XVII веке Семеновы занимали крупные земские посты. В 1658—1659 годах купец Андрей Семенов был даже устюжским таможенным головой, через которого проходили все торговые связи с Сибирью. Не менее известны в XVII веке и купцы Михайловы, которые вели торговлю как в Устюге, так и в Вологде. В 1660 году Петр Михайлов был таможенным головой в Вологде, а Прокопий Михайлов стал в 1704 году одним из первых бургомистров самого Великого Устюга. Очень возможно, что это и есть потомки важан Михайловых, ведь однофамильцев "лучших людей" и на Ваге, и в Устюге было в то время не так уж много.³

Среди шенкурских "выборных голов" упоминается Г. К. Бубна. В XVII веке его потомки перебрались

¹ Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. (К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности). — М., 1957. — С. 7, 44—56, 62—63.

² Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969. — С. 322—323.

³ Там же — С. 326.

в Великий Устюг и стали весьма видными торговыми и промышленными людьми. В 1652 году Иван Бубнов возглавлял коллегия великоустюжских земских судей.

Напарник Г. К. Бубны — "ваган" Г. И. Пестов — был сородичем устюжан Пестовых, очень богатых торговых людей Великого Устюга в XVII веке. В 1644 году Афанасий Пестов был устюжским ружным старостой.¹

Уроженец Поморья Петр Иванов Новоселов "поступился" доставшейся ему по наследству землею. Перестав заниматься землею, он и его брат Василий Иванов Новоселов развернули такую кипучую деятельность, что их имена стали часто мелькать на страницах таможенных книг Тобольска, Якутска, Нерчинска, Верхотурья, Соли Вычегодской. Богатства позволили Петру Новоселову в 1660—1663 годах занимать "хлебную" должность якутского таможенного головы. Брат его Василий был в 1669—1670 годах тобольским таможенным головой, а его племянник Мирон Васильев Новоселов стал самым богатым тобольским посадским человеком.²

Население Забайкалья в XVII веке в основном состояло из выходцев Северо-Восточной Руси. Недаром поморские воеводы сетовали, что из-за отлива населения в Сибирь "учинилась в Устюгском и Усольском уездах великая пустота". Уроженцы Поморья были в XVII веке главными организаторами торговли в Забайкалье. В 1800 году из шести обществ, торговавших в Кяхте, одно было Устюжское, а другое — Вологодское. В числе привилегированного казачества Забайкалья состояли торговые люди яренчане Г. Осколков и С. Шангин. Они вели оживленную торговлю скотом, участвовали в

¹ Там же. — С. 320.

² Вилков О.Н. Тобольский посад XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX в.в.). — Новосибирск, 1968. — Вып. 3. — С. 48.

поставках русских товаров в Нерчинск. Ввозом товаров в Забайкалье занимались крупные купцы Филатьевы, Никитины, Лузины, Гостевы, Ушаковы.¹ Этот первоначальный поморский состав населения Сибири повлиял на язык и быт всех жителей, для которых до сих пор характерно вологодское наречие и почитание поморских святых.² Таким образом, можно смело утверждать, что Русский Север был "кузницей кадров", готовившей купцов, промышленников и предпринимателей для молодой сибирской России.

"В XVI—XVII веках, — пишет С. В. Рождественский, — в Поморье происходило выделение в гостиную московскую службу местных промышленников и торговцев, именно в Устюжском, Соль Вычегодском и Тотемском районах, в узловых пунктах главных торговых путей". Когда мы читаем в документах, как из поморских уездов берутся в Москву, в гостиную и суконную сотни крестьяне, которые "в своих волостях деревнями и полями многими и всякими угодами и промыслы всякими промышляют и торгуют", то перед нашими глазами незримо проходит процесс образования на местной землевладельческой основе промышленно-торговых хозяйств, создавший в XIV веке двинских бояр, а в XVI веке Строгановых. Такие поморские землевладельцы и промышленники XVII века, как Панкратьевы и Филатьевы в Яренском уезде или Грудицыны в Тотемском, — те же Строгановы, но только меньшего калибра.

Они уже не были колонизаторами и устроителями новой окраины и не выполняли политических функций, присущих крупному землевладению на окраинах Мос-

¹ Машанова Л. В. Торговые связи Забайкалья в конце XVII века // Вопросы истории. — 1984. — № 9. — С. 171.

² Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. — М., 1969. — С. 110.

ковская власть без труда вырывала поморских "капиталистов" из их землевладельческих гнезд и втягивала их в общий оборот принудительной службы, заставляя переселяться в Москву, "чтоб им торговым людям, по выбору и службу, быть готовым тотчас". Для многих из них была уготована судьба купцов, принимавших участие в освоении сибирской укроины".¹

Московская гостиная сотня первоначально предполагалась как объединение московского купечества. Суконная сотня — объединение провинциального купечества. Но в XVII веке эта разница исчезает и сотни рассматривались по степени богатства: суконная сотня, гостиная сотня, гости. Часто поморского купца или крестьянина брали в ту или иную сотню прямо, а затем уже в гости. В 1630 году гостей было 13 человек, в гостиной сотне 185, в суконной — 128. В чем заключалась служба торговых людей в этих корпорациях? Гости несли финансовую службу: таможенную в Москве, Вологде, Архангельске, Великом Устюге, Тобольске, Якутске — крупнейших торговых центрах страны. Во главе таможен этих городов всегда назначались гости. Торговые люди гостиной и суконной сотен часто работали целовальниками и ведали казенной закупкой товаров. В ведении Приказа Большой Казны находился Денежный двор, который также возглавлял гость. Таким образом, гости и торговые люди гостиной и суконной сотен несли материальную ответственность на важнейших участках государственной службы. Не все выдерживали это испытание. Так, на службе в Сибирском приказе разорился крупный торговый человек, выходец из Поморья — Надея Светешников.²

Среди богатейших торговцев, купцов московской гос-

¹ Рождественский С. В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI веков // Известия АН СССР, 1929. — Отдел гуманитарных наук. — № 2. — Ч. II. — С. 153.

² Устюгов Н. В. Научное наследие. — М., 1974. — С. 160—161.

тиной сотни, была и семья Босых. Филипп Федорович Босых — сын двинского крестьянина Федора Тимофеевича Босых, выходца из окрестянившихся двинских бояр.¹ В более поздних документах уже появляется фамилия Семена Босых, деда владельцев торгового предприятия, который принадлежал к высшему слою посадского населения Великого Устюга. В 1580 году Семен Босых купил у своего шурина Офоньки Веретенова пожню Веретениху в Быкокурском стану Устюжского уезда. Уже по сотной 1630 года в Великом Устюге Босых принадлежало пять торговых лавок.

Биографические данные о детях другого сына Босых — Алексея — также очень незначительны. Известно, что оба его старших сына в 40—50 годах неоднократно отбывали различного рода "государевы службы". В 1641—1642 году Кирилл Босых заведовал Соликамскими медными рудниками, а в 1647 году ему было пожаловано звание гостя. В 1650 году Кирилл Босых был таможенным головой у корабельной пристани Архангельского города, а его брат Василий через пять лет — таможенным головой в Архангельске.² В 1645 году Кирилл Босых был на службе в Москве. Эта поездка оказалась для него роковой: заразившись чумой вместе с другим крупным представителем устюжского торгового мира — гостем Василием Федотовым Скорая Запись, он скончался.³

Вернемся к начальному периоду становления династии купцов Босых. Мы располагаем данными окладного еписка (1628—1629 гг.), по которому Алексей Семенов Босых в ряду гостиной сотни разделял третье место со

¹ Носов Н. Е. Указ. соч. — С. 321.

² Базилевич К. В. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века. — Л., 1933. — С. 1—4; ДАИ. — Т. III. — С. 423.

³ ДАИ. — М., 1848. — Т. III. — С. 426.

своим братом Василием и купцом Якимом Потокиным. Вся гостиная сотня состояла в это время из 158 купцов с общим окладом в 1513 денег. Имущественная состоятельность братьев Босых оценивалась в 7 процентов от капитала всей гостиной сотни.¹

Как проходили торговые операции? Осенью закрывалась ярмарка "у корабельной пристани" в Архангельске. Дошаник купцов Босых, нагруженный иностранными товарами, возвращался в Великий Устюг в последние дни навигации. В это же время приплывали в обласах из Мангазеи, по Печоре и Вычегде, приказчики с сибирской "мягкой рухлядью". Начинались наиболее оживленные месяцы торговли. Зимой подготавливались новые транспорты товара в Сибирь; иноземный товар из сукон, металлов, пряностей, и украшений занимал основное место. Второй составной частью товаров, отправляемых в Сибирь, были "русские товары": сермяжное и белое сукно, холст, кожа разных сортов, мыло, одежда, промысловое снаряжение и другие.

В декабре 1633 года двоюродный брат Алексея Босых Иван Еремеев Босых отправился в Сибирь с товаром на пятидесяти двух лошадях. "Мягкая рухлядь", вывозимая из Сибири, состояла из разнообразных мехов, среди которых первое место занимали шкурки соболя. В 1636—1637 годах было вывезено из Сибири 167 сороков и 22 соболя и 89 сороков и 24 собольих пупка.²

Торговля в Сибири велась в различных местах. В проезжих сибирских грамотах упоминаются Мангазея, Тобольск, Томск, Тюмень, Сургут, Кузнецк, Енисейск. Во многих городах и острогах у Босых были свои торговые лавки и амбары.

Подобно другим торговым людям, приказчики Босых не ограничивались распродажей привезенных русских и

¹ Базилевич К. В. Указ. соч. — С. 6.

² Там же. — С. 8.

иноземных товаров, скупкой на вырученные деньги "мягкой рухляди" у промышленников, но и снабжали собственные промышленные экспедиции за соболем. На соболиный промысел выходили из Ленского острога ватаги покрученников, снаряженные на средства хозяев. Сохранились сведения о снаряжении и отправке в 1642 году трех промышленных ватаг. В июне этого года приказчик купцов Босых Леонтий Толстоухов отпустил из Якутска семнадцать покрученников с запасом и промысловым снаряжением на сумму 650 рублей. В июне уже другой их приказчик Федор Вырыпаев отпустил вниз по реке Лене на промысел "на своих ужнах", то есть с собственным запасом продовольствия и промышленного снаряжения, двух своих племенников, Ярько Тимофеева и Гришку Перфирьева, одного покрученника, передовщика с отдельным покрученником, 8 своих покрученников и 4 своеуженников. С ними было отправлено запаса и продовольствия на сумму около 525 рублей. Третья ватага, отпущенная в этом же месяце, была снаряжена Леонтием Толстоуховым на соболиный промысел; вниз по рекам Лене и Жыгане пошли два приказчика — Ивашка и Мишка Дмитриевы Синицыны, 2 покрученника, хлебный запас и снаряжение на сумму около 151 рублей. В 1630—1640 годах купцы Босых вывозили из Сибири ежегодно от 79 до 167 сороков соболя.¹

Являясь владельцами одного из самых больших торговых предприятий в Устьюге, Босых были в то же время крупными землевладельцами, а их многочисленные деревни были разбросаны в Устюжском и Усольском уездах. В своих вотчинах Босых селили половников, с помощью которых обрабатывались земельные угодья: "А в наших, государь, местах, — сообщал Кирилл

¹ Там же. — С. 10.

Босых; — живут у нас в деревнишках наших крестьяне твои государевы волностью на урочные лета, кто на сколько лет уговоритца жить, иные на два и на три года, как кому в которых местах поживатца... и живут, что наймиты, а хлеб государь, пашут на своих конях исполу: нам половина (половники — В. Б.), и им другая..."¹

Характеризуя деятельность гостей-купцов Босых, нужно отметить, что в основе их торговли было посредничество между западноевропейским и сибирским рынками. Торговое предприятие Босых развивалось в узле больших торговых дорог между Архангельском, Москвой и Сибирью, в условиях, характерных для Русского Севера. Однако сыновья Алексея Босых не оставили после себя большого капитала, потому что, если в конце XVI и первой половине XVII века положение Поморья, оказавшегося в узле важнейших торговых артерий, очень благоприятствовало торговле, то к концу столетия, в результате истощения соболиных промыслов в Сибири и перемещения торговых путей, всей северной торговле был нанесен сильнейший удар.²

Поморские купцы и промышленники принимали участие в организации пушных промыслов в Енисейском крае. Среди них, особо следует выделить гостей К. Босого, В. Федотова-Гусельникова, Н. Светешникова, В. Шорина, гостиной сотни Исаака и Никифора Ревякиных, М. Ерофеева, Б. Щепоткина, И. Усова-Грудицына, И. Елезова, С. Чанчикова, П. Цыбина, И. Денисова, Б. Болезина, А. Осколкова, известны также фамилии Скрипиных, Шангиных, Норицыных, Барахматовых и Конищевых.

Среди всех этих поморских предпринимателей, бесспорно, первое место занимали братья-устюжане Исаак

¹ Там же. — С. 16.

² Там же. — С. 29.

и Никифор Ревякины. Они были связаны с Мангазейско-Туруханским краем на протяжении тридцать лет. Никто из конкурентов Ревякиных так долго не занимался пушным делом, и никто из них не мог ежегодно на протяжении десятилетий отправлять ватаги покрученников в тайгу. У Ревякиных промыслы организовывались в 1640—1650 годах ежегодно. Агенты купца гостинной сотни Никифора Ревякина за три года (1651, 1655, 1657 гг.) из одной только Мангазеи вывезли 161 сороков великолепного соболя.¹

С. В. Бахрушин отмечал, что еще в 1630 годах на основе мангазейских промыслов Ревякины создали "баснословные богатства". Сын Исаака Ревякина, Калина, в 1637 году оценивал доход в казну, приносимый ими с сибирских оборотов и предприятий, в 600—700 рублей ежегодно. Исаак Ревякин в 1640 году определял свой ежегодный оборот в Сибири колоссальной суммой — 10 тысяч рублей. Особо выделяя из других сибирских городов Мангазею, он писал, что в казну с его "торжишку и с собольного промыслишку собольми и деньгами сходит на год по тысяче рублей и больше".²

Для промысловой деятельности Поморья была в течение нескольких веков характерна покрута. Она сложилась на почве тех отношений, которые возникали между предпринимателями и артелями на беломорских промыслах. Обстоятельно описала эти взаимоотношения поморов на промыслах этнограф А. Я. Ефименко.³

¹ Александров В. А., Чистякова Е. В. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) // Вопросы истории. — 1959. — № 2. — февраль. — С. 133.

² Александров В. А. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговле на Енисее в XVII в. // Исторические записки. — М., 1962. — Т. 71. — С. 180—181.

³ Ефименко А. Я. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. — СПб., 1874. — Вып. II. — С. 64—88.

Поморская покрута была перенесена и в сибирские леса.

Купец снабжал своих покрученников "промышленным заводом" — "соболойной снастью", ружьями с порохом и свинцом, топорами, продовольствием и даже собаками. Все перечисленные предметы снабжения и снаряжения входили в состав "ужины" — части капитала, потраченного купцом на каждого своего покрученника. В свою очередь покрученник отдавал своему хозяину большую часть добычи.

Известный на Русском Севере и в Сибири купец Василий Федотов Гусельников Скорая Запись, отправляя своих покрученников на промысел, выделял им "дощаники и лошади", на которых они перевозили свои запасы и товары. Другой не менее известный в Поморье купец Надея Светешников писал, что его приказчик Иван Лом с покрученниками шел на Лену "в дву судишках моих с павозки".¹ Покруты требовали значительных финансовых средств купцов и промышленников и изрядного риска.

В последней четверти XVII века среди многочисленных торговых людей, тесно связанных с восточносибирскими торгами, выделялись своими оборотами гости-купцы Остафий Филатьев, Семен Гаврило Никитин и Иван Ушаков. Особенный интерес для нас представляет деятельность двух братьев Ушаковых — Ивана и Алексея.

Устюжане по происхождению, Ушаковы рано осели в Сибири и вошли в число посадских людей Енисейска. Их отец Пятой Антипин и дядя Василий Антипин занимались рыбным промыслом. Они одними из первых среди енисейских посадских людей установили прочные связи с Туруханском и в середине XVII века ежегодно уходили в низовья Енисея на летние рыбные промыслы.

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 198—211.

По енисейской переписной книге 1669 года Иван Ушаков числился посадским человеком средней зажиточности, занимавшимся мясным промыслом и платившим полтора рубля годового оброка.

В 1673 году И. Ушаков, воспользовавшись удобным моментом, "надул" к прежней откупной сумме в 505 рублей еще 20 рублей и стал обладателем пивного и банного откупа в крупнейшем восточносибирском центре того времени — Енисейске. В феврале 1685 года в Сибирском приказе состоялся очередной торг на иркутский откуп, где И. Ушаков встретил сильных конкурентов в лице сольвычегодских посадских людей Ивана Пивоварова и Ерофея Гаева, которые, как сейчас выражаются, выиграли "тендер".

Однако Ушаковы не сдавались; помимо Енисейска они с 1685 года держали квасной откуп в Мангазее. В 1695 году И. Ушаков подрядился поставить в сибирские города 10 тысяч ведер вина. Почти тридцать лет Ушаковы держали в своих руках крупнейшие в Восточной Сибири квасные, пивные и банные откупы. В Иркутске они имели свои мукомольные и соляные промыслы. Плотина и мельницы, сооруженные на речке, получившей впоследствии название Ушаковка, были сделаны настолько основательно, что существовали еще в начале XIX века.

31 мая 1683 года Ивану Ушакову велено было быть в гостинной сотне и переехать в Москву со всей семьей: с матерью, братом Алексеем, невесткой и племянником. В 1685 году И. Ушаков уже числился гостем, тесно связанным экономическими расчетами с Сибирским приказом. С этого времени, используя трудности казны по снабжению "бесхлебных" и "непашенных" городов, Ушаковы выступают в качестве крупнейших хлебных поставщиков Якутска, Мангазеи и Даурии.

В конце XVII века Ушаковы начали вкладывать свои капиталы в заграничную торговлю с Китаем. Но

фортуна все же изменила крупнейшим торговцам Сибири. Помимо отсутствия кредита, финансовые трудности Ушаковых объяснялись еще тем, что казна выплачивала им порядочные суммы по большей части не деньгами, а товарами (мехами, солью), причем все это выдавалось не сразу, а частями.

После смерти Ивана Ушакова началось следствие о его несостоятельности. Тяжелый удар, постигший Ушаковых в конце XVII века, не был чем-то необычным. Таков был удел многих предпринимателей и купцов. Основными причинами разорения являлись недостаток средств, необходимых для оборота, и отсутствие кредита и заинтересованной поддержки со стороны государства.¹

Одними из крупных поморских купцов, торговавших в Сибири, были Алексей и Василий Усовы. В 1638—1639 годах гость В. Усов ходил "в таможенных и кабацких головах и у ямского дела".

В эти годы он отпустил "в сибирские города с товаром для торговли" колмогорца Федота Алексеева сына Попова и устюжанина Луку Васильева сына Сиверова с товаром и деньгами (3500 рублей). Лука Сиверов на ленском волоке заболел и постригся в монахи, а Федот Алексеев Попов со всем имуществом "пошел на великую реку Лену, а с Лены пошел в неведущия земли и вести про него лет с восьми и более не бывало". Читатель уже знаком с судьбой участника исторического плавания из Ледовитого океана в Тихий — Ф. А. Попова. Купец В. Усов обратился в Москву с просьбой о возмещении ему больших убытков. Из Сибирского Приказа последовало распоряжение: как только приказчик Ф. А. Попов выйдет на Лену, "у него животы переписать и перепечатать и дать его на поруки, что ему

¹ Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII веке. — М., 1964. — С. 131—150.

стать на Москве со всеми животами".¹ Денег Василий Усов не дождался, но в истории и памяти потомков остался как купец, на средства которого был осуществлен исторический поход Ф. Попова — С. Дежнева.

В XVII веке, в связи с развитием торговых отношений с Европой и Азией, наблюдается выделение из общей массы населения Поморья особой группы "торговых людей", занятых главным образом скупкой и перепродажей товаров. Помимо представителей высших торговых корпораций (гостей, гостиной и суконной сотен), торговыми людьми числились посадские люди, крестьяне черных и дворцовых слобод, черносошные и частновладельческие. В отличие от промышленных людей, зарабатывающих на жизнь своим личным трудом, торговый человек продавал в Сибири привычные русские и иностранные товары, а также снаряжал за свой счет большие ватаги покрученников.

Среди торговых крестьян особо следует выделить две семьи — Шангиных и Осколковых. Шангины — большая торговая крестьянская семья, проживавшая в Ленской волости (нынешний Ленский район Архангельской области) и разбогатевшая благодаря торговле в Сибири. В 1608 году они населяли две деревни: Гавриловские: в одной жили Иван, Ферафон Шангины "лучшие", а в другой Никон — "средний". Всего в обеих деревнях было двенадцать четей в поле и сенокосу девяносто копен, то есть Шангины были обычной крестьянской семьей Русского Севера. Из царской грамоты 1620 года мы узнаем, что "с Вычегды с Лены Ивашко Шангин с братьею и с племянниками с Першком Тентюковым да с Сидорком Рыбниковым ездят с товарами до сибирских городов". Ездили и неплохо торговали. В 1641 году уже Родион Никонов Шангин поехал из

¹ Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. — М., 1950. — С. 58.

Якутска с девятью покрученниками и в 1643 году повез на Русь десять сороков соболей и другой мягкой рухляди на 468 рублей. В 1662 году в Москве у Ивана Шангина было "взято на государя" тридцать три сороков и два соболя. Богатели понемногу поморские крестьяне.

Еще крупнее были торги Осколковых. В 30-х годах во главе семьи стоял Андрей Амосов Осколков. О размерах торговли, которую вела эта семья, можно судить по таможенным документам: в 1641 году Осколковы вывезли на Русь из Якутска "мягкой рухляди" на 1067 рублей. Занимались Осколковы и ростовщиством, ссужая в Сибири торговых людей значительными денежными суммами. От их имени торговали приказчики. В Маковском остроге у них были свои складочные помещения. По своему богатству эти крестьяне стояли в одном ряду с именитым купечеством XVII века — Босыми, Ревякиными и Федотовыми.¹ 22 сентября 1653 года яренскому воеводе Андрею Павловичу Акинфому поступило распоряжение — выслать в Москву для зачисления в гостиную и суконную сотни торговых крестьян Андрея, Федота, Конона, Осипа и Ивана Амосовых детей Осколковых. Воевода А.П.Акинфов, пытаясь снять с себя ответственность за неявку в столицу Осколковых, пишет: "А тово, государь, мне холопу твоему, в твоей государевой грамоте не написано, что мне их за поруками или за приставом выслать. И будет, государь, они, Андрей з братьями Осколковы, где по твоим, государевым, иным городам или у себя в деревнях заживутца, и мне б, холопу твоему, от тебя в том в опале не быть". Опасения яренского воеводы оказались напрасными — 23 ноября 1653 года Осколковы прибыли в Приказ Большой Казны. В дальнейшем торговая деятельность Осколко-

¹Бахрушин С. В. Торговые крестьяне в XVII веке... — С. 261—262.

вых все же была связана с Сибирью, а не с Москвой. По переписным книгам 1678 года в деревнях погоста Цылибская Гора Яренского уезда значатся крестьяне — дети и внуки братьев Осколковых — Никита и Афанасий, сыновья Андрея, Григорий, сын Конона, и Василий Иванов, внук Конона.¹

В таможенных документах XVII века часто встречаются фамилии торговых людей с Поморья: Семена Шубина, А. Балакшина, К. Рахманова, Дементия Кораблева, Надея Светешникова, Ивана Синицына и многих других.

С. В. Бахрушин, занимаясь изучением истории Сибири, пришел к выводу о том, что львиная доля добытой пушнины проходила через руки крупных торговых людей Великого Устюга и Соли Вычегодской, которые организовывали промышленные экспедиции за Урал.²

Позднее историки А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов на основании новых фактов установили, что в разгар сибирского соболиного промысла на устюжском рынке "главную массу торгующих мехами составляли промышленные люди".³

Выходцы из Поморья проявили себя как умелые предприниматели. Примером тому может служить предпринимательская деятельность Тумашевых, связанная с первыми, очень робкими шагами промышленной эксплуатации горнорудных богатств Урала частным капиталом.

Первые упоминания о Тумашевых относятся к середине 50-х годов XVII века, когда на Урале близ Соли Камской действовал Пыскорский медеплавильный завод, построенный казной. Здесь работал в качестве плавиль-

¹ Устюгов Н. В. Научное наследие... — С. 160—161.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. 1. — С. 198.

³ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). — М., 1960. — С. 279.

щика Александр Иванов Тумашев. Дмитрий Тумашев позднее писал, что медную руду на Григорове горе "отыскал" его отец еще в 1634 году, за что был пожалован "полным жалованием и месячным кормом". После закрытия завода вследствие истощения месторождения медной руды и пожара 1648 года А.И.Тумашев с сыновьями Дмитрием и Иваном не покинули этих мест, а занялись частным предпринимательством, которое закончилось неудачей. В начале 1666 года Дмитрий Тумашев, подводя итог многолетним поискам, вынужден был признать, что "у Соли Камской в уездах руд искали, а обыскать не можем и теперича живем на Пыскоре без промыслу". Оставшись не у дел, братья—плавильщики Тумашевы обратились к правительству с челобитьем о разрешении им перенести поисковые работы за Урал, в Верхотурский уезд. Следует заметить, что этот уезд был выбран ими не случайно. Еще в 1647 году А.И.Тумашев по заданию правительства разведывал там месторождения руд. Именно тогда ему сказал пашенный крестьянин Влас Осипов, что "есть де на Тагиле рудная признака". В январе 1666 года Д. А. Тумашев получил дозволение ехать в Верхотурский уезд, где больше года на свои средства осуществлял разведку месторождений. В декабре 1667 года он явился в Сибирский приказ и подал челобитье о найденных им "признаках" слюды; прося позволить ему ее добычу с обязательством сдавать в казну десятый пуд продукции. Прошение было удовлетворено. Однако его надежды на возможность открыть значительные месторождения слюды не оправдались.

Д.А. Тумашев проявил упорство и в 1668 году обратился к царю с новым челобитьем. Он просил, чтобы, "буде в Сибири, где отыщет железную руду и опыт учинит, и железо будет годно на всякое дело, и ему б в тех местах железо плавить на своих проторях". И это ходатайство было уважено. В челобитной, по-

данной им в марте 1670 года, содержатся сведения о том, что "завод заведен к железному плавнению" и "кузнецы и работные люди наняты и посланы к железному заводу". Постройка завода Тумашевых, несомненно, явилась крупным событием в жизни Зауралья. Что он представлял собой и какую продукцию выпускал? Немногочисленные и отрывочные сведения, содержащиеся в дошедших до нас документах, говорят о том, что завод имел три рудника и выпускал кроме кричного железа небольшое количество расковного, или "битого", более чистого и качественного железа.

Рабочая сила была исключительно наемной. Из документов известно, что в 1671 году И.А.Тумашев нанял в Соли Камской шесть "гулящих людей" из Важского уезда — Григория Варламова "с товарищи" — для работы на заводе. Этот факт подтверждает, что Соль Камская и Поморье были поставщиками рабочей силы для развивающейся горной, промышленности. Больше того, в Поморье уже имелись специалисты горного дела, которые становились опытными мастерами, зарождавшейся металлургической промышленности Урала и Сибири.

Появление же Тумашевых в сфере торгово-промышленной жизни Русского государства XVII века — характерный симптом времени. Их более чем тридцатилетние попытки стать самостоятельными промышленниками-предпринимателями в конечном счете дали свои положительные результаты. Они создали на Урале небольшие металлургические предприятия мануфактурного типа с применением вольного наемного труда, работавшие на рынок.¹

В конце 30-х годов XVII века были разведаны соляные ключи в Енисейском уезде на притоках рек

¹ Преображенский А.А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Русское государство в XVII веке. — М., 1961. — С.110—129.

Ангары и Манзы. В 1640 году уроженцы Великого Устюга, а впоследствии енисейские посадские люди Алексей Тихонов Жилин и Андрей Лаврентьев Свешников построили здесь варницы. В 50-х годах XVII века соляные промыслы братьев Жилиных (Соловаровых) были крупнейшими в Восточной Сибири. В 1641 году А.Т.Жилин выварил две тысячи пудов соли, а спустя четыре года — уже шесть тысяч пудов. Этой соли с избытком хватало на покрытие потребностей всего населения Енисейского уезда.¹

В 60-х годах XVII века братья Жилины на реках Тасеевой и Усолке добывали железную руду, а на Енисее нашли медную руду.²

Разработка медной руды велась на условиях передачи правительству десяти процентов выплавленной меди, то есть одного пуда из каждых десяти. А.Жилин получил из казны субсидию в 500 рублей, а из Соликамска ему в помощь был отправлен опытный медеплавильщик Данила Михайлов. Предприятие работало успешно, пока в 1664 году Д. Михайлов не донес, что А. Жилин обманывает правительство при выплате десятого пуда. Жилин отрицал справедливость этого обвинения.

В это время Жилины активно занимались и черной металлургией. Казацкий офицер из Якутска Федор Охлочков докладывал в Сибирский приказ, что А. Жилин организовал на реке Соленой у Енисейска соляной, слюдяной и железоделательные заводы. Выплавленный им металл прекрасно подходил для производства оружия. Однако Жилин не платил налоги, и Ф. Охлочков и администрация Енисейска обратились к правительству с просьбой о передаче жилинских предприятий государ-

¹ Копылов А. Н. Торговые связи Енисейского рынка в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVII—XIX вв. — Новосибирск, 1965. — Вып. 2. — С. 99.

² Копылов А. Н., Полевой Б. П. Землепроходцы XVII века... — С. 26—27.

ству. К сожалению, мы не располагаем документами о финале этой тяжбы, по всей вероятности, от Жилина потребовали платить обычные налоги.¹ Этот незаурядный предприниматель-металлург занимался и другими горными работами. 30 апреля 1652 года "посадский человек Енисейского острога Алексей Тихонов сын Жилин" подал челобитную воеводе Осипу Аничкову "о прииске слюды вниз по Енисею, и вверх по Енисею, и по Тунгуске, и по Тасееве, и по сторонним речкам, где мочно искать". В челобитной он указывает, что поисками слюды в разных местах Енисейского уезда он занимался с 1647 по 1647 годы, "наймующи кузнецов и работников своими деньгами".

Очевидно, добыча слюды была выгодным предприятием, так как Жилин добился "и впредь приискивать и в иных уездах и в отводных землях, где приищется, копать, беспенно. А пошлину платить в твою государеву казну по тому же: от девяти-десятой косяк".

В то время слюда пользовалась большим спросом и использовалась для окон и фонарей, оформления карет богатых вельмож, для других хозяйственных нужд. В пошлину бралась крупная и средняя слюда, а мелкая использовалась в местном хозяйстве. В XVII веке слюда различалась не только по своей величине, но и по прозрачности: светлую, как стекло, слюду "мусковит" отличали от темно-зеленой, темно-бурой — "биотита". Русская слюда — мусковит — считалась лучшей в мире и стоила очень дорого.

Енисейский воевода получил из Москвы строгое предписание не чинить Жилину никаких препятствий в работе и не привлекать его и связанных с ним людей к исполнению каких-либо повинностей, "что б у него в том

¹ Вернадский Г. В. Московское царство... — Ч. 2. — С. 183—184.

слюдном и медном промыслу и в сыску всяких руд помещки не учинилась".¹

Всего за период с 1660 до 1664 года на слюдяных промыслах Жилина было добыто 308 пудов слюды и в казну из этого количества поступило 37 пудов 15 гривенок.² Следует заметить, что в некоторых документах и работах исследователей указываются как разные люди слюдоискатели Алексей Жилин и Олешка Тиханов, в то время как это одно и то же лицо.

Особый интерес для изучения процесса развития промышленного предпринимательства в Предуралье в XVI—XVII веках представляет исследование В. Г. Геймана, посвященное истории "соляного" промышленного гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде. "Картина жизни Сереговского промысла купцов Панкратьевых; — пишет В. Г. Гейман, — сложилась по крайней мере еще в конце XVI века и была характерна не только для соляных предприятий Панкратьевых, но и других частновладельческих купеческих солеварен Поморья, Приуралья и Сибири".³ Для увеличения добычи соли предприниматели Панкратьевы использовали наиболее передовые технические методы и оборудование. В середине XVII века на солеварню в Ярыжском уезде деревни Серегово Д. Панкратьевым был выписан "трубный мастер" из Тотьмы, в которой готовились лучшие специалисты соляного промысла.⁴

В XVII веке знаменитые купеческие династии вологжан Кобелевых и не менее знатных "именитых людей" Строгановых стали владельцами уральских металлурги-

¹ Скалон В. Н. Русские землепроходцы... — С. 53.

² Новомберский Н. Я., Гольденберг Л. А., Тихомиров В. В. Указ. соч. — С. 15—18.

³ Гейман В. Г. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде XVII века // ЛЗАК. — Л., 1924. — Вып. XXXV. — С. 11—12.

⁴ Устюгов Н. В. Научное наследие... — С. 87.

ческих заводов.¹ Первоначальный капитал они сколотили еще в XVI веке. На побережье Белого моря в Неноксе соль добывалась "на великих местах" в колодцах с рассолом. Здесь находились богатые соляные промыслы купца Федора Кобелева.²

Подводя итоги, следует сказать, что Русский Север выдвинул целую плеяду крупных, средних и мелких купцов и промышленников, которые, как принято сейчас говорить, успешно прошли "стажировку" в Сибири, участвуя в различных торгах и промыслах. Многие из них заняли видное место в гостинной и суконной сотнях, владели крупными торговыми предприятиями в Москве, Ярославле, Архангельске, Вологде, Сольвычегодске и Великом Устюге. Так и хочется обратиться к современным предпринимателям и бизнесменам: где же среди вас Строгановы и Босые, Ушаковы и Усовы? Проснитесь; в ваших жилах течет кровь поморско-сибирских купцов и предпринимателей, обладавших предприимчивостью, умением организовать производство, осмотрительностью в товарно-денежных операциях и бывших в то же время великими меценатами, когда ставился вопрос о развитии исторических и культурных традиций края.

¹ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. — М., 1962. — С. 301, 306.

² ААЭ — Т. I. — С. 363—366; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 231.

АМУР — БАТЮШКА

ВЗАБАЙКАЛЬЕ поморы и служилые люди впервые проникли с севера, с реки Лены. В 1638 году для "проведывания новых земель" по реке Витиму был направлен казак М.Перфильев. От местных жителей эвенков он собрал первые сведения о народе даурах, живущих на реке Шилкар (Шилке), где добываются медная и серебряная руды. От этих рудников пять-шесть дней ходу "до устья реки, а сие устье (река Амур — В.Б.) простирается до моря...", на ней живут "многие даурские пашенные люди". Дауры обменивают серебро и шелковые ткани на соболей у

эвенкийского князька, живущего на реке Карге (Каренге), впадающей в реку Витим. По возвращении из похода М. Перфильев составил карту бассейна реки Витима, которой пользовались до середины XIX века.

Посещали Даурию и другие промышленники, например, Аверкиев, рассказ которого дошел до нас. Он достиг места слияния рек Шилки и Аргуни, где начинается собственно батюшка-Амур. Аверкиев был схвачен местными жителями и допрошен князьками. Судьба была благосклонна к русскому промышленному человеку. Он был отпущен на волю, больше того, его товары: мелкий бисер и наконечники для стрел — были обменены на соболиные шкурки.¹

На рубеже 30—40 годов XVII века началась амурская эпопея, одна из самых замечательных и драматических страниц в истории освоения Восточной Сибири русским народом.

Историк П. В. Шумахер в статье "Первые русские поселения на Сибирском востоке" утверждает, что "о реке Амуре русские впервые слышали от казачьих партий, посланных в 1636 году из Томска на реку Алдан",² Интерес к "хлебной реке" еще более возрос после попытки письменного головы Е. Бахтеярова в 1643 году добраться до нее. Его отряд в полусотню служилых не дошел до реки, но привез новые сведения.³ Вполне вероятно, что отдельные сведения об этих новых "землицах" просачивались и еще раньше, но очевидно, что не смутные слухи, а реальные рассказы М. Перфильева послужили побудительной причиной организации новых экспедиций и начала покорения Приамурья.

¹ Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 281—282, 297.

² Лебедев Д. М. География в России XVII века. — М.; Л., 1949. — С. 56—57.

³ Никитин Н. И. Экспедиция Пояркова на Амур // Вопросы истории. — 1981. — № 9. — С. 180.

В июне 1643 года первый якутский воевода Петр Головин послал в Даурию 133 казака с пушкой под командованием письменного головы устюжанина Василия Даниловича Пояркова. К отряду присоединились полтора десятка "охочих людей", — северян-промышленников. Целью похода был "прииск вновь не ясачных людей", поиски месторождений серебра, меди и свинца, организация их выплавки, а в итоге — присоединение к России обширного Приамурья, открытие нового пути в Даурию. В конце июля экспедиция на шести крупных дощаниках поднялась по реке Алдану и далее по рекам его бассейна — Учур и Гонаму. Речная дорога была нелегкой, казакам приходилось перетаскивать суда чуть ли не через каждый порог. На одном из них экспедицию постигла первая неудача: "С казенного дощеника с кормы сорвало государев свинец... и сыскать его не смогли".¹ К осени первопроходцы, не достигнув водораздела между бассейнами рек Лены и Амура, остановились на зимовку, но сам руководитель экспедиции В. Поярков с девяноста казаками на лыжах двинулся дальше через Становой хребет и дошел до реки Умлекана, левого притока Зеи. Здесь уже начиналась страна "пашенных людей", — Даурия (дауры — монголоязычный народ, населявший в то время среднее и нижнее течение реки Зеи). Возле устья реки Умлекана был поставлен острог. Зимовка оказалась невероятно трудной, начался голод, пятьдесят участников похода погибли. Только 24 мая 1644 года к новому острогу подошли суда оставшейся на зимовке части экспедиции. В отряде В. Пояркова осталось всего семьдесят человек, тем не менее он решил двигаться дальше. В июне первопроходцы достигли реки Амура и ниже реки Зеи срубили новый острог. Отправленный на разведку по Амуру отряд был перебит местными жителями. В. Поярков с оставшимися пятьюдесятью ка-

¹ ДАИ. — Т. III. — СПб., 1848. — С. 50—61.

заками решил продолжить путь. От устья реки Сунгари начинались земли пашенных дючеров (тунгусоязычного народа, близкого к даурам). Медленно продвигаясь, казаки добрались до устья реки Уссури, названной ими Верхним Амуром (позднее, в 1858 году, здесь был основан г. Хабаровск). Через несколько дней состоялись встречи с ачанами и нанайцами, которые жили в шалашах и юртах, занимаясь в основном рыбным промыслом. С большими трудностями отряд достиг устья реки Амура, и в стране гиляков В. Поярков остался на вторую зимовку.¹ Следует заметить, что ему удалось разведать месторождения свинца, меди и серебра в районе реки Зеи, которые явились базой для основания рудников и заводов в XVIII веке.²

Наблюдательный землепроходец одним из первых описал охоту коренного населения Амура: "добывают... те собаки так же как и иные Сибирские и ленские иноземцы, стреляют из луков, а иного промыслу, как промышленяют русские люди, с обметы (сети — В. Б.) и с кулемником (ловушки — В. Б.); соболей не добывают".³

В ноябре 1645 года спутники В. Д. Пояркова рассказывали в Якутске о рыбных богатствах Даурского края, о том, что в устье Амура есть не только красная рыба, но "и осетр и колушка большая и малая и сазан и стерляди и сом и севрюга".⁴

Первопроходцы собрали сведения об острове Сахалин, богатом пушниной, выяснили, что из устья Амура можно попасть в южные моря: "Так впервые было получено представление о существовании про-

¹ Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — Т. II. — С. 298—299.

² Новомбергский Н. Я., Гольденберг Л. А., Тихомиров В. В. Указ. соч. — С. 10.

³ ДАИ. — Т. III. — С. 50—57.

⁴ История Сибири... — Т. 2. — С. 156.

лива (Татарского — В.Б.), отделяющего Сахалин от материка."¹

В конце мая 1645 года В.Поярков со своими сподвижниками вышел в Амурский лиман и совершил на лодках-дощаниках трёхмесячное плавание вдоль берега Сахалинского залива, а затем вышел в Охотское море. Здесь казаки обложили местное население — эвенков — ясаком и остались на третью зимовку. Только ранней весной 1646 года В.Поярков и его спутники на нартах вышли к реке Мае, а затем по рекам Алдану и Лене прибыли в северную сибирскую столицу Якутск. Итоги экспедиции были впечатляющими: было пройдено около восьми тысяч километров, открыты реки Учур, Гонам, Зея, Амурско-Зейское плато, Зейско-Буреинская равнина, вторично (вслед за И.Москвитиным) открыт Амурский лиман, Сахалинский залив и собраны важные сведения об острове Сахалин. Герой Даурского похода В. Поярков настойчиво убеждал якутских воевод в целесообразности присоединения амурской страны к Руси. Он писал об этих землях так: "Там в походы ходить и пашенных хлебных сидячих людей под царскую... руку привести можно, и ясак с них собирать, — в том государю будет многия прибыль, потому что те землицы людны, и хлебны, и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родитца много, и те реки рыбны..."²

Три долгих года находился в экспедиции отряд В.Пояркова. Сто тридцать два человека вышли из ворот Якутского острога, и только тридцать казаков вернулись домой. Дорогой ценой было оплачено одно из самых выдающихся географических открытий XVII века.

Горячий и подвижный Поярков обладал неукротимой энергией, решительностью и личной отвагой, имел от-

¹ Полевой Б. П. К истории открытия Татарского пролива // Страны и народы Востока. — М., 1968. — Вып. 6. — С. 56.

² Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — С. 300.

личную память, проявлял высокую требовательность к окружающим его людям (которая порой перерастала в излишнюю высокомерность), демонстрировал умение ориентироваться в любой обстановке. В Якутске его осудили за самоуправство и напрасную гибель большого числа участников похода. В январе 1648 года он вынужден был навсегда покинуть великую реку Лену. Впоследствии он служил в Тобольске казачьим головой, участвовал в различных "посылках", или, как сейчас говорят, в командировках, в Соликамск, родной Великий Устюг и Вологду. Последние годы жизни В. Д. Поярков служил приказным Киргинской слободы на Урале.¹

У читателя может вызвать интерес происхождение названия реки Амура. Многие историки и географы Сибири и Дальнего Востока считают, что в основе топонима "Амур" лежит нанайское название реки Уссури и нижнего Амура — "Мангбу". В 1962 году в докладе на Втором совещании географов Сибири и Дальнего Востока, проходившем во Владивостоке, известный исследователь этой проблемы Б. П. Полевой представил материалы о том, что нанайское название "Мангбу" сперва превратилось у тугуро-амгуньских эвенков в "Мамур", а затем в форме "Омур-Амур" дошло через охотских эвенков до участников похода И. Ю. Москвитина.²

В последней четверти XVII века в России стало распространяться во многих списках "Сказание о великой реке Амуре". Это сочинение было опубликовано и получило известность и за границей. Исследователи Дальнего Востока уже давно обратили внимание на то, что это произведение включено в виде последней главы в

¹ Полевой Б. П. Новое об амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646 гг.) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). — Новосибирск, 1973. — С. 124.

² Полевой Б. П. Амур — "слово московское" // Дальний Восток. — 1972. — № 1. — С. 140—141.

знаменитое сочинение Н. Г. Спафария "Описание первой части Вселенной, именуемой Азией...". Особое значение "Сказание" имеет как географическое сочинение. Оно, бесспорно, является самым ранним из дошедших до нас русских описаний всей амурской водной системы. В нем немало достоверных географических подробностей. Однако Н. Г. Спафарий и его спутники никогда не бывали на Амуре. Они записывали сведения, полученные от участников самых различных походов на Амур, от морского плавания И. Ю. Москвитина летом 1640 года в район устья Амура доходивших на Верхнюю Зею амурских казаков, восстановивших в 1665—1666 годах Албазинский острог. Наиболее широко в этом сочинении использованы сообщения В. Д. Пояркова и его спутников — участников самого первого русского похода по Амуру в 1643—1645 годах.¹

Дело, начатое Поярковым, продолжил Ерофей Павлович Хабаров по прозвищу Святитский. Сибирский воевода Д. Н. Францбеков, у которого Хабаров испросил разрешения на новую экспедицию в Даурию, выдал в кредит военное снаряжение, в том числе несколько пушек, а из личных средств — деньги для участников похода. В отряд записалось около семидесяти казаков, включая и якутских промышленников.

С географической точки зрения важно то, что Хабаров отправился на Амур-батюшку иным путем, чем Поярков. Землепроходцы пробивались к манившим их "землицам" великой реки разными направлениями, переходили различные волоки и горные хребты, способствуя тем самым всестороннему изучению юго-восточной части Сибири. Сибирский историк И. Е. Фишер писал, что "россияне

¹ Полевой Б. П. Новое о происхождении "Сказания о великой реке Амуре" // Рукописное наследие Древней Руси. — Л., 1972. — С. 274—276; Он же. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645) // Известия Всесоюзного географического общества. — М., 1958. — Вып. 6. — С. 349.

ходили тремя дорогами на Амур".¹ Первый путь проходил рекою Селенгою до Хилока, оттуда к озеру Ингену и далее через Яблоневый хребет на реки Ингоду и Амур. Второй — Алданом и некоторыми поблизости текущими реками вверх через хребет, отделяющий Лену от Амура и российские владения от китайских, а оттуда рекою Зеей на Амур.

Последнее направление — реками Олекмою и Тугиром — было избрано "Ярко Павловым сыном Хабаровым", которого как "старого опытовщика" якутский воевода Д. А. Францбеков послал "на князя Лавкая, да на Батогу" "призывать ласкою под... государеву царскую, высокую руку".²

Весной 1648 года Хабаров с отрядом добрался до рек Зеи и Амура и проник во владения князя Лавкая, всюду встречая покинутые города и селения.

Наказ якутского воеводы предписывал Е. Хабарову действовать разумно и осмотрительно, местное население в русское подданство "призывать не боем, а ласкою" и оружие применять только в крайнем случае. Хабаров старался выполнять этот наказ. Но по-разному встречали русских местные аборигены. Удавалось договориться сзейскими эвенками и даурами, с князем Гантимуром, улусы которого кочевали в восточном Забайкалье. Другие народы оказывали сопротивление. Хабаров и его дружина предприняли несколько походов по Амуру, подчиняя даурских и дючерских князей "государевой власти".

Таким образом, примерно через четыре года после Пояркова русские суда снова появились на Амуре. Оставив часть отряда, Е. Хабаров вернулся в Якутск с чертежом Даурской земли и отчетом о походе. Этот

¹ Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири. — С. 584.

² ДАИ. — Т. III. — С. 258.

чертеж стал одним из основных источников при создании карт Сибири в 1667 и 1672 годах.¹

Осенью 1650 года Е.Хабаров с отрядом в сто шестьдесят человек снова вернулся на Амур. Своих сподвижников-казаков он встретил у укрепленного даурского городка, который местные жители покинули, увидев крупные силы русских. Е. Хабаров на месте даурского городка основал острог, превращенный впоследствии в город Албазин, названный так по имени местного князя Албазы. Позднее русским пришлось выдержать много кровопролитных битв с маньчжурами за право владеть этим городом.

Для понимания сложившейся в то время в Приамурье ситуации читатель должен получить дополнительную информацию. Маньчжурами, также являвшимися претендентами на обладание Даурской Землей, с 1636 года стали именовать себя племена нжурчженей, которые объединились под руководством Нурхаца и создали государство Цин. В течение нескольких лет маньчжуры успешно отражали натиск китайских войск, а в 1644 году, воспользовавшись гражданской войной в Китае, свергли династию Мин, захватили Пекин и начали завоевывать весь Китай. Маньчжуры стремились подчинить своему господству не только Китай, но и соседние народы. В марте 1653 года двухтысячное маньчжурское войско осадило русский Ачанский острог. В ожесточенном бою 170 казаков нанесли сокрушительный удар претендентам на амурские земли. Не надеясь изгнать русских силой оружия, маньчжуры решили их вытеснить из Даурии голодом. В 1653—1654 годах их войска вторглись в Приамурье и силой принудили дауров и дючеров покинуть родные места и переселиться вглубь Маньчжурии. Разрушив земледельческое и скотовод-

¹ Лебедев Д. М. География в России XVII века. — М.; Л., 1949. — С. 58.

ческое хозяйство местных племен, они поставили русских казаков в трудное положение. Но только на первое время. Сотни северных и других русских крестьян и ремесленников по уже проторенной дороге устремились на Амур-батюшку. В 1655 году из Москвы даже последовал указ, запрещающий самовольные "побеги" на Амур. К тому времени в "Даурской земле" обосновалось не менее полутора тысяч русских переселенцев, в основном пашенных северных крестьян, со скотом и инвентарем.

В 1684 году огромное маньчжурское войско подошло к стенам Албазинского острога. Героическая оборона этой крепости была кульминационным моментом амурской эпопеи XVII века, память о которой навечно сохранилась среди населения Сибири. В августе 1689 года начались мирные переговоры в Нерчинске. Маньчжурские послы потребовали, чтобы русская граница была определена у Байкала и притоков Лены. Русское посольство Федора Головина решительно отвергло это домогательство. 27 августа 1689 года договор был подписан. Россия лишилась части Приамурья, на которую имела бесспорное право. Это была вынужденная уступка маньчжурам. Забайкалье осталось владением России. Более полутора столетий левобережье Амура фактически оставалось "ничейной" землей.¹ По Нерчинскому договору было также принято решение уничтожить город-крепость Албазин, что и сделали маньчжуры после оставления его русскими.²

...В Албазине Е. Хабаров построил небольшую флотилию и организовал речные походы по Амуру. Во все концы обширной Даурской земли рассылались гонцы, убеждая соседних князьков добровольно подчиниться

¹ Амурская область. Природа, экономика, культура, история. — Хабаровск. — С. 370—377.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень... — С. 77.

русскому царю и платить ясак. Жестоко подавляя их сопротивление, в августе ниже устья реки Зеи Е. Хабаров сжег даурскую крепость и продолжил путь вниз по Амуру.

От устья реки Буреи начинались земли, заселенные гогулями (народом, родственным маньчжурам), которые не могли противостоятъ казакам. Слабое сопротивление оказали русским и пашенные дючеры. В конце сентября вооруженная экспедиция достигла земли нанайцев. 8 октября нанайцы, объединившись с дючерами, напали на русский отряд, но потерпели полное поражение, потеряв только убитыми свыше ста человек. Оставшись на зимовку в Ачанском острожке, русские совершали набеги на близлежащие земли и собирали ясак.

В марте 1652 года хабаровчане разбили большой маньчжурский отряд в тысячу человек, попытавшийся взять острожек приступом. Однако Е. Хабаров понимал, что с таким малочисленным отрядом будет трудно овладеть этой страной. Он продолжил свое плавание по Амуру, грабя и убивая дауров, дючеров и нанайцев. В отряде Хабарова произошло волнение, которое он жестоко подавил. В августе 1652 года Ерофей Хабаров послал якутскому воеводе Д. А. Франсбекову отписку, в которой содержались важные сведения о Никанской земле. В ней были такие слова: "Да в той же земле Никанской в нашей родитца золото и серебро, и жемчуг в раковинах находят в реке и камень дорогое."¹ Особый интерес представляют данные о жемчуге; опытному поморскому землепроходцу были известны жемчужные ловы в бассейне Северной Двины, и он знал цену древнейшему русскому украшению.

Вторую зимовку отряд провел в Гиляцкой земле, а весной 1653 года снова вернулся в Даурию, к устью реки Зеи. Летом его люди плавали вверх и вниз по

¹ ДАИ. — М., 1848. — Т. III. — С. 367.

Амуру, собирая ясак. Весь левый берег Амура-батюшки опустел: по приказу маньчжурских властей все его жители перешли на правый берег.

В августе 1653 года в отряд прибыл царский посланец из Москвы. Он привез награды всем участникам похода, в том числе и Е. Хабарову, но в то же время отстранил его от руководства. Когда герой Даурской эпопеи начал возражать, его избили и в кандалах доставили в Москву. В златоглавой столице завоевателю Амурской земли вернули все его личное имущество, царь пожаловал его в "дети боярские", дал в "кормление" несколько деревень в Восточной Сибири, но не разрешил вернуться на Амур-батюшку.¹

Думаю, что читателю будет интересно побольше узнать о жизни покорителя Даурской земли, именем которого назван крупный город в Приамурье — Хабаровск.

По своему происхождению Ерофей Хабаров был крестьянином Воложёнской волости Устюжского уезда. Историк Н. Е. Носов упоминает земского целовальника земель у Черной горы Пинежского волока Павла Федоровича сына Хабарова. Он считает этого двинского выходца прародичем знаменитого сибирского землепроходца.² В XVII веке Устюг Великий занимал выгодное географическое положение, через него проходили все пути сообщения Московского государства с Архангельском и Сибирью. "Встречь солнца" ежегодно уходили из Поморья сотни и тысячи промышленников и торговых людей в расчёте на выгодную торговлю с местными жителями и на богатый пушной промысел. В 1628 году Ерофей Хабаров вместе с братом Никифором исходил все низовье реки Енисея, бывал и в "златокипящей

¹ Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — Т. II. — С. 302—303.

² Носов Н. Е. Указ. соч. — С. 316.

государевой вотчине" — Мангазее. На далекой реке Пясине служил целовальником при ясачных сборщиках. Его брат Микифор Павлов "крутил" на Енисейском волоку шестерых казанских татар, с которыми он и Ерофей, по словам их недоброжелателей, "промыслом добыли 8 сороков" соболя.¹

Когда была открыта река Лена, Ерофей Хабаров с братом Никифором и племянником Артемом Петриловским оказался в этих местах. "Жил я холоп твой, — писал он в одной из своих челобитных царю, — в твоей царской вотчине в сибирской уkraine на великой реке Лене с 140 года...".²

В 1639 году он совершил поездку в Енисейский острог и подал челобитную воеводе Никифору Вереvкинy с просьбой разрешить "проведасть на великой реке Лене каков хлеб родится и какова соль и варничное строенье". В 1639 году на устье реки Куты Ерофей Хабаров расчистил значительную площадь земли, построил мельницу и завел соляную варницу. Уже к 1641 году у него имелось 26 десятин пахотной земли.³ Он бил челом властям о разрешении ему завести пашню на новом месте, на устье реки Киренги, причем отказывался от обычной в таких случаях правительственной субсидии. Упорный устюжанин действовал по северному правилу: "Взялся за гуж, не говори, что не дюж". Хозяйство Хабарова вел в широком масштабе, обрабатывал заимку силами наемных работников, имел лошадей, на которых пахал. У него был приказчик Михаил Пивов, который строил мельницу и нанимал работников. Хабаров скоро

¹ Бахрушин С. В. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке // Исторические записки. — 1941. — Т. 10. — С. 168.

² Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров — зачинатель земледелия на Лене // Ученые записки Якутского госпединститута. — Якутск, 1955. — Вып. IV. — С. 78—79.

³ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 213.

сделался одним из самых крупных хлеботорговцев в Якутском уезде. В 1641 году он в Олекминском остроге дал займы торговому человеку Ивану Сверчкову 600 пудов муки, а в следующем году продал в Якутском остроге 300 пудов. Якутский воевода П.П. Головин взял у него на "государев обиход" ни много ни мало — 3 тысячи пудов хлеба.¹

Любопытно отметить, что Е.П. Хабаров только спустя двадцать лет службы на Лене просил местные власти отпустить к нему из Устьюга жену Василису, дочь Наталью с внуком и племянницей.²

Таким образом, поморский крестьянин стал пионером сибирского земледелия. Он был знатоком в деле прииска пригодных для земледелия земель, а в документах отмечался как "старый опытовщик, один из первых приискавший такие земли на великой реке Лене". Вскоре на берегах Лены стали появляться крестьянские деревни, окруженные пашнями. Помимо хлебопашества и варки соли Хабаров в порядке предпринимательского найма занимался извозом казенных грузов лошадьми через Ленский волок в Якутский острог.³

Однако благополучие поморского крестьянина и предпринимателя продолжалось недолго. Весной 1641 года якутские воеводы Петр Головин и Матвей Глебов "предложили" Ерофею Хабарову сменить место жительства. Его частное солеваренное хозяйство было обращено в казенное, а на его пашню были "посажены" якутские служилые люди, сдававшие весь урожай в казенную житницу. Позднее Ерофей Хабаров горько жаловался

¹ Бахрушин С. В. Военно-промышленные экспедиции... — С. 169.

² Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — С. 126; Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 164.

³ ДАИ. — М., 1843. — Т. I. — С. 252; Шунков В. И. Указ. соч. — С. 260—261.

в Москву: "А опричь меня, сироты твоего, ни кто заводу пашенново и варнишново не заваживали, а я, сирота твой, в том пашенном заводе от воеводы от Петра Головина налога разорился и одолжал великими долги."¹

После Даурского похода Е.Хабаров вторично появился на Лене. На этот раз, уже имея чин сына боярского, он работал приказчиком крестьянских слобод, но эта сторона его деятельности совершенно не отразилась в дошедших до нас архивных документах. Есть только известие о том, что умер Е.Хабаров здесь, на реке Лене. От него остался сын "Андрей Ярафеев сын Хабаров", который в 1690—1694 годах, в чине сына боярского служил в Илимском уезде, а в 1696 году — в Илимской посадской общине.²

Расскажем читателю и об амурской одиссее казака Бекетова. В июне 1652 года енисейский воевода А.Пашков для установления русской власти в Забайкалье направил туда сто казаков во главе с сотником Петром Ивановичем Бекетовым. По рекам Енисею и Ангаре отряд поднялся к Братскому острогу. Оттуда по истокам реки Хилок, притоку Селенги, Бекетов направил передовую группу под командованием Ивана Максимова с проводником Яковом Софоновым на разведку, а сам остался на зимовку южнее реки Селенги. В июне 1653 года казаки продолжили свой путь к истокам Хилка, где был срублен острог. Результатом этой экспедиции стала первая схематическая карта гидрографической сети Забайкалья. Но Бекетов торопился проникнуть как можно дальше на восток. В мае 1654 года, когда река Ингода освободилась ото льда, он спустился по ней и вышел на реку Шилку, а по ней до слияния с рекой Ононом. П.Бекетов первым из русских землепроходцев вышел из Забайкалья на Амур. Здесь состоялась встреча

¹ Сафонов Ф. Г. Указ, соч. — С. 80—81.

² Там же. — С. 84—86.

с казаками Онуфрия Степанова, назначенного вместо Е. Хабарова. Объединенный русский отряд зимовал в Камарском остроге, поставленном еще Хабаровым в 250 километрах выше устья реки Зеи.

В конце марта 1655 года десятитысячный отряд маньчжур окружил острог, но после смелой вылазки казаков осада была снята.

С группой казаков О. Степанов отправил собранный яsak вверх по Амуру в Забайкалье. В мае казаки впервые обследовали реку Аргунь, правую составляющую Амура-батюшки. Спустя несколько лет река Аргунь стала торговым путем из Забайкалья в центры Восточного Китая.

Объединенные силы русских казаков спустились к устью Амура, где в земле гиляков срубили новый острог и остались на вторую зимовку.

А в это время енисейский воевода А. Пашков, на основании донесения П. Бекетова, предложил московскому правительству грандиозный план освоения амурского региона. В 1654—1655 годах этот план обсуждался в Москве и был принят. Однако его немедленному осуществлению помешала война России с Польшей. Афанасию Пашкову было предложено возглавить этот поход с использованием местных сибирских сил.

В июле 1656 года бывший воевода и руководитель государственной экспедиции в Даурию А. Пашков выступил из Енисейска с шестью сотнями человек, из них добрая половина состояла из промышленников и гулящих людей.

Примечательно, что в этом походе участвовал будущий глава старообрядцев протопоп Аввакум, назначенный священником этой экспедиции. Позднее, в своей автобиографии, Аввакум подробно и живо расскажет о своих постоянных стычках с А. Пашковым, о лишениях, которые терпела его семья во время экспедиции. В то же время Аввакум ярко и образно описывает природу

Даурии, рассказывает об обстоятельствах похода, так что эта часть его "Жития" является важным историческим документом.¹

Пашков со своими казаками провел первую зимовку на реке Ангаре в Братске. Летом следующего года он достиг Иргенска на реке Шилке, а весной 1658 года прошел вниз по Шилке к устью реки Нерчи, где основал крепость Нерчинск. Здесь боеприпасы и продовольствие отряда почти закончились, и он послал своих разведчиков на поиски другого русского отряда, который возглавлял Онуфрий Степанов.

В конце весны 1656 года О. Степанов с основной частью отряда прошел по Амуру к устью реки Уссури и обследовал ее крупнейшие притоки — Хор, Бикин и Иман. Летом 1658 года в "водяном бое" на "усть Шингала (Сунгари — В. Б.) реки" О. Степанов героически погиб в схватке с маньчжурами, погибли или были взяты в плен двести семьдесят его товарищей-казаков.²

Получив печальные известия, А. Пашков оставил небольшой гарнизон в Нерчинске, а свою главную ставку перенес в Иргенск. В мае 1662 года его преемник Иларион Толбузин взял на себя командование поредевшим отрядом; в котором числилось около семидесяти пяти человек. А. Пашков возвратился в Енисейск, а затем в Москву, где скончался в 1664 году. Главным достижением А. Пашкова было основание Нерчинска, которому было суждено стать важной русской твердыней в Забайкалье.³

В августе 1656 года П. Бекетов со своими казаками и собранным ясаком двинулся вверх по Амуру и через Нерчинск вернулся в Енисейск. Он первым проследил весь Амур-батюшку от слияния реки Шилки и Аргуни

¹ Житие протопопа Аввакума. — М., 1960. — С. 72.

² Полевой Б. П. Новое о происхождении "Сказания..." — С. 275—276.

³ Вернадский Г. В. Московское царство... — Ч. 2. — С. 64—66.

до устья и обратно. Путь только до устья составил 2824 километра! Так успешно закончилась одиссея Петра Ивановича Бекетова.¹

В заключение сообщим читателю, что енисейский сын боярский (мелкий землевладелец) Петр Бекетов по праву считается виднейшим сибирским "градоначатцем": он основал Якутский (1632 г.), Рыбинский (1628 г.) и Олекминский (1635 г.) острожки, перенес на новое место Братск (1651 г.). Некоторые исследователи считают его основателем Нерчинска и Читы.²

С этого времени амурские земли стали активно заселяться русскими людьми. Примечательна в этой связи судьба выходцев из Поморья Алексея и Глеба Харитоновых, которые в 1690 году "сошли из Енисейска без отпуску, покиня дома свои и посадское тягло... в Даурские остроги". Они объявили себя гулящими людьми и попали на службу, которую успешно совмещали с кузнечным делом.³

Подведем некоторые итоги. С освоением русскими Амура новая область на севере Азии, вошедшая в состав Московского государства под общим названием Сибири, почти достигла своих естественных пределов. С этого времени молодое Русское государство стало по праву называться евразийским. Взглянув на географическую карту России, мы увидим, что почти половина ее территории приходится на долю Восточной Сибири и Дальнего Востока. Каким упорством и какой могучей волей были наделены наши предки и земляки, которые при жизни одного поколения не только прошли эти необозримые пространства, но и приступили к освоению всего Приамурья!

¹ Магидович И. П., Магидович В. И. Указ. соч. — С. 303—304.

² Копылов А. Н., Полевой Б. П. Землепроходцы XVII века... — С. 23.

³ Леонтьева Г. А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII — начале XVIII в. // Города Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 79.

У ИСТОКОВ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА

ИМОЙ 1639—1640 года в устье реки Ульи землепроходец Иван Юрьевич Москвитин со своими спутниками-поморами построил два судна. Так, благодаря грандиозному движению поморов "встречь солнца", было положено начало созданию русского Тихоокеанского флота. О том, как достигли поморы самых отдаленных районов Северо-Восточной Азии, пойдет речь в этой главе.

В 30-х годах XVII столетия поморы и служилые люди двигались из Якутска в поисках "новых земель" все дальше на восток. Многие из них считали, что

где-то там, на краю земли, простирается Теплое море. Кратчайший путь через горы от Якутска к Тихому океану нашла группа казаков из отряда томского атамана Дмитрия Епифановича Копылова. В 1638 году первопроходцы спустились по Лене до Алдана и пять недель на шестах и с бечевой поднимались по этой реке. 28 июля на Алдане Д. Е. Копылов поставил Бутальский острожек. В 1989 году было установлено, что этот острожек находился в 265 километрах выше устья Май, в устье реки Янды, напротив современного селения Кутина. Здесь землепроходец получил первые известия о реке "Чиркол", или "Шилкор", на которой живет многочисленное население, занимающееся животноводством и хлебопашеством. Речь, несомненно, шла о реке Амуре, которая выходит к "морю-океану". В мае 1639 года на разведку была направлена группа в составе тридцати человек, возглавил ее томский казак Иван Юрьевич Москвитин...

3. Восемь дней землепроходцы спускались по Алдану до устья реки Май. В недавно найденной в архивах отписке Москвитина "Роспись рекам..." перечислены все крупные притоки Май, включая Юдому. Последней упоминается "река подволошная Нюдма (Нюдыми — В. Б.)... и с тое реки переходят на ламские воды...". В августе 1639 года Москвитин и его спутники впервые вышли в Ламское (Охотское) море. Весь путь от устья реки Май до "моря-окияна" отряд прошел с остановками за два с лишним месяца.¹ Так русские землепроходцы достигли северо-западной части Тихого океана — Охотского моря, места, откуда видно, где "рождается солнце".

Обосновавшись в устье реки Ульи, И. Ю. Москвитин исследовал побережье к северу и к югу от реки. Построив зимою два морских коча "по осьми сажен" (около 17

¹ Магидович И.П., Магидович В.И. Указ. соч. — С.284—285.

метров) длиною, москвитинцы отправились на юг. Именно тогда русские и совершили первые открытия тихоокеанских островов. Сперва они обнаружили маленький островок Нансикан, а позже — Шантарские острова и так называемые "острова Гилятцкой орды", которые находились в непосредственной близости от устья Амура. Это были небольшие острова Удди, Лингр, а также Большой Гиляцкий остров, который век спустя стал называться Сахалином. Российские ученые считают, что москвитинцы действительно открыли остров Сахалин в 1640 году, — на три года раньше, чем голландский мореплаватель М. Г. Фрис (1643 г.).¹ Два года провел отряд Москвитина на побережье Охотского моря, собирая ясак с населения и занимаясь промыслом пушнины. В отряде находился уроженец Поморья, якутский казак Нехорошко Иванович Колобов, который в январе 1646 года представил "скаску" о своей нелегкой службе: "Да они ж де ис того ж острожку ходили морем на Охоту реку трои сутки, а от Охоты до Ураку одне сутки... а жили де они на тех реках и с проходом два года".²

Русских землепроходцев поразили природные богатства Охотского побережья. В "скаске" казаков есть такие слова: "...только невод запустить и с рыбою никак не выволочь. А река быстрая, и ту рыбу в той реки быстредью убивает и выметывает на берег, и по берегу ее лежит много, что дров, и ту лежачую рыбу ест зверь".³ Этот важнейший документ вместе с другими материалами экспедиции Ивана Москвитина лег в основу "Росписи рекам и племенам людей", являющейся первым географическим и этнографическим описанием Охотского

¹ Полевой Б. П. Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997. — С. 4—5.

² Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах... — С. 51.

³ Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке // Известия Всесоюзного географического общества. — 1958. — Т. 90. — № 5. — С. 446—448.

побережья. Эта "ропись" опубликована исследователем Н. Н. Степановым.¹

М. И. Белов упоминает, что уже во время этого исторического похода русскими землепроходцами был поставлен на реке Охоте первый острожек, который вскоре был разрушен.²

Не менее важным в истории исследования Охотского моря является выход на его побережье одновременно с отрядом Ивана Москвитина, но с другого направления казака Андрея Горелого. Участвуя в походе пинежанина Михаила Стадухина, Андрей Горелый был послан им в 1642 году от зимовья на реке Оймякон с "товарищи, с служилыми людьми, которые тут наперед их были, с осьмьюнацатью человеки да с ним же якутов человек з дватцать коньми через горы на Охоту реку на вершину..."³

Казаки Горелый благополучно и очень быстро, несмотря на огромные сложности, добрался до реки Охоты. Путь Горелого был гораздо труднее похода Москвитина к морю, так как он лежал все время в горах и совершался не в стругах, а "коньми". Большую помощь в этом походе оказали якуты. Эти безвестные люди были проводниками, отличными стрелками и охотниками, они, как и другие местные жители, внесли особый вклад в открытие "новых земель".

Так река Охота была открыта с двух направлений, и одновременно из двух источников: якутские, а затем и московские власти узнали о существовании этой богатой реки и о том, что она впадает в большое Ламское (Охотское) море.

¹ Известия Всесоюзного географического общества (далее — ВГО). — 1943. — Т. 75. — Вып. 11.

² Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах на Камчатку // Летопись Севера. — М., 1957. — Т. 11. — С. 93.

³ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах... — С. 55.

В 1646 году из Якутска вышел отряд казачьего десятника С.А.Шелковника и направился к Охотскому морю по уже проторенным дорогам, ранее пройденным И.Москвитиним и А.Горелым. В устье реки Охоты в том же году было построено первое русское зимовье. Летом 1648 года С.Шелковник послал на кочах вдоль морского побережья двадцать шесть человек во главе с Алексеем Филипповым. Условия жизни оставшегося отряда из-за недостатка продовольствия и сложных взаимоотношений с местным населением были чрезвычайно тяжелыми. В 1649 году рядом с зимовьем построили острог.¹ Так зародился Охотск, колыбель русского Тихоокеанского флота. Самому С.А.Шелковнику не пришлось увидеть окончательных результатов своего труда, незадолго до завершения строительства острога он умер.

Особо следует отметить морской поход Алексея Филиппова и его спутников, уроженцев Поморья: Ермила Васильева, Федора Яковлева, Ивана Савина, Андрея Иванова и других. Это была первая морская экспедиция, совершенная из Охотского острога вдоль северного побережья Охотского моря. Поморские кочи сумели противостать бурному Охотскому морю и с честью выдержали суровое испытание.

Наблюдательный Алексей Филиппов, северянин по происхождению, сибиряк по месту жительства, оставил интересные записи о местах, посещенных им во время плавания. Эти записи, напоминающие поморские лоции, фактически являются первой своеобразной картой-лоцией северо-западного побережья Охотского моря, дошедшей до нас. Полное название их таково: "Роспись от Охоты реки морем итти подле земли до Ини и до Мотыклея реки и каковы где места, и сколько, где ходу, и где

1. Лебедев Д. М., Есаков В. А.: Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. — М., 1971. — С. 108.

каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь морж ложится и на которых островах".¹

Что касается происхождения названия реки Охоты, то можно предполагать, что оно произошло от эвенкийского слова "ахоть" — большая. Русские землепроходцы, придя на берега этой реки, называли ее Охотой и по созвучию, и вкладывая в это название смысл русского слова "охота", имея в виду приискание новых земель, добычу пушнины и деликатесной рыбы. Некоторые современные исследователи производят слово "Охота" от эвенкийского "охат", что означает "река".²

Важные открытия на Охотском море сделал и пинежанин Михаил Стадухин. В 1651 году он по суше пришел с Анадыря на Пенжину и оттуда в течение двух летних навигаций плыл по "неведомой" северной части Охотского моря до Тауйской губы.³ 27 июня (7 июля) 1657 года вблизи устья реки Ини произошла встреча охотских казаков с отрядом Стадухина. Так впервые сомкнулись два главных потока землепроходцев; шедших с севера через Колыму-Анадырь и с запада — через Алдан и Охоту.⁴

В 1713 году сибирский губернатор М. П. Гагарин получил указ царя Петра I об отыскании морского пути на Камчатку. Молодой царь-реформатор к этому времени уже трижды побывал в Архангельске и знал не понаслышке о поморском судостроении и полярных мореходах. Поэтому Петр I рекомендовал послать в Охотск специалистов из Поморья. На Дальний Восток по рас-

Забелин, И. М., Забелина Т. М. 300-летие первой лоции северо-западного побережья Охотского моря // Известия ВГО. — М., 1951. — № 2. — С. 196—198.

² Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958. — С. 16, 22.

³ ДАИ. — М., 1851. — Т. IV. — С. 120—121.

⁴ Копылов А. Н., Полевой Б. П. Землепроходцы XVII века... — С. 22—23.

поряжению сибирского губернатора были направлены поморские мореходы Кондратий Мошков, Никифор Треска, Иван Бутин, Яков Невейцын, плотники-кораблестроители Кирилл Плоских, Варфоломей Федоров, Иван Каргопол и другие. Возглавил экспедицию якутский казак Козьма Соколов, которому была вручена наказная память: "у Ламского моря... построить теми присланными плотниками морские суда... с теми мореходы и с плотники и с служилыми людьми идти через Ламское море на Камчатский Нос без всякого одержания".¹ В 75 верстах вверх по течению реки Кухтуя было создано плотбище (верфь), где закипела работа. Постройкой судна руководил Кирилл Плоских с помощниками Иваном Каргополом и Варфоломеем Федоровым. В мае 1716 года судно было спущено на воду. Как отмечал Г. Ф. Миллер, корабль был построен "наподобие русских лодей, на которых прежде сего из Архангельского города ходили в Мезень, в Пустоозерской острог и на Новую Землю". Длина судна составляла 8,5 сажень, ширина — 3 сажени, осадка с грузом — 3,5 фута.² Это было первое морское судно, созданное архангельскими мастерами на берегах Тихого океана. Лодья получила название "Восток", что вполне соответствовало ее назначению. Таким образом Охотский острог стал преемником северного плотницкого искусства и судостроительства и родиной отечественного судостроения на Дальнем Востоке. К июню 1716 года экспедиция на лодье "Восток" была готова отправиться в ответственный поход. Руководителем экспедиции шел казак Козьма Соколов, штурманом — помор Никифор Моисеев Треска. В состав команды входили опытные северные мореходы Яков Власов Невейцын и Варфоломей Федоров и двадцать один служилый человек во главе с Михаилом Кривоносовым.

¹ Алексеев А. И. Охотск... — С. 29.

² Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России... — С. 55.

Не глядя на компас, мореплаватели плыли в видимости берега, который угрожал своими угрюмыми высокими скалами; никаких мореходных карт Охотского моря к тому времени не было, поэтому одно неосторожное движение в управлении судном могло привести к кораблекрушению. В таких условиях самая большая ответственность была возложена на поморского морехода Никифора Треску.

Мореплаватели благополучно дошли до Тауйской губы, добрались и до реки Олы. Обогнув полуостров, судно попало в полосу свежего ветра, дувшего в сторону Камчатки... С большими трудностями все же удалось достигнуть желанных берегов. О возвращении в Охотск в том же году не могло быть и речи. Решили остаться на зимовку. Первооткрыватели морского пути побывали в Большерецке и Нижнекамчатске, где их радушно принимали камчадалские казаки. В мае 1717 года лодья "Восток" отправилась в обратный путь. На четвертый день плавания судно затерли тяжелые льды. И только опытность и упорство мореходов позволили выбраться к Тауйской губе. В Охотск лодья прибыла 8 июля.¹ А. С. Пушкин написал об этой экспедиции: "Открытие пути через Пенжинское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно, экспедиции следовали одна за другой".² Но это было уже позднее, после того как первопроходцы указали путь и составили первую мореходную карту.

Нельзя не согласиться с мнением доктора исторических наук А. И. Алексеева, отмечавшего, что эта экспедиция имела большое значение для развития мореходства на Тихом океане, для пополнения географических знаний и что ее следует называть экспедицией Соколова — Трески по именам главных организаторов,

¹ Алексеев А.И. Колумбы русские. — Магадан, 1966. — С. 36.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. — М., 1965. — Т. 9. — С. 499.

руководителей и мореходов, впервые прошедших на Камчатку морским путем и указавших этот путь другим.¹

Мореход Никифор Моисеев Треска еще долгие годы нес службу на Тихом океане. Через много лет известный мореплаватель Витус Беринг дал высокую оценку труда и знаний архангельского помора: "...обретающейся де ныне при экспедиции мореход Никифор Треска бывал немалое время здесь мореплаванием до Камчатки и даже до осаго на десять японского острова, и между островов глубокие места, тако ж берега и земли, губы и гавани, лежащия при море около Камчатки, может де быть не безызвестен, а в случившуюся де на море великую погоду рулем править умеет и в таковых местах потребен он быть у вас необходимо вожем".²

На охотских верфях-плотбищах звонко стучали топоры северных мастеров: строились новые корабли для походов и экспедиций. На боте "Св.Гавриил" В.Беринг совершил плавание, во время которого второй раз был открыт пролив между Азией и Америкой, получивший впоследствии его имя. В этом походе участвовал и немало сделал для его успешного завершения известный мореплаватель, посадский из Неноксы Кондратий Мошков.

В 1732 году состоялось морское путешествие подштурмана И. Федорова и геодезиста М. С. Гвоздева; которое вписало одну из ярких страниц в историю русских географических открытий первой половины XVIII века. К сожалению, по неблагоприятному стечению обстоятельств, об этой экспедиции не сохранилось достаточных сведений, а некоторые ее этапы и результаты остаются не до конца выясненными. Тем не менее мы знаем, что экспедиция на корабле "Св. Гавриил",

¹ Алексеев А. И. Охотск... — С. 34.

² Экспедиция Беринга // Сборник документов. — М., 1941. — С. 217.

выйдя из устья реки Камчатки, достигла Берингова пролива, пересекала его северную часть и, пройдя мимо островов Диомида, высадилась на острове Ратманова. У крайнего пункта их продвижения к побережьям северо-запада Америки, острова Кинга, который М.Гвоздев назвал "четвертым", были получены расспросные сведения о достигнутой "земле". На рукописной карте пути "Св.Гавриила" нанесены части обоих побережий Берингова пролива с указанием "Большой Земли" на восточном побережье, трех островов в проливе и с обозначением части пути плавания 1732 года. Эту карту надо считать первым в мире картографическим (хотя и далеко не совершенным) изображением пролива, сделанным на основе бесспорных фактов.¹

Как часто бывает, на страницах истории остаются имена руководителей экспедиции, а непосредственных участников: мореходов, матросов, служилых людей, от которых в большой степени зависит успех любого путешествия, — нередко забывают. Назовем имена этих героев, тем более, что костяк команды состоял из северян-поморов: мореход Кондратий Мошков, матросы Лаврентий Сметанин, Агафен Назаров, Михайло Гусельников, служилые люди Иван Шаньгин, Василий Анкудинов, Илья Скурихин и другие.²

Хорошо известны имена северян Никифора Трапезникова, открывшего остров Атка, и яренского жителя Степана Глотова, впервые посетившего группу Лисьих островов. Но мало кому знакомо имя замечательного архангельского морехода-путешественника Петра Башмакова, а сколько было здесь безвестных героев, купцов, промышленников, мореходов, судостроителей с архангельского Поморья.

¹ Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия... — С. 197—198.

² Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. // Сборник документов. — М., 1984. — С. 104.

Современники, наблюдавшие строительство первых судов Тихоокеанского флота, отмечали, что "состоят мастерами от прежних бывших тамо казенных строений оставшие работники, и вновь пришедшие и приходящие от города Архангельского и Солонца (видимо, с Олонца — А. А.) и из прочих мест такие ж люди, которые при судовом строении в работах бывали. И к таким строениям присмотрелись".¹

Благодаря Охотскому порту, выросла роль камчатских портов. Именно оттуда начались первые путешествия русских промышленников к Алеутским и Командорским островам, а также к берегам Аляски.

Наименование "Камчатка" встречается уже на чертеже Сибири Петра Годунова 1667 года, а в "Списке с чертежа 1672 года" говорится о реке Камчатке. Слово это перешло к русским от коряков. "Кончат" — это коряцкое название камчадалов. Этнограф Е. П. Орлова считает, что по-камчатски "кчамзалх" означает "человек". С. П. Крашенинников приводит в своих работах сходное слово того же значения — "ушкамжа". Имеются и другие суждения исследователей об этимологии названия этого полуострова. И все же очевидно, что топоним "Камчатка" происходит от одного из самоназваний камчадалов или ительменов.²

Открытие Камчатки, как известно, связано с историческим походом 1648 года С. Дежнева и Ф. Попова. Коч Федота Попова, после того как его "на море разнесло без вести", октябрьской бурей носило "всюду неволею и выбросило на берег в передний конец" — на Камчатку.

Известный исследователь Камчатки С. П. Крашенинников писал, что коч Попова пришел в устье реки

¹ Алексеев А. И. Охотск... — С. 65.

² Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. — М.; Л., 1946. — С. 58.

Камчатки и поднялся до впадающей в нее справа (по течению) реки, "которая... ныне Федотовщиной называется"; и зовут ее так по начальнику русских людей, зимовавших там еще до покорения Камчатки.¹

Три разновременных показания подтверждают, что Попов и Анкидинов с товарищами были заброшены бурей в своем коче на Камчатку, провели там, по крайней мере, одну зиму и что, следовательно, открыли Камчатку они, а не позднейшие землепроходцы, пришедшие на полуостров в конце XVII века. Не так давно в архивах был обнаружен документ, из текста которого видно, что еще в начале 60-х годов казачий десятник И.М.Рубец совершил успешный поход в верховья реки Камчатки. Эта важная находка значительно изменяет наши представления о времени появления первых русских людей на Камчатке.² Не случайно уже в 1667 году река Камчатка показана на "Чертеже Сибирския Земли", составленном по распоряжению тобольского воеводы Петра Годунова, причем впадает она в море на востоке Сибири между Леной и Амуром и путь от устья Лены к ней, как и по Амуру, совершенно свободен. В 1672 году в "Списке" (объяснительной записке) ко второму изданию "Чертежа" сказано: "...а против устья Камчатки-реки вышел из моря столп каменной, высок без меры, а на нем никто не бывал". Здесь не только названа река, но и указана высота горы ("высок без меры" — 1233 метра), которая поднимается против устья реки Камчатки.³

В библиотеке редкой книги Академии наук России

¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.; Л., 1949. — С. 124.

² Полевой Б. П. Забытый поход И.М.Рубца на Камчатку в 60-х годах XVII века // Известия АН СССР. — Серия географическая. — № 4. — С. 34.

³ Магидович И. П.; Магидович В. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 295—296.

имеется рукопись-копия, снятая с подлинника XVII века. Вот о чем в ней говорится: "Якуцкого города и присутствия Якутского же в дальнейшем расстоянии на реке Анадыре, завомое за Носом, из острогу Анадырского пошли устюжане, промышленные русские люди, иных разных городов пятнадцать человек, в них же первенстейши человек именем Лука [пропуск] сын, прозваньем Старицын, по нем вторы человек [пропуск нескольких слов] сын Голыгин, родом устюжане, а по Якутскому городу служивые люди посланы были из Якуцка в Анадырской острог ради ясащного збору, и тамо има дошедшема и пребыста время, немалое ради ясащного збору с ламуцких и юкагирских иноземцев."¹

Речь в этой рукописи идет о первом походе на Камчатку уроженцев Поморья, анадырских казаков Луки Старицына по прозвищу Морозко и Ивана Голыгина в 1691—1692 годах. Последующие их походы в 1693—1694 и 1695—1696 годах стоят в ряду замечательных исторических событий конца XVII века.

В 1697 году июля 13 дня недалеко от нынешнего поселка Ключи пятидесятник Владимир Атласов на берегу реки Камчатки поставил двухметровый деревянный крест. Этим символическим актом Камчатка навсегда была закреплена за Российским государством. А еще через три года приказчик Тимофей Кобелев собирал на устье реки Большой ясак с местного населения.²

Минуло совсем немного времени. 6 августа 1703 года 15 казаков из отряда Атласова во главе с Михайлой Зиновьевым, известным еще под прозвищем Многогрешный, и боярским сыном Василием Колесовым построили здесь острог и ясачную избу. Так начался

¹ Белов М. И. Русские походы на Камчатку до Атласова // Известия ВГО. — М., 1957. — Т. 89. — Вып. 1. — С. 27.

² Дальневосточные путешествия и приключения. — Хабаровск. — 1982. — Вып. 9. — С. 285.

Большереецк, в течение долгого времени бывший фактически столицей огромного полуострова. Присоединение Камчатки к Русскому государству завершало географические открытия в Сибири, начатые дружиной Ермака, и в то же время послужило мощным толчком для продвижения поморов и служилых людей в глубинные районы северной части Тихого океана.

Освоение Камчатки неразрывно связано с деятельностью знаменитого "камчатского Ермака" Владимира Атласова.

Историк Г. Спасский, основываясь на данных принадлежавшего ему рукописного сборника, указывал, что Владимир Атласов происходил из беглых крестьян Великого Устюга.¹ М. И. Белов, изучив архивы Якутской приказной избы, выдвинул свою версию родословной русского землепроходца. Допрошенный вместе со всеми товарищами Владимир Тимофеев заявил, что родом он из Усолья (очевидно, — Усолья Камского).² Если учесть, что эта территория осваивалась из Великого Устюга, Сольвычегодска и Яренска, то такое "перемещение" родины "камчатского Ермака" вполне вероятно.

Первые походы и службы Владимира Атласова связаны с великой рекой, Леной. В течение сорока двух лет он прослужил рядовым казаком, семь лет — пятидесятником и десять лет — казачьим сотником. Он, как и многие другие землепроходцы, был грамотным и осведомленным человеком, хорошо знал якутский язык, пять раз совершал путешествия из Якутска в Москву в качестве сопровождающего "государеву соболиную казну".

¹ Спасский, Г. Владимир Атласов, покоритель Камчатки // Вестник РГО. — 1858. — XXIV. — Ч. 2. — С. 157.

² Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // Летопись Севера. — М., 1957. — Т. II. — С. 91—93.

О камчатском походе В. Атласова имеется довольно значительная литература. В книге академика Л. С. Берга одна из глав посвящена подробному разбору сведений о знаменитом землепроходце и его путешествии.¹ 14 декабря 1696 года В. Атласов с шестьюдесятью служилыми и шестьюдесятью ясачными юкагирами выступил в поход. От устья реки Пенжины они шли две недели на оленях по западному берегу Камчатки, а затем повернули на восток, к берегам Тихого океана. На реке Олюторе руководитель похода разделил отряд на две части: одной приказал идти по восточному берегу Камчатки на юг, а сам со второй частью отряда отправился на западный берег на реку Палану. Здесь русские впервые встретились с камчадалами. Далее В. Атласов двинулся на юг по западному берегу Камчатки и достиг реки Голыгиной, где жили курилы. С устья этой реки В. Атласов "на море видел как бы острова есть" (имеется в виду самый северный из Курильских островов, Алаид).² В 1697 году именно казак В. В. Атласов назвал эти острова "Курильскими", поскольку на них жили курилы (айны).

Во время путешествия В. Атласов проявил особую наблюдательность, снискав себе славу первого исследователя Камчатки:

"Скаска" землепроходца содержат этнографо-географические и физико-географические известия о новой стране. Подробное описание В. Атласовым растительного и животного мира Камчатки оказалось настолько полным и точным, что впоследствии русские ученые XVIII—XX веков (С. П. Крашенинников, В. Л. Комаров, Л. С. Берг и другие) смогли легко установить точные научные названия перечисленных растений и животных. Очень образно описаны вулканы полуострова и переданы.

¹ Берг Л. С. Открытие Камчатки... — С. 58—77.

² Он же. Очерки по истории... — С. 149—150.

суеверные страхи, которые вызывали эти "огнедышащие горы" у местного населения. В. Атласов оставил потомкам беглые замечания о море, окружающем полуостров, об особенностях его ледового режима. Эти важные документы — "скаски" — впервые напечатал в 1891 году исследователь Сибири и Дальнего Востока Н. Н. Оглобин.¹

Во время исторического похода на Камчатку с особой полнотой проявилась личность В. Атласова — землепроходца, ясачного сборщика, исследователя. Он был человеком своего времени: решительным, предприимчивым и смелым, не останавливающимся ни перед чем для достижения поставленной цели. Ангелом он не был. Сын своего времени, действующий в труднейших условиях, он был требователен, суров и даже жесток по отношению к подчиненным и жителям вверенного ему края.

В последние годы жизни В. Атласов с женой Степанидой Федоровной жил на Камчатке. Наделенный полномочиями камчатского приказного, он правил страной сурово, что вызвало волну казачьих восстаний, прокатившуюся по Камчатке в 1707—1711 годах. В январе 1711 года восставшие казаки пришли к нему ночью с фальшивой грамотой, и когда он наклонился к свече, чтобы прочитать ее, то был убит ударом ножа в спину.²

Как ни странно, но продолжателем начинаний В. Атласова в деле освоения Камчатки стал его соратник и земляк, участник казачьего бунта Данила Яковлевич Анциферов (Анцыферов). В 1711 году камчатские казаки избрали его атаманом. Пытаясь реабилитировать себя в глазах властей, он с есаулом И. П. Козыревским и семьюдесятью пятью казаками отправился на реку Боль-

¹ Колумбы земли русской... — С. 69—83.

² Там же. — С. 69.

шую и, разбив весной трехтысячный отряд аборигенов, восстановил Большерецкий острог. В 1712 году атаман Д. Я. Андиферов погиб в стычке с племенем ительменов, но он остался в памяти потомков как первооткрыватель Курильских островов.¹ И. П. Козыревский составил "чертеж как Камчадальского носу до Матмайского и Нифона островов (Хоккайдо и Хонсю — А. А.)..."² Таким образом, в Москве узнали о существовании целой гряды Курильских островов, протянувшейся вплоть до таинственного "царства Японского".

Настоящим плацдармом для дальнейших открытий остров Тихого океана стала река Уйкоаль (Камчатка). В 1728 году в урочище Ушки участниками 1-й Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга был построен первый русский военный бот "Св. Гавриил", и ему, как уже писалось выше, суждено было пройти часть пути С. И. Дежнева. На долгие годы верфь острога на реке Радуге стала основным местом строительства военных, торговых и промысловых судов.

Река Радуга названа так казаками за причудливые изгибы ее русла, которые в некоторых местах чуть ли не соприкасаются друг с другом.³

Освоение Камчатки поставило на повестку дня поиск морских путей в Америку. В конце 1724 года, незадолго до смерти, император Петр I подписал указ о снаряжении Первой Камчатской экспедиции по отысканию пролива между Азией и Америкой во главе с В. И. Берингом, которому предписывалось: "искать где она (Азия —

¹ Русские мореплаватели... — С. 475—476; Дальневосточные путешествия и приключения. — Хабаровск, 1982. — Вып. 10. — С. 286.

² Алексеев А. И. Судьба русской Америки. — Магадан, 1975. — С. 9.

³ Кедров Н. Н. Нижнекамчатский острог на реке Радуге. — колыбель российского купеческого частнопредпринимательского флота на Тихом океане. // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997. — С. 38—39.

В. Б.) сошлась с Америкой и чтоб доехать до какого города европейских владений, — или ежели увидят какой корабль европейской — проведать от него, как оной кюст (берег — В. Б.) называет и все ту написать и самим побывать на берегу и всему подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюда."¹

23 июля 1732 года бот "Св. Гавриил" вышел из Нижнекамчатска, а 13 августа встал на якорь у мыса Дежнева, куда на берег выходил геодезист М. С. Гвоздев. 15 августа участники экспедиции осмотрели остров Ратманова в Беринговом проливе. Подойдя к острову Крузенштерна, моряки увидели берега Америки. Это произошло 21 августа 1732 года — "Св. Гавриил" подошел к американской земле в районе теперешнего мыса принца Уэльского.² Осваивать острова Тихого океана начали и русские промышленники. Первым из них был Емельян Басов, сержант Охотского порта. Он решил отправиться на поиски "неизвестных" островов для того, чтобы привести в российское подданство их жителей, а также для промысла ценных пушных зверей. Члены экспедиции посетили Командорские острова, где успешно промыслили морского зверя, и в августе 1744 года вернулись на Камчатку с богатой добычей — 1200 шкурок бобров и 4 тысячи шкур котиков.³

С конца 1730-х годов ведущее место в русских промыслах заняли бобры и котики, обитатели тихоокеанских островов. Морской бобр и поныне в народе известен больше всего под названием камчатского бобра. Вместе с речной выдрой он входит в семейство кунных,

¹ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. — М., 1982. — С. 88.

² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. — М., 1984. — С. 12.

³ Макарова Р. В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVII веке. // Вопросы географии. Сб. 17: История географических знаний. — М., 1950.

поэтому его часто называют также морской выдрой. Другое его название, часто встречающееся в научной литературе, — калан. Калан — самый ценный в мире пушной зверь. Еще Г. Стеллер, адъютант экспедиции В. Беринга, написал: "Не могу передать красоту этого животного в живом состоянии: когда оно бежит по земле, то кажется чернее атласа и его яркая чернота сверкает". мех этого зверя, бурого или черного цвета, характеризуется высшими показателями густоты и пышности, мягкости и нежности, шелковистости и красоты, носкости...

Морские котик, также бывшие добычей русских промышленников, происходят из семейства ушастых тюленей. Они — одни из самых густоопушенных зверей в мире. Шкура — темно-бурого цвета, также высокоценная, очень прочная и ноская. Тихоокеанские острова таили несметные запасы морских бобров, котиков и голубых песцов. Началась эпоха новой, пожалуй, даже более грандиозной, чем связанная с добычей сибирского соболя, промышленной колонизации. Правда, на этот раз колонизации не Сибири, а отдаленных и многочисленных островов, расположенных между Азией и Америкой.¹

Успех экспедиции Е. Басова явился толчком для организации последующих экспедиций. В промысловых кампаниях участвовали купцы из многих центральных и сибирских губерний, но больше всего — из Поморья: Вологды, Ярославля, Архангельска, Каргополя, Сольвычегодска, Великого Устюга, Холмогор, Яренска. В феврале 1745 года лальский купец Афанасий Чебаевский, иркутский купец поморского происхождения Никифор Трапезников, бобыли-устюжане Яков и Павел Чупровы, северяне-крестьяне Зотов, Сидоров, Холщевников, Бе-

¹ Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1980. — С. 34—35.

ляев и Коробейников снарядили шитик "Св.Евдоким", которым командовал устюжский посадский, мореход Михаил Васильевич Неводчиков. В результате шестидневного плавания были открыты самые близкие к Камчатке Алеутские острова — Атту, Агатту и Семичи. Опытный мореход М. В. Неводчиков нанес эти острова на карту, которая была доставлена в Большерецкую канцелярию. М. В. Неводчиков "за отыскание неизвестных вновь островов и народов" был назначен унтер-офицером в команду Охотского порта, а через год после "экзаменации" ему было присвоено звание штурманского ученика. 4 июля 1760 года он за безупречную службу был произведен в подштурманы, активно участвовал в экспедиции П. К. Креницына, в описании реки Ульи. В Охотске, уже на закате своей жизни, он обучал школьников основам картографии и рисованию.¹

Правительство поощряло экспедиции торговых и промышленных людей. Уже в указе императрицы Анны Ивановны от 20 сентября 1733 года предписывалось содействовать морским промыслам, "ибо удобнее без убытку казенного сами купцы и промышленники в отдаленные места путь сыщут, как и Камчатка и иные прежде неизвестные места купцами и промышленниками сысканы" были. В выдаваемых кампанейщикам разрешениях постоянно указывалось "призывать в подданство ласкою и приветом" жителей открываемых островов, "брать с них ясак, от чего б могла быть казне прибыль".²

Какова была добыча бобров и котиков? Судя по приблизительным данным, приводимым в литературе, — огромной. Не входя в детали, отметим, что в течение 1743—1800 годов русские промышленники вывезли с

¹ Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана... — С. 71.

² Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968. — С. 43—45, 105.

Алеутских остров и с северо-западного побережья Америки "мягкой рухляди" по местным заниженным ценам почти на 8 миллионов рублей, а с Курильских островов за 1765—1778 годы — на сумму свыше 162 тысяч рублей. В казну в виде десятинной пошлины поступило пушнины на сотни тысяч рублей.¹

Любознательный читатель проявит интерес к необычным названиям — Алеутские острова, алеуты. Название "алеуты" дано русскими промышленниками жителям островов, расположенных цепью на восток от острова Беринга. До настоящего времени происхождение этого названия твердо не установлено. Исследователь А. С. Полонский приводит сообщение о мальчишке алеуте, вывезенном в 1747 году с острова Атту М. В. Неводчиковым и рассказавшем о том, что он слышал о сотворении неба, моря, земли и человека (на их языке — "алеукста — агудах"), живущего "на небеси". А. С. Полонский полагает, что отсюда и пошло у промышленников название "алеут". Профессор Д. М. Лебедев, ссылаясь на статью инструкции XVIII века Адмиралтейств-коллегии капитану И. Биллингсу, сообщает, что именно М. В. Неводчиков дал жителям этих островов название алеутов.²

Серию открытий продолжил мореход из Архангельска Петр Башмаков. В 1756—1758 годах он открыл 13 островов, лежащих к востоку от Ближних островов Алеутской гряды.³ Вместе с ним в плаваниях участвовали его земляки-поморы: тотемский посадский Иван Шошев, устюжский посадский Стахей Кладовников, устюжский крестьянин Соли, Вычегодской Никифор Шебалин.⁴

¹ Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги... — С. 41.

² Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800 гг.). — М., 1957. — С. 63.

³ Макарова Р. В. Экспедиции русских промышленных людей... — С. 27—31.

⁴ Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. — Магадан, 1975. — С. 52.

В рапорте передовщика судна "Св.Владимир", уроженца Соли Вычегодской, посадского человека Дмитрия Панкова сообщается об открытии им с товарищами острова Унимак, расположенного возле южной оконечности Аляски. В этом открытии участвовали его земляки, выходцы из Устюжского уезда, Ротмаровской волости крестьянин Алексей Булатов и Двинской трети крестьянин Василий Шадрин.¹

Нам известно имя еще одного выходца из Поморья, промышленника-морехода, исследователя Алеутских островов Родиона Дурнева. В 1754 году он на боте "Николай" перешел из Нижнекамчатска к острову Беринга, а через год — к Ближним Алеутским островам, сначала к острову Атту, а затем — к Агатту, на которых русские еще не промышляли. Поддерживая дружеские отношения с алеутами, он обучился их языку. Через два года, в 1757 году, Родион Дурнев вернулся на Камчатку с богатой добычей.²

Но самый большой успех в промысловом исследовании Алеутских островов и Аляски выпал на долю молодого мещанина из города Яренска Степана Гавриловича Глотова.

В Нижнекамчатском остроге прочно обосновались промышленники из Поморья, чьи имена дошли до наших дней: яренский посадский Степан Глотов, устюжские посадские Иван Попов, Иван Докучаев, Яков Смолин, крестьяне Петр Строганов, Конон Ивановский, Иван Коковин, сольвычегодский посадский Дмитрий Панков, крестьянин Андрей Чирков, пустозерский крестьянин Андрей Репин и другие северяне.

В феврале 1757 года в Нижнекамчатске образовалась компания купцов, решивших на судне "Иулиан" послать

¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... — С. 71.

² Русские мореплаватели... — С. 502.

промышленников за бобрами. Интересен список имен компанейщиков: тобольский купец Илья Снегирев, вологодский купец Иван Буренин, яренские купцы Иван Томилов и Афонасей Суханов, тотемских купцов прикащик Семен Шергин и другие. В качестве штурмана и руководителя артели промышленников был приглашен С. Г. Глов. 2 сентября 1758 года бот "Иулиан" отошел от устья реки Камчатки "в открытое тихое море, в морской вояж к предписанному для изыскания новых островов и народов пути". На островах Умнак и Уналашка С. Глов и его спутники прожили почти три года. За это время "русские люди тамошних двух островов народ ласкою привели в подданство и ясак". После возвращения промышленника на Камчатку в Большерецкой канцелярии со слов С. Глова был составлен особый "репорт", участник плавания тотемский посадский Петр Шишкин представил карту островов, а отставной казак северянин Савин Пономарев предъявил "ясачную книгу".

В "Хронологический истории открытия Алеутских остров" говорится, что первым их русских, посетивших эти острова, был мореход Степан Глов. Он прибыл туда на судне "Андриана и Наталия" осенью 1762 года и в продолжение всей зимы, неоднократно отражая нападения островитян, не смог наладить промысел бобров и торговлю с аборигенами. 24 мая 1763 года он оставил эти острова.¹

В 1763 году С. Г. Глов посетил остров Кадьяк в западной части залива Аляска. По итогам экспедиции он сделал доклад.²

¹ Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. — СПб., 1823. — С. 66; Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. — Л., 1979. — С. 20, 60—65, 120.

² Перевалов В. А. Ломоносов и Арктика. — М.; Л., 1949. — С. 268, 280—282.

Новые географические открытия С. Г. Глотова побуждали его земляка М. В. Ломоносова выступить с проектом особой экспедиции по описи Алеутских островов и открытию Аляски. Великий русский ученый рассмотрел карту П. Шишкина, внимательно ознакомился с рапортом С. Глотова, встретился с купцами И. Снегиревым и М. Бурениным, выясняя обстоятельства плаваний северян, и подготовил в Адмиралтейств-коллегию записку, названную "Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников у островов Американских и по выспросу компанейщиков Тобольского купца Ильи Снегирева и Вологодского купца Ивана Буренина".¹

Этот документ стал основой доклада императрице Екатерине II и подписанного ею указа об организации Адмиралтейств-коллегией экспедиции по описи Алеутских островов и открытию Аляски.² 5 марта 1765 года начальник секретной экспедиции, официально именовавшейся "экспедицией по описи лесов по рекам Калме и Белой", флота капитан П. К. Креницын выехал из Тобольска. В Якутске его поджидал капитан-лейтенант М. Д. Левашев. На самом деле перед экспедицией Креницына — Левашева ставилась задача проверить открытия поморских промышленников и описать Алеутские острова. Поначалу экспедицию долго преследовали неудачи. Зимой 1767—1768 годов руководители похода провели в Нижнекамчатске, где подробно расспрашивали северных мореходов, купцов и промышленников, которые плавали к Алеутским островам. Именно в их среде накапливались знания и опыт плаваний в Тихом океане. 21 июля 1768 года галиот "Св.Екатерина" и гукор "Св.Павел" вышли в открытое море. В качестве

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1934. — Т. 6. — С. 507—515.

² Перевалов В. А. Указ. соч. — С. 283.

промышленников на судах экспедиции отправились пионеры открытия Алеутских островов и Аляски Степан Гаврилович Глотов, Петр Юкимович Анфилов, Никифор Михайлович Новоселов, Алексей Иванович Безруков, Леонтий Иванович Дружинин, Василий Данилович Штинников, Иван Трофимович Шеин, Михаил Алексеевич Лебедев, Михаил Михайлович Авдеев, Алексей Иванович Дружинин, Дмитрий Афанасьевич Панков, Алексей Леонтьевич Хомяков и Алексей Иванович Удачин.

В гавани острова Унимак, напротив материкового берега Аляски, состоялась очередная зимовка. Погода стояла холодная: дожди, порой снѣг и снежные метели. Во время сложной зимовки умерло тридцать шесть моряков и промышленников, среди них — первооткрыватель островов Умнак, Уналашка и Кадык отважный яренский мореход С. Г. Глотов (4 мая 1769 года). Тогда ему было всего лишь 40 лет..

По итогам экспедиции Креницына — Левашева была составлена карта, на которой положение Алеутских островов было значительно уточнено. Хорошим дополнением к ней стали прекрасные рисунки береговой черты Камчатки и Алеутских островов, сделанные М. Д. Левашевым, а также журналы экспедиции, содержащие уникальную информацию о промышленном освоении островов Тихого океана.

Следующей крупномасштабной акцией по изучению северной части Тихого океана явилась деятельность Северо-восточной географической и астрономической экспедиции Беллинга — Сарычева. В указе Екатерины II от 8 августа говорилось о том, что, помимо других задач, перед экспедицией ставилась цель "определения... многих островов на Восточном окияне, к американским берегам простирающихся, и совершенного познания морей между матерою землею Иркутской губернии и противоположным берегом Америки".

В итоге деятельности этой экспедиции было состав-

лено пятьдесят семь карт и планов Камчатки, всех Алеутских островов, Чукотки и побережья Северной Америки. Прекрасной иллюстрацией к журналам экспедиции являются альбом рисунков художника экспедиции Л. Воронина и рисунки Г. А. Сарычева. 5 июля 1793 года последовало распоряжение о ликвидации экспедиции, выполнившей свои задачи.

Уже на следующий год началась подготовка новой крупной экспедиции под командованием капитана Г. И. Муловского, на двух больших судах "Соловки" и "Холмогоры" и трех кораблях меньшего размера. Эта экспедиция должна была закрепить за Россией выдающиеся географические открытия русских мореплавателей в Тихом океане и Северной Америке. Однако начавшаяся война с Турцией вызвала отмену экспедиции.

Следующий важный этап в открытии новых земель связан с Русской Америкой.

В 1775 году "российский Колумб", рыльский купец Григорий Иванович Шелихов создал компанию для пушного и зверобойного промысла на северных островах Тихого океана и на Аляске.

Преимником Г. И. Шелихова стал первый главный правитель российских владений в Америке, каргопольский купец Александр Андреевич Баранов, приглашенный еще в 1790 году для управления Северо-Восточной американской компанией.

С личностью Баранова связана целая эпоха жизни Русской Америки, ознаменовавшаяся значительным расширением ее владений, торговых связей, укреплением экономического благосостояния Российско-Американской компании. Он состоял главным правителем русских колоний в Америке 28 лет.¹ В 1799 году Баранов прибыл на остров Ситка (Ситха) архипелага Александра,

¹ Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку: 1732—1799. — М., 1991. — С. 186.

где основал поселение и крепость, названные в честь архангела Михаила. Однако в 1802 году местное население уничтожило этот русский форпост. В 1804 году Баранов предпринял новую решительную попытку утвердиться на Ситке. Неподалеку от прежней крепости была возведена новая, названная Ново-Архангельской и благополучно просуществовавшая весь русский период истории Аляски вместе с городом и портом, построенными рядом (ныне город Ситка на острове Баранова).¹

Можно с уверенностью утверждать, что Баранов и его сподвижники, уроженцы Поморья, называли этот город в честь Архангельска, первого российского порта на Белом море. Память о "малой родине" и ностальгия по ней всегда жили в сердцах первооткрывателей Русской Америки.

Александр Андреевич Баранов родился в 1746 году (американские исследователи считают годом его рождения 1747) в городе Каргополе. Его родители Андрей Ильич и Анна Григорьевна были каргопольскими мещанами, прихожанами Святодуховской церкви. В семье кроме Александра было еще трое детей: сын Петр и дочери Евдокия и Васса. Племянник Баранова — Афанасий Александрович Кугликов — был руководителем промысловых партий в Русской Америке.

Баранов был женат на дочери каргопольского купца Матрене Александровне Марковой. Получив образование в Каргополе, Баранов стал заниматься торговлей. Как и у многих уроженцев Поморья, его судьба была связана с Сибирью. В Иркутске он владел винным и стекольным заводами. Александр Баранов был человеком больших познаний и недюжинных способностей. В 1787 году за подготовку статей о Сибири он был избран членом Вольного экономического общества.

¹ Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. — М., 1994. — С. 14—15.

Здесь, в Сибири, произошло счастливое знакомство Баранова с купцом Г. И. Шелиховым, искавшим сподвижников, которым можно было бы поручить проведение в жизнь его широких замыслов, связанных с Русской Америкой.¹

Жизнь и деятельность нашего земляка, каргопольца А. А. Баранова — явление столь значительное, что ему нужно посвящать отдельные работы. Здесь же мы ограничимся тем, что приведем слова известного журналиста В. М. Пескова: "Задачи, стоявшие перед Правителем, были головоломными. Русских людей немного, и "материя сия" не была очень уж расположена к подвигам — одна часть, подобно новгородским ушкуйникам, склонна, возмущая аборигенов, пограбить, другие, привезенные поневоле, ленились; были напуганы дикой и грозной природой. Те и другие не хотели никакой дисциплины...

Первый Правитель должен был колонистов образумить и защитить, уберечь от голода, обустроить их быт. Надо было припугнуть, а лучше всего успокоить индейцев, найти способ показать капитанам иностранных судов, что "владения сии — российские". И надо было вершить то дело, ради которого сюда прибыли, — разведывать и осваивать земли, добывать зверя. У любого бы руки опустились перед чередой трудностей. Но только не у Баранова! Выбор Шелихова был безошибочным."²

Личность Александра Баранова стала на Аляске легендарной. Его именем названы остров, пролив, река, озеро, улица, музеи, школа, магазины... Деятельность каргопольца Баранова стала неотъемлемой частью ис-

¹ Крючкова М. Н. Правитель русской Америки и его потомки. — Каргополь, 1997. — С. 6, 14.

² Песков В. М. Сказания о Баранове // Комсомольская правда. — 1991. — 12 окт.

тории русского освоения Америки, истории США, истории русско-американских отношений.

Деятельность русских купцов, промышленников и мореходов на Аляске способствовала установлению добрососедских отношений между Россией и молодой Американской республикой. Не осталась в стороне от этих событий и "малая родина" Баранова и его земляков-соратников. Мы располагаем сведениями о том, что во время войны за свою независимость американцы пробовали строить корабли в Архангельске.

Участник экспедиции Кука Лидиард (Ledyard) и его раб негр Дунбар (Dunbar) проживали в Архангельске, и по решению местных властей негр Дунбар получил свободу, а затем был принят на русскую службу.¹

В новые земли, в том числе и в Северную Америку, русские несли веру отцов — православие. В 1778 году русское поселение на острове Уналашка посетила знаменитая экспедиция капитана Джеймса Кука. Один из участников экспедиции американец Джон Ледиард оставил любопытные воспоминания, фрагмент из которых мы приводим: "Едва я улегся, русские молча созвали индейцев и сотворили молитву по обычаю греческой церкви, который очень напоминает католический. Я не мог не отметить, с каким особым благоговением индейцы отдавали долг Богу у своих маленьких распятий, с каким удовольствием они отправляли многочисленные обряды, сопутствующие такого рода богослужению. Я думал, что среди религий мира эта (православие — В. Б.) более других способна привлекать прозелитов (новых приверженцев — В. Б.)".² При основании первых русских поселений в Америке местные жители получили

¹ Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. — М., 1950. — С. 15.

² Россия и США: становление отношений (1765—1815). — М., 1980. — С. 48—49.

возможность познакомиться с началами христианской веры, были крещены, пользовались иконами и участвовали в богослужении вместе с русскими. В сообщении морехода—устюжанина М.В.Неводчикова, говорится о том, что он привез с собой жителя острова Атту, который был крещен в Нижнекамчатске и получил христианское имя Павел.

Другой известный мореход Степан Глотов стал крестным отцом племянника главного тоена (вождя) острова Умнак. Его крестник Иван Глотов быстро овладел русским языком и использовался в качестве переводчика в переговорах с местными жителями. В дальнейшем, вернувшись на свой родной остров и став тоеном, И. С. Глотов построил здесь православную часовню.¹

В открытие и освоении островов Тихого океана и Северной Америки, как известно, участвовало много выходцев из земель Поморья. Это не могло не сказаться даже на названиях русских судов, нередко получавших свои имена в честь поморских святых ("Зосима и Савватий", "Св.Иоанн — устюжский чудотворец") или особо чтимых на Севере святителя Николая и архангела Михаила.

Официальное основание православной церкви в Северной Америке произошло осенью 1794 года, когда в Павловскую гавань на острове Кадьяк прибыла православная миссия во главе с архимандритом Иоасафом (в миру Иван Болотов).

Сразу же после прибытия миссионеры приступили к просвещению и крещению местных жителей. В течение одного года было крещено 6740 человек и совершено 1573 бракосочетаний, а в 1796 году на американской земле открылся первый православный храм — церковь

¹ Болховитинов Н. Н. У истоков православия в Северной Америке // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997. — С. 19—20.

Вознесения на острове Кадьяк.¹ Прибытие миссии архимандрита Иоасафа на остров Кадьяк стало своего рода подведением итогов первоначального просвещения и христианизации местного населения, подобно тому как основание Российско-Американской компании в 1799 году явилось завершением процесса открытия и освоения русскими промышленниками и купцами северо-западного побережья и одновременно началом нового этапа истории Русской Америки.

¹ Там же. — С. 17.

НЕСТИ КУЛЬТУРУ В "НОВЫЕ ЗЕМЛИЦЫ"

КУЛЬТУРА, как известно, — понятие широкое. Она включает в себя материальную (жилище, одежда, предметы быта, орудия труда) и духовную, которая объединяет просвещение, литературу, искусство, обычаи и верования. В более узком смысле под культурой понимается обычно духовная.

Мы поведем речь о культуре в целом, о всем том богатстве умений, знаний и опыта, которое принесли в Сибирь русские люди.

Вслед за поморами-землепроходцами и мореходами "встречь солнца" двинулись крестьяне, ремесленники и

монахи, прежде всего — из поморских городов и уездов. Именно они были подлинными героями освоения Сибири, превратившими этот богатейший край в составную и неотъемлемую часть России. Их самоотверженным трудом были созданы городки, острожки и деревни, монастыри и церкви, крупные очаги земледелия и животноводства, центры судостроительства, ремесла и торговли.

С первых шагов освоения Сибири перед правительством остро встал продовольственный вопрос, связанный с необходимостью снабжения хлебом служилых и промышленных людей. На первых порах он был решен путем завоза хлеба из Поморья. Поморские города, волости и уезды обязаны были поставлять в Сибирь "сошные запасы". Однако эта мера не принесла ожидаемого результата: стоимость хлеба за дальностью доставки была необычайно высока. Поэтому поморские городки не справлялись с правительственным заданием; хлеб доставлялся неаккуратно, а нередкие в Поморье неурожаи обрекали население Сибири на голод. По мере продвижения русских промышленников и служилых людей на восток "хлебная" проблема становилась все более острой. Это был вопрос первостепенной важности. И ответ на него был подсказан самой жизнью: необходимо завести местную пашню, а для этого нужно заселить Сибирь крестьянами.

Тогда и были приняты меры по переселению крестьян из Поморья по "указу" и "по прибору": В первом случае крестьяне поморских уездов переводились в Сибирь принудительно, во втором — агенты сибирской администрации в тех же уездах вербовали добровольцев. В 1590 году в Сибирь были направлены первые тридцать семейств из Сольвычегодского уезда.¹

Масштабы переселения крестьян в Сибирь из Поморья были грандиозны. Рассмотрим миграцию населения на

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. — М.; Л., 1946. — С. 11—13.

примере Яренского уезда. По переписи 1646 года, зафиксировано 762 случая ухода из этих мест в Сибирь. Наибольший процент переезжавших крестьян приходился на волости по Выми, Удоре, Мезени и земли Усть-Вымской вотчины Вологодского архиепископа. Из переписных книг 1678 года мы узнаем, что 234 человека, или 76,4 процента к общему числу всех крестьян этих волостей, ушли в Сибирь. Особенно много северян переселялось в Сибирь в неурожайные годы. Причем, как правило, крестьяне уходили с женами и детьми. Попадая в сибирскую "украину" с ее плодородной почвой, яренский крестьянин не видел необходимости в возвращении на свою родину.¹

Крестьянская война 1670—1671 года под предводительством Степана Разина напугала не только центральное правительство, но и сибирских воевод. В целях ограничения крамолы царские власти разослали воеводам строгие указы усилить караулы на дорогах, ведущих из европейской части страны в Сибирь. Тем не менее, именно в годы крестьянской войны увеличился поток "сходцев" в сибирские земли, особенно из Поморья. По свидетельству верхотурского воеводы Ф. Т. Хрущева, в 1669—1670 годах "проехало мимо Верхотурья из русских городов... поголовно всех, з женами и з детьми и маленькими робяты 1533 человека, а на Тюмень... 518 человек". Надо полагать, население поморских городов воспользовалось замешательством властей, вызванным восстанием Разина, и переселение в Сибирь, зачастую не дозволенное администрацией, приобрело весьма широкий размах именно в это время.²

¹ Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. // История СССР. — 1961. — № 6. — С. 75—76.

² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в годы крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сборник статей памяти И. И. Смирнова. — Л., 1967. — С. 281.

Правительственные грамоты, предписывавшие при-
бирать "охочих" людей на сибирскую пашню, всегда
содержали напоминание, чтобы "прибор" осуществлялся
из "нетяглых", "неписьменных", "вольных" людей. И
как разъяснение следовала формула, кого можно считать
такowymi: от отцов детей, от братьев "братью", "от
дяди племянников", "от сусед суседов", то есть опре-
делялся круг узаконенных вольных людей.¹

Использовались на сибирской государственной пашне и
ссылные люди. Однако, основываясь на мнении исто-
риков-сибиреведов и на архивных материалах, можно
сделать вывод о незначительной роли ссылных в зем-
ледельческом освоении Сибири. Многие из них бежали,
так и не дойдя до места назначения, погибали, не
выдержав суровой природы и условий труда. В XVII
веке в редких случаях создавались отдельные поселения
ссылных. Так, в енисейском уезде на нижнем течении
реки Кеми в 1640 годах были известны деревни Мор-
довская и Черкасская, населенные соответственно ссыл-
ными мордвинами и украинцами. В 1640—1650 годах
в Ильинском уезде ссылные украинцы осели в Усть-
Кутской, Орленской, Тутурской, Усть-Киренской во-
лостях по реке Илим.²

Наказы сибирским воеводам XVII века постоянно
включают распоряжения о необходимости заведения го-
сударственной пашни. Наиболее эффективными стали
меры по устройству в государеву пашню лиц, явившихся
в Сибирь по собственной инициативе. Администрация
Сибирских разрядов выдавала "подмогу" — безвозрат-
ную помощь, денежную или натуральную — поморскому
крестьянину на обзаведение "всяким деревенским имен-
ным заводом". В 1627 году при поселении семи северных

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце
XVI — начале XVIII века. — М., 1972. — С. 101—102.

² Русские старожилы Сибири... — С. 29—30.

крестьян на Енисейскую пашню каждому было выдано по 9,25 рублей и по две лошади. В 1630 году крестьянам Гаврилу Воронову и Насону Феокистову была выдана подмога каждому по 10 рублей на обустройство хозяйством и 25 рублей обоим на покупку лошадей.¹

На реке Лене в 40-е годы XVII века подмога поморскому крестьянину состояла из 20—30 рублей и одной лошади на человека.

Наряду с подмогой и ссудой новопоселенцу предоставлялась льгота — освобождение от несения феодальных повинностей на определенный срок. Правительственные указания давали сибирской администрации широкую возможность менять размеры подмоги, ссуды и льготы: "...и ссуду им и подмогу и льготу давать смотря по тамошнему делу и по людям и по семьям с порукою и примеряся к прежним годам."²

В научный оборот прочно вошел вывод о значительной роли Поморья в формировании крестьянского населения Сибири, который убедительно представлен в глубоких исследованиях доктора исторических наук А.А.Преображенского. Ученому удалось показать, что наряду с миграцией беглых крестьян и гулящих людей из Поморья на протяжении всего XVII века совершалось передвижение населения "в пределах Уральско-Западносибирского района", преимущественно в восточном и южном направлениях. Сюда также шли выходцы из Приуралья и из слобод и деревень ранее обжитого поморами Верхотурского уезда, оседая на плодородных землях в южной части Тобольского уезда, в деревнях и слободах Исотского края и в районе Миаса.³

¹ Копылов А. Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1962. — Вып. I. — С. 38.

² История Сибири... — Т. 2. — С. 65.

³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. — М., 1972. — С. 70—71.

Создание слобод не является специфически сибирским явлением, этот способ заселения был также занесен в Сибирь из Поморья, где он практиковался издавна. В XVI веке пустынные берега Печоры были заселены частными предпринимателями, основавшими Усть-Цилемскую и Ижемскую слободки. На Мезени были основаны Окладни́ковская и Кузнецовская слободки. Устройство слобод применялось также купцами Строгановыми для усиления своего влияния и могущества в Приуралье.

В. И. Шунков считает, что название "слобода" в XVII веке имело двоякий смысл. С одной стороны — это первоначальное поселение на отведенном для заселения участке, которое становилось центром для всех селений данной местности. Здесь находились острог, церковь, двор приказчика, государевы амбары. В слободе жили церковные причетчики, судные дьячки, служилые люди. Здесь же находились государевы десятины. С другой стороны, слобода — это территория, которая составляется из слободы в узком значении этого слова и всех "тянувшихся" к ней селений (деревень). Внутри этой территории и возникали деревни слободского присуда. Выселение за пределы этой территории затруднялось, так как наталкивалось на земли соседских слобод или соседних ясачных волостей.¹

Создание слобод получило широкое распространение в Енисейском крае. В начале 1637 года в Казанский приказ была отправлена очередная челобитная о предоставлении на Енисее места "во льготу на срочные годы". Ходатайствовали перед правительством о создании слободки промышленные люди: мезенец Осип Григорьев сын Цыпаня Голубцов, пинежанин Иван Еремеев Ворогов, мезенец Илейка Степанов, пинежане Семейка

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири... — С. 89—90.

Яковлев Корытов, Вторка Насонов и мезенец Васька Артемьев. Главным организатором этого предприятия выступил Осип по прозвищу Цыпаня, успешно промышлявший пушнину в Сибири. Мы располагаем документами о его высоких доходах от торгово-промышленной деятельности. Так, в 1631 году он платил пошлину в Мангазее с четырех сороков соболей. Его компаньон Иван Еремеев Ворогов в 1634 году привез в Великий Устюг на продажу пятнадцать сороков соболей и другую пушнину, которая была оценена в 1000 рублей. 15 февраля 1637 года последовал из Москвы указ об отводе им земли с оговоркой: "...будет то место... на селитьбу, от ясачных людей отдалело... и звериному всякому промыслу... помешки никакой не будет". В то время "мягкая рухлядь" — валюта — для разоренного государства была важнее хлеба. Получив царскую грамоту на безоборочное десятилетнее пользование землей, Цыпаня энергично принялся за дело. На его родине началась вербовка крестьян на поселение в Сибирь, был привезен необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Усилиями оборотистого поморского слободчика на пустынных берегах Енисея вырос поселок Дубчасский, состоявший из шестнадцати дворов. Центром слободы был двор самого "заимочного слободчика", на котором стояли "дворовые хоромы", две горницы, три конюшни, хлев, сарай... В слободе был возведен храм Живоначальной Троицы с приделом Николая чудотворца. Слобода, основанная Цыпанею, до сих пор существует под названием Дубчасское, или Ворогово. (второе название сохраняло имя одного из первых ее поселенцев).¹ Имена первых новоселов остались в названиях и других слобод и поселений: Колмогорова, Савина, Анциферова, Паршина, Шадрина, Селиванова, Томиловская, Филипповская...

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. I. — С. 216—222.

Государственные крестьяне Сибири находились на особом положении. Если северные черносошные крестьяне управлялись выборными из самих же крестьян старостами и судейскими, то в Сибири во главе поселений-слобод стояли назначенные государством приказчики. Порядок управления сибирскими государственными крестьянами напоминал управление дворцовыми крестьянам.¹

В 1699 году правительство распорядилось провести новую перепись населения Верхотурского уезда, сославшись на то, что "с 200. году. (1692 г. — В. Б.) и после того как учинилось в Поморских и иных русских многих городах и уездах хлебу недород; и из тех городов и уездов многие крестьяне оставя свои жеребьи и тягла, с женами и с детьми сошли в сибирские городы... и в слободах и в деревнях новые поселились на заимках; к прежним крестьянам пристали, и, захватя многие земли владеют, а... никаких доходов не платят".² Северные крестьяне от голода и налогов бежали, "сходили" в Сибирь, искали свою "обетованную землю". А правительственная грамота обвиняла слободских приказчиков в укрывательстве, как правило, своих земляков.

Следует обратить внимание заинтересованного читателя на еще одно обстоятельство. В конце XVII века многие из первых русских слобод и деревень в Сибири были недолговечными. Они прекращали свое существование вследствие того, что предприимчивые северные крестьяне, подыскав угодья получше, благо земли в далекой "украине" было предостаточно, забрасывали свои прежние пашни. Так, развитие хозяйства и основание русских селений в Мангазейском уезде стимулировались потребностями промыслового дела. После уничтожения

¹ Устюгов Н. В. Научное наследие. — М., 1974. — С. 30.

² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века... — С. 73.

города Мангазеи появились новые селения на реке Тазе, в верховьях Нижней Тунгуски и на Енисее, выше Туруханска.¹

Поморские переселенцы не только строили слободы, но и принесли в "новые земли" хозяйственные навыки, приобретенные на родине. Именно их руками поднималась сибирская целина.

Северные крестьяне, как правило, пахотные земли подыскивали вблизи рек и ручьев, чтобы "... мельницы устроить можно". После выбора участка наступал, может быть, наиболее сложный период его освоения. Во-первых, у крестьянина не было знаний об особенностях земледелия в Сибири и уверенности в том, какие приемы окажутся наиболее выгодными, а зачастую не было уверенности и в самой возможности земледелия в этих краях. Широкое распространение получили пробные посевы "для опыта". Так, в Кетском уезде в 1640 году северные хлебопашцы посеяли рожь "для опыту немного". "Опыт" превзошел все ожидания, рожь выросла "добра", и крестьяне убедились: "...пашне в Кетском остроге быть большой мошно".² Выходцы с Русского Севера стремились перенести в новые районы все знакомые им культуры. В XVII веке на сибирских полях появились рожь озимая и яровая, овес, ячмень, пшеница, горох, гречиха, конопля, а на огородах — капуста, морковь, репа, лук, чеснок.

Вместе с составом культур северный земледелец принес в Сибирь и приемы их возделывания. В Поморье в это время господствовала паровая система земледелия в форме трехполья при сохранении переложной и подсеменной систем. В Сибири перелогом пользовались широко, "а выпашные худые земли сибирские пашенные люди мечют, а займут под пашни себе новые земли,

¹ Этнография русского крестьянства Сибири... — С. 64.

² История Сибири... — Т. 2. — С. 68—69.

где кто обьщет". Постепенное сокращение площади свободных пашенных мест и трудности расчистки приводили к укорачиванию перелога и установлению паровой системы, первоначально в форме двуполья, что убедительно показал на примере Илима и Лены в своей обстоятельной работе историк В.Н.Шерстобоев.¹

Русское земледелие распространилось в Сибири за необычайно короткое время. В начале XVII века распахивались земли в районе Пельма, Верхотурья, Туринска, Тюмени и Тобольска. В 40-х годах этого столетия крестьяне уже пахали в прибрежной полосе реки Лены под стенами Якутского острога. Путь более чем в шесть тысяч километров у русского крестьянина занял менее полстолетия. А за столетие русская соха пропахала мощную и глубокую борозду от Урала до Аляски. Это время было наполнено упорным созидательным трудом по приспособлению к сибирским условиям сельскохозяйственных навыков русского крестьянства, выковавшихся в течение ряда столетий на европейской части России. Русский земледелец не только щедро передавал свой накопленные веками трудовые навыки местному населению, но и сам заимствовал у последнего его достижения и знания местных условий, умение приспосабливаться к ним. В этом взаимном обмене трудовым опытом выразилось одно из благотворных последствий совместной жизни русского народа и других народов Сибири.²

"Государевы" крестьяне Сибири до второй половины XVIII века несли повинности государству в виде отработок на так называемой "десятинной пашне", но это не означало полного прикрепления сибирского крестьянства к земле, так как он мог перейти в другое податное

¹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 307—309.

² Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 257—258, 425.

сословие, переменить место жительства, сдать свое тягло, то есть совершать частные сделки по земельному обращению.¹

Существование Поморья и Сибири в рамках единой системы государственного феодализма; давние связи Поморья с Сибирью наложили своеобразный отпечаток на весь уклад жизни первых сибирских поселенцев. Вся земледельческая практика поморского и сибирского крестьянства оказалась пронизанной общими чертами. Переноса свой полеводческий опыт в новые условия, поморы возрождали в Сибири и некоторые обычно-правовые нормы, регулировавшие их землепользование и хозяйственную деятельность.

Поморские переселенцы активно боролись за сохранение своих традиций. Это привело к тому, что отработочная рента в Сибири не упрочилась, а крестьянство хозяйствовало и жило по своим обычным нормам. Обилие земель, возможность широкого применения переложного земледелия, сильные миграции, слабость государственного аппарата — все это способствовало крестьянской самостоятельности, сохранению опыта и традиций.

Одной из важных функций крестьянской общины было ведение коллективных форм хозяйства, что было унаследовано из опыта поморских крестьян. Тяжелый процесс освоения новых земель требовал коллективного труда. Ярким примером этой общинной деятельности был так называемый сибирский "вповал", соответствующий типу складнических отношений в долевых деревнях Поморья. Само перенесение в Сибирь трехпольного земледелия потребовало контроля со стороны коллектива — общины, хотя в Сибири в условиях земельного

¹ Александров В. А. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII века // История СССР. — 1977. — № 1. — С. 97.

простора и возможности свободных захватов земель эта роль общины была несколько меньше, чем на Русском Севере. Коллективизм, прочно бытовавший в среде поморских крестьян и перенесенный в новые условия, проявлялся в Сибири даже при ведении хозяйства на наследственных участках.¹

Значение общинных порядков и их сочетание с нормами обычного права проанализировал А. А. Преображенский в своем фундаментальном труде о заселении Урала и Западной Сибири. Он писал о том, что Сибирь приобрела "социальную окраску, сходную с черносошным миром Поморья".²

В Поморье старой единицей измерения в общинах служили "луки". "Луками" мерили землю на Двине, в Заонежье, на Выгегде, Пинеге, Мезени, Вашке. Величина этой земли была различной и зависела от экономических условий районов. "Луки" были известны и как единица обложения на Севере — 2 обжи (6,72 десятины), а также как способ исчисления повинностей. В таком значении "лук" долго сохранялся в Поморье, особенно в тех местах, где основу хозяйства составляли неземледельческие занятия — промыслы.

В Сибири, так же как и в Поморье, доля семей в общих угодьях и участие их в повинностях определялись представителями общинной власти в "луках". "Лук" как основа общинного землепользования был возрожден в Сибири. Судя по документам XVII века, в некоторых местах он соответствовал 2 десятинам земельной меры, и этим определялась доля дворов в угодьях и повинностях.³

¹ Власова И. В. Землепользование в Поморье и Сибири. XVII—XVIII вв. // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. — М., 1979. — С. 9—10.

² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — С. 120.

³ Власова И. В. Землепользование в Поморье и Сибири... — С. 17, 42.

Подведем итоги процесса земледельческого освоения Сибири. Почти до XVII века "новая государева вотчина" снабжалась привозным хлебом, в основном из Поморья. В то же время в многочисленных острогах, острожках и зимовьях находились тысячи служилых и промышленных людей, нуждавшихся в главном продукте — хлебе. Как уже отмечалось, из-за дальности расстояния, трудности пути, неурожаев в Поморье хлеб доставлялся с большими перебоями. Служилые люди были недовольны, роптали и жители Поморья, для которых эта повинность становилась непосильной. Только благодаря героическим усилиям поморского крестьянства была освоена сибирская пашня, а в конце столетия сибирская "украина" стала снабжать себя собственным хлебом, который также поступал на Урал. Так образовался сибирский хлебный рынок.¹

К примеру, скупкой тобольского слободского хлеба занимались выходцы из Поморья. Почти ежегодно с 1645 по 1703 год закупали хлеб в слободках тобольский житель Иван Фролов Пуртов и его сын Ларион Пуртов. В тобольских книгах он именовался по-разному: устюжский промышленный человек, устюжский торговый человек, тобольский торговый человек, тобольский житель. Изменение его чина отражало изменение его положения и превращение из уроженца Устюга Великого в постоянного тобольского жителя. В 1644—1645 годах Иван Фролов Пуртов привез в Тобольск 30 четвертей нижненащинского хлеба, в 1669—1670 годах — 40 четвертей тюменского и шадринского зерна.

Крупным поставщиком хлеба был также архангельский крестьянин Иван Семенов Перевалов, который в 1703 году отправил в Тобольск 4320 пудов хлеба.² Так

¹ Устюгов Н. В. Научное наследие... — С. 56.

² Вилков О. Н. Состав ввозителей слободского хлеба в Тобольск в 30—90-е годы XVII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. (Бахрушинские чтения, 1969). — Новосибирск, 1973. — С. 82, 88.

благодаря поморским крестьянам и купцам, решалась главная продовольственная проблема Сибири;

Наряду с земледелием в Сибири успешно развивались промыслы и ремесла.

На Руси была широко распространена переработка шерсти. Сермяжные сукна, валяная обувь, головные уборы, колпаки, плащи-епанчи встречались на всех рынках Поморья. Предметом первой необходимости являлось сермяжное сукно. Оно производилось и в городе, и в деревне. Многие сукна местного производства закупались на Благовещенской ярмарке на Ваге. Важское сукно через Устюг Великий направлялось в Сибирь. Крупные партии сермяжного сукна поступали на устюжский рынок из Ярославля и Вологды. Устюжские посадские люди закупали сермяжное сукно местного производства и сбывали его в Сибирь. Через важскую ярмарку и устюжский рынок ежегодно проходили тысячи аршин сукна.¹

К. В. Базилевич, изучая таможенные книги XVII века, обратил внимание на распространенное явление "привязки" товаров к определенным областям. Так, например, "ярославскими" называли зеркала. В Великом Устюге изготавливались уклад, ножницы, косы, горбуши, медные котлы, гвозди и многое другое. С Пинеги поступало "прядено" для неводов, с Мезени — "мезенские" пурты, добрые" и ножи, из Соли Вычегодской — "усольские" ножи простые и с припоем, медным, из Вятской земли — "вятские ложки, ножи простые, "чукрей", из Карелии — ложки, братины, карельский уклад, из Печорского края — "печорские" бруссы "малые".² Печорские точи и бруссы особо славились в те времена,

¹ Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве. XVII в. // Исторические записки. — М., 1950. — № 34. — С. 195—196.

² Базилевич К. Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. — М.; Л., 1933. — Сб. 1. — С. 118.

их можно было встретить на многих сибирских рынках: в Кунгуре, Верхотурье, Мангазее, Красноярске и Тобольске. Партии по тысяче и более брусков, привозимые на продажу, указывают не только на значительные масштабы скупки, но и на масштаб производства этих изделий в Поморье.¹ На всем протяжении XVII века "русские" товары, доставляли в Тобольск главным образом поморские купцы и торговцы, на долю которых приходилось в 1639—1695 годах от 43,4 до 72,7 процентов стоимости всех товаров:

Любопытный эпизод произошел в Енисейске в 1628 году. Присланный из Тобольска мельничник мастер, по происхождению "литвин", начал ставить казенную мельницу "без крепостей, не по-русски, на сваях" и не укрепил плотину. Только что построенную мельницу первой же "скопной" водой снесло "без остатка". Тогда воевода Василий Аргамаков поручил ставить новую плотину и "делать мельницу и колеса с русского обычая" гулящему человеку, северянину Филату Жернакову (возможно, уроженцу Холмогорского района, где эта фамилия широко распространена). Мельница была благополучно сооружена и успешно работала в течение многих лет.²

Из Поморья в Сибирь приходили и другие специалисты — ремесленники высшей квалификации.

В конце ноября 1623 года на одних санях в Верхотурье прибыли "из Заволочья" оконничники три брата Федоровых — Терентий, Панкрат и Гаврила. Поскольку таможня отметила, что "товару у них никакого нет", можно предполагать, что в Сибирь их привел не торговый интерес, а поиски заработка за счет своего мастерства.³

¹ Историческая география России: XII — начало XX в. // Сборник статей к 70-летию профессора Л.Г. Бескровного. — М., 1975. — С. 139.

² Александров А. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. — С. 166.

³ Историческая география России... — С. 134.

Пример стольного города Тобольска в этом отношении также весьма характерен. Так, кузнецами здесь работали Василий Дмитриев Нагибин родом с Тотьмы; Иван Денисов Кузнецов, Иван Иванов Юдин и Алексей Козмин — с Устюга Великого, шапочник Нефед Иванов Мыльников — сольвычегодец, овчинник Иван Аникеев — из Яренского городка, сапожник Афанасий — устюжанин. По данным 1698 года, 57 процентов тобольских кузнецов являлись выходцами из Великого Устюга, в котором кузнечный промысел был особенно сильно развит. Во второй половине XVII века тобольские кузнецы уже изготовляли косы, серпы, сошники, пищали, ядра, церковные колокола и многие другие изделия не только из привозного русского, но и из сибирского железа.

Убедившись в невозможности создать Тобольский посад за счет лиц, определенных в него по "указу", московское правительство решило перейти к формированию населения города "по прибору". Для этой цели тобольским воеводам было предписано "призывать" в сибирскую столицу "посадских людей из Перми и с Вятки из Солей", а также из других поморских городов. В результате в Поморье стали выдаваться отпускные памяти на проезд в "сибирские города, где будет мочно христовым именем голова кормить".¹ Крестьянский и ремесленный люд сразу воспользовался разрешением правительства. Среди первых переселенцев, прибывших в столичный Тобольск, было 193 выходца из Поморья, что составило 80,3 процента от всех новоселов. Среди них 83 человека были родом из Великого Устюга, из Соли Вычегодской — 25, с Ваги — 21, из Яренска — 10, с Мезени — 6, с Двины и Холмогор — по

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедиции Академии наук. — Т. III. — № 265.

5; из Каргополя — 4, с Сысолы и Пинеги — 3, из Кевролы и Архангельска по 2 человека.¹

В конце XVII века Тобольск превратился в самый крупный ремесленный центр Сибири, Приуралья и Прикамья. По количеству ремесленников он превзошел многие старинные города центральной России.²

Сохранилось описание Тобольска "глазами иностранцев". Вот рассказ о сибирской столице Н. Витсена: "Этот город Тобол лежит у соединения рек Тобола и Иртыша, которые обе впадают в реку Обь. Пониже этого города можно было недавно видеть около ста вновь поселившихся русских семейств. Здесь живет главный наместник Сибири. В монастыре, расположенном у реки Иртыш, близко у города, рядом с местечком Покровским обитает архиепископ. Благодаря похвальным стараниям Черкасского в Тобольске основаны две школы. В городе Тоболе поддерживают разные ремесла и таковых больше, чем в любом другом городе Сибири".³

В XVII веке славилось мастерство поморских плотников. Возведение деревянных острогов, домов, церквей, часовен, а также судостроение — вот основные отрасли применения их труда. Поэтому плотники были "хоромные", возводившие здания, и "судовые", строившие морские и речные суда. Правительство всегда интересовалось количеством этих специалистов. С этой целью на Двину был послан подьячий Новгородского приказа Исай Книжников, который передал местному воеводе распоряжение о поголовной переписи плотников как на

¹ Вилков О. Н. Тобольский посад XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVI—XIX вв.). — Новосибирск, 1968. — Вып. 3. — С. 42—43.

² Он же. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII веке. — М., 1967. — С. 25—26, 56—58.

³ Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. — Иркутск, 1968. — С. 24—25.

посадах, так и в уездах. Еще до получения окончательных результатов этой переписи удалось собрать сведения, что на Двине и в Двинском уезде плотников "с 500 человек", помимо тех 60, которые уже были высланы в Москву.

Кроме двинских, ценились плотники каргопольские, кеврольские, мезенские, вологодские, устюжские, сольвычегодские и вятские. На семи посадах и уездах Восточного Поморья: на Устюге Великом, Соли Вычегодской, Вятской земле, Чердыни, Соли Камской, Кайгородке и Яренске — лежала в течение первых трех четвертей XVII века обременительная повинность ежегодно посылать определенное количество плотников в Верхотурье для постройки судов, на которых развозился казенный хлеб по сибирским городам. Наибольшее количество плотников послали Устюг Великий — 14, Вятская земля — 7, Соль Вычегодская — 7. Наемную плату плотникам за постройку этих судов должны были давать посадские и уездные миры. Иногда, по ходатайству тяглых людей Поморья, эта повинность переводилась на деньги — по 20 рублей за каждое судно. Но на Верхотурье плотников катастрофически не хватало, и Москва постоянно возвращалась к требованию посылать не деньги, а плотников.¹

Значительное место среди повинностей пашенных крестьян занимали так называемые "государевы изделия". Вместе с посадскими и служилыми людьми крестьяне строили и ремонтировали острожные укрепления, мосты, дороги, морские и речные суда.

Город Енисейск также являлся крупным судостроительным центром. Обычно в год здесь строилось до двух десятков различных судов. В 1653 году в Енисейске

¹ Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. — Исторические записки. — М., 1950. — № 34. — С. 181—182.

было построено 202 дощаника "для даурской службы".¹

Суда, строившиеся в Сибири, были приспособлены для морского и речного плавания. В наказной памяти, отправленной в 1660 году на Охоту сыну боярскому Корнилию Скворцову, перечисляются "лодочного дела посуды", встречающиеся в этих местах: "суды, дощеники или шитики, каюки зырянские, и струги, и набойницы, и малые лодки и всякие большие и малые суда".²

Много поморских плотников и кузнецов трудилось в Сибири. Кочи для "мангазейского хода" строились в Верхотурском "плотбище" (место на берегу реки, род пристани, где вязались плоты и строили суда) — самой крупной в старину верфи Сибири. В 1597 году приказано было в новом городе Верхотурье "сделать три кочи, распрося вымич ратных людей Ваську Торибукина с товарищи, которыми идти в Мангазею, каковы кочи будет им надобе для морского ходу". В 1601 году Верхотурье получило заказ из Тобольска на постройку девяти кочей. В 1604 году по царскому распоряжению велено сделать там "15 морских судов, в которых судах идти в Мангазею".³ В 1614 году верхотурскому воеводе Степану Годунову было приказано "сделать для мангазейского ходу 10 кочей, а сделав те кочи, велено слать в Тобольск с хлебными запасами вместе, чтоб те кочи к мангазейскому ходу поспели".

Постройка большого парусного речного и морского флота Сибири требовала немалого числа судовых плотников. Среди них "кочевые мастера" считались мастерами высшей квалификации, так как умение строить кочи ценилось особо. В документах встречаются имена этих судовых кочевых мастеров. В 1671 году кочевые мастера

¹ Копылов А. Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. // Сибирь XVII—XVIII в. — Новосибирск, 1962. — Вып. 1. — С. 53.

² Скалон В. Н. Русские землепроходцы... — С. 163.

³ Архив Академии наук. — Ф. 21. — Оп. 4. — Кн. 2. — Л. 17; Кн. 21. — Л. 73, 84.

Иван Борисов и Василий Антипин на Усть-Кутском плотбище построили для "морского ходу" три коча.

Насколько высоко ценились кочевые мастера, наглядно показывает следующий пример. В 1610 году верхотурскому плотбищу потребовался "для морского кочевого дела в установщики плотник добрый, который б морские [кочи] делать умел". С указанием найти такого человека в поморские города Кевроль, Пинегу, Мезень и Каргополь были посланы специальные царские грамоты. Кочевой мастер был найден на Двине. Это был пинежанин, "плотник, человек добрый к морскому ходу, кочевому делу свычен". Направляя его в Верхотурье, двинской воевода напоминал, чтобы плотника вернули, "как судовое дело минетца".¹

В XVII веке большой размах приобрело в Верхотурье речное судостроение, здесь строились суда для перевозки, главным образом, хлебных запасов на жалование сибирским служилым людям. Судовые скобы и гвозди обычно закупались на сольвычегодском и устюжском рынках. Так, в 1624—1625 годах верхотурский таможенный подьячий Петр Третьяков и стрелец Иван Разум купили в Соли Вычегодской 22 тысячи скоб судовых, 4,5 тысячи гвоздей малых и тысячу гвоздей больших. В Устюге Великом они купили 3 тысячи скоб судовых и 1,5 тысячи гвоздей малых.

На Тобольском "плотбище" строились дощаники, однодеревки, обласы, крытые каюки, лодки-набойницы и другие суда. Ежегодно на рынке совершались многочисленные сделки купли-продажи этих судов. Большинство их покупалось у тобольских пашенных крестьян, являвшихся основными судостроителями.² Надо пола-

¹ Белов М. И. Арктические плавания и устройство русских морских судов... — С. 71—72.

² Вилков О. Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири... — С. 68.

гать, что большинство из них плотницким судовым мастерством овладели у себя на родине — в Поморье.

Больше того, на поморские города ложилась обязанность снабжать не только плотниками, но и кузнецами далекую сибирскую "украину", где остро ощущался недостаток квалифицированных кадров. В 1645 году в Кетский острог был направлен устюжский кузнец, а в 1648 году было велено послать на Березов "для всякого кузнешного и оружейного дела с Устюга Великого кузнеца доброго".¹

Поморы, двинувшиеся в Сибирь с конца XVI века, несли сюда не только трудовые, но и культурные навыки, свои традиции.

Среди первых русских переселенцев, осваивающих новый край, было немало грамотных людей. Это не случайно, ибо население Поморья составляло одну из самых образованных частей России. Об этом убедительно свидетельствуют сделанные поморами-землепроходцами "рукоприкладства" (рописи) на "скасках" и "роспростных" речах", отписках и челобитных, других документах. Поморы обладали своеобразной письменной культурой. В экспедициях и походах по Сибири они вели специальные писцовые книги, с тем чтобы записывать царский ясак и другие пошлины. Сохранился документ-отписка, в которой они писали, что "железа на подарки у нас нет и бумаги у нас писчей нет же".²

Весьма показательна для характеристики распространения грамотности торговля книгами, обусловленная большим спросом на них. С начала 40-х годов XVII века на рынках Мангазеи, Тобольска, Енисейска, Верхотурья, Тюмени всегда можно было приобрести книги. Убедительные данные об этом содержат так называемые

¹ Устюгов Н. Из истории Поморья в первой половине XVII в. // Вопросы истории. — 1946. — № 2—3. — С. 128—130.

² Богараз В.Г. Чукчи. — Л., 1934. — С. 38.

"церковные росписи" енисейской таможни за 1649 и 1687 годы, а также таможенные книги сибирских городов.¹ К этому можно добавить, что поморы, переселяясь в Сибирь, в числе самых необходимых вещей всегда брали с собой книгу или небольшую крестьянскую библиотеку.

Широкое распространение в Сибири получили жития святых, подвизавшихся в северном крае; — новгородских (Варлаама, Иоанна), двинских и каргопольских (Антония Сийского и Александра Ошевенского), соловецких (Зосимы и Савватия, митрополита Филиппа), устюжского (Прокопия Уродивого). По-видимому, северорусская литературная традиция была ближе русскому населению Сибири, формировавшемуся в основном из выходцев поморских уездов страны.

В 1624 году была основана Сибирская архиепископия, а в сан первого архиепископа был возведен архимандрит новгородский Хутынского монастыря Киприан. Ему принадлежит идея создания Синодика о Ермаке и его соратниках. По справедливому мнению историка П. П. Пекарского, составление Синодика укрепило за Киприаном славу первого историка Сибири, положившего "первое основание к сочинению... (сибирских — П. П.) летописей".²

До начала XVIII века в Сибири не было школ и в качестве частных учителей выступали писцы, подьячие, священники и просто грамотные люди. Юридическим оформлением отношений с такими учителями была запись обученичества, в которой излагались обязательства с

¹ Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1968. — С. 16.

² Пекарский П. П. История императорской Академии наук. — СПб., 1870. — Т. 1. — С. 335; Ромодановская Е. К. Синодик ермаковым казакам. // Известия сибирского отделения Академии наук СССР. — Серия общественных наук. — 1970. — № 11. — Вып. 3. — С. 14—21.

обеих сторон. В ряде случаев обучение грамоте соединялось с обучением ремеслу или торговому делу. Обучение детей было примитивным; ставившим целью научить их читать, писать и считать.

Среди "книжных людей" Сибири был Савва Есипов, автор сибирской летописи; справедливо называемый первым сибирским писателем.

В 70-х годах XVII века неизвестным автором была написана "Книга о взятии Сибирской земли"; известная в науке под названием Строгановской летописи. Ее появление связано со стремлением В.Г.Строганова обосновать права на свои владения в Сибири. Автор использовал материалы архива "именитых людей"; есть ссылки на их подлинные грамоты. Весьма вероятно, что в летописи имеются и фальсифицированные документы.

Более ценной работой по истории Сибири является "История Сибирская", составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 90-х годах XVII века. Автор использовал не только труды своих предшественников, устные рассказы землепроходцев, но и архивные материалы.

"История Сибирская" представляет собой целую серию рисунков, освещающих события, связанные с походом Ермака и начальным этапом присоединения Сибири; снабженных текстами, причем текст не всегда играет главенствующую роль в этом оригинальном произведении.

Кроме "Истории Сибири", из-под пера С.Ремезова вышли "История Тобольска града...", "Употребление Сибирской страны", "Описание Сибири" и другие произведения.

В 1701 году Семен Ульянович Ремезов закончил один из важнейших своих географических трудов — "Чертежную книгу Сибири". Она состояла из двадцати

¹ Устюгов Н. В. Научное наследие. — С. 97.

четырёх карт и восемнадцати чертежей. Особенность этой работы в том, что здесь изображены почти все сибирские города с прилегающими к ним землями, реками, рудниками, то есть всем, что знала географическая наука о Сибири в то время. Была в "Чертежной книге" и карта расселения народов племен Сибири.¹ Исследователь древнерусской литературы Н. А. Дворецкая отмечает, что Сибирские летописи и другие историко-географические произведения получили широкое распространение в Сибири, они также читались "посадскими, торговыми людьми и крестьянами: Соликамска, Соливычегодска, Устюга и Верхотурья".²

Русское население Сибири передавало из поколения в поколение былины, песни и предания, принесенные из Поморья. Особенно бережно хранило традиции русского фольклора старообрядческое население; в свадебных и других обрядах которого наиболее отчетливо прослеживается северорусская традиция.

Первыми носителями народного театрального искусства русских в Зауралье были скоморохи, пришедшие в Сибирь из поморских областей Русского государства с первыми переселенцами в конце XVI века. Стоглавый собор скоморошье ремесло назвал "позором бесовским", а Домострой утверждал, что на том свете плясунов-игрецов и прочих потешников ожидают ад и геенна огненная. Преследуемые скоморохи уходили в Поморье, а позднее в Сибирь.

Скоморохи как деятели народного театра представляли самые различные направления народного искусства. Среди них были песенники, плясуны, музыканты, кло-

¹ Эристов Б. "Чертеж всей Сибири" // Отечество: Краеведческий альманах. — М., 1995. — С. 40—41.

² Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // Труды отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1957. — Т. XIII. — С. 468.

уны, дрессировщики медведей и собак, кукольники. Сибиряки увлекались шахматами, лыжным катанием с гор, бабками и городками, кулачными боями. Зимой любимым их развлечением, как и в Поморье, особенно в святочные праздники и на масленицу, было ряжение в маски, катание с ледяных гор, взятие снежных крепостей.¹

В течение XVII века в Сибири повсеместно стали создаваться монастырские обители. Несмотря на то, что они возникали в условиях весьма сдержанного отношения правительства к росту монастырского землевладения, все они получали земельные пожалования, земельные вклады частных лиц, кроме того, монастыри прикупали землю. Самым значительным землевладельцем такого типа был тобольский Софийский дом, начавший получать земли уже с 1628 года. За ним следовали тридцать пять монастырей, возникших по всей территории Сибири от Верхотурья и Иркутской слободы до Якутска и Албазина.²

Велика роль северных монастырей и священников в распространении русской культуры и образования среди местного и русского населения Урала и Сибири. Монах, отшельник, старец стал первым русским землепроходцем в пределах верхнего течения Камы с речками "от устьев и до вершины". Около 1570 года в этих местах остановился монах-отшельник Трифон, уроженец "нарицаемой Мезени". Он поселился среди остяков и вогулов, крестом и Евангелием приводил их к православию, искоренял языческие верования и обряды. Вслед за ним "из северной страны" двинулись "встречь солнца" и другие монахи и отшельники. На правом берегу Камы, на месте города Оханска, уже в 1668 году появилась "Соловецкая пустынь Оханской монастырь над рекой

¹ Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири... — С. 27—29.

² История Сибири... — Т. 2. — С. 66.

Камо́й". Начало этому поселению положили выходцы из Соловецкого монастыря. Вслед за ними потянулись и первые "вкладчики" — Петрушка Афонасьев сын Сертеган Соли Вычегодской да Фомка Иванов сын Русинов Галичанин.

С беломорского Севера пришли монахи — первые русские и туда, где позже возник городок Оса. Писцовая книга Палицына и Аристова 1596 года упоминает "часовню черного священника Ионы Прокофьева Пошехонца да старца Арсения Мезенца, а строит тот Государев богомолец монастырь во имя Преображенья Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да Изосима и Савватия Соловецких чудотворцев". Осинская слобода, а затем городок стала оплотом русского влияния среди населения Башкирии, а первым русским был выходец из далекого Соловецкого монастыря поп Иона Пошехонец. "Каков поп, таков и приход" — гласит русская пословица. Северянин Иона развернул энергичную деятельность по созданию святой обители. В 1602 году Иона Пошехонец испросил у царя Бориса лесу для постройки Верхотурского Николаевского монастыря, а через два года сам отправился в Москву с ходатайством о "церковном строении". Примечательно, что в 1717 году в этом монастыре была устроена одна из первых школ: "по указу великого государя, в Верхотурском уезде, где найдутся ребята, згумые к ученью, брати и учити их прилежно; и буде возможно и в Тобольск отсылать в дом архиерейский с верными ездоками к ученью, где многие новокрещенных ребята учатся грамоте".¹ А первая в Сибири и вторая в России провинциальная школа для подготовки низшего звена церков-

¹ Трапезников В. Очерки истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV—XVII вв.) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. — 1911. — № 15. — С. 205—206.

нослужителей была открыта в Тобольске при архиерейском доме в 1702—1703 годах.¹ Тобольскую школу церковь использовала также для подготовки миссионеров из детей местных народов.²

Монастыри, возникавшие на Урале, были в основном небольшими. Так, Пыскорский Преображенский монастырь, основанный в 60-х годах XVI века, насчитывал кроме игумена, келаря, казначея и 4 священников 19 человек братии. Невелики были и угодья, принадлежавшие монастырю: всего 32 четверти в поле монастырской пашни, 12 четвертей — крестьянской, 20 десятин пашенного леса и 16 четвертей перелого. Солиднее выглядело сенокосное хозяйство: 1350 копен ставил монастырь и 200 копен — крестьяне. Все это дополнялось одной соляной варницей и двумя мельницами.³ В конце XVI века количество "братии" достигло 36 человек, на речке Пыскорке стояла соляная варница, а также три мельницы. В подмонастырской слободке жили крестьяне, а в починке на реке Лысве у мельницы — "монастырские детеныши".⁴ Пыскорский Преображенский монастырь стал ставропигиальным и был подчинен непосредственно московским митрополитам.

Чердынский Богословский монастырь имел сходные хозяйственные показатели, судя по жалованной грамоте 10 августа 1580 года, утверждавшей неподсудность монастыря и его населения великопермскому наместнику и его должностным лицам.⁵

На енисейском Севере ощущалось экономическое вли-

¹ История Сибири... — Т. II. — С. 164.

² Базанов А. Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). — Л., 1936. — С. 22—24.

³ Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской... — С. 98.

⁴ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 460.

⁵ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 16.

яние туруханского Троицкого монастыря. Его основатели оказались прозорливее местных и московских администраторов. Монастырь был воздвигнут в 50-х годах XVII века на самом Енисее около устья Нижней Тунгуски в 30 верстах от Туруханска на крутом берегу, господствовавшем над окрестностями.

Сравнительно быстро монастырь вытеснил двух предпринимателей и только с 1689 по 1724 годы скупил у них 12 зимовий вниз по Енисею.

После уничтожения Мангазеи энергичный "строитель" монастыря "черный поп" Тихон в марте 1670 года перевез в монастырь сибирскую святыню — мощи Василия Мангазейского, чтимого поморскими промышленниками как их покровителя.¹ Это обеспечило монастырю приток богомольцев и вкладчиков, а братия, питавшаяся ранее "травой и рыбою", стала богатеть и расти. Эта монастырская обитель стала не только крупнейшим землевладельцем, но и организовала крупное соляное производство.

В 1601 году столица Сибири Тобольск обрела второй монастырь во имя Зосимы и Савватия.² И это не случайно, так как большинство жителей этого города были выходцами из Поморья, а они особо почитали своих святых.

Как и на Русском Севере, монастыри Сибири становились духовными и культурными центрами своих провинций. Здесь находились книжные собрания, открывались школы для юношей и подростков, содержались иконописные мастерские, развивались художественные промыслы, связанные с обработкой дерева и металла, а также вышивка. Монастырские обители внесли неоценимый вклад в развитие всех сфер материальной и духовной культуры Сибири.

¹ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. 1. — С. 339—341.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень... — С. 45.

К концу века в Сибири насчитывалось тридцать шесть монастырей. Наиболее крупным землевладельцем был Тобольский Софийский дом. По данным 1719 года, он владел Покровской, Тавдинской и Усть-Ницынской слободами и селами Преображенским и Воскресенским, к которым была приписана 51 деревня. В этих 56 населенных пунктах имелось 712 дворов с 2131 душой мужского пола.

Значительными земельными владениями обладал Тобольский Знаменский монастырь, которому принадлежали 34 деревни, 1 село с 220 дворами, в которых насчитывалось 792 души мужского пола. Успенский Далматов монастырь владел одним селом и 12 деревнями, в которых было 137 дворов с 1079 душами мужского пола.¹ Роль сибирских монастырей в деле заселения Сибири еще ожидает своих исследований.

Живопись в Сибири XVI—XVII веков была представлена преимущественно иконописным искусством. У первых русских сибиряков все предметы хозяйственно-бытового и культурного обихода, в том числе и иконы, были привезены с Русского Севера. Строители церквей и монастырей заказывали на Северной Руси изготовление целых иконостасов. Однако очень скоро в Сибири стали появляться свои иконописцы. Вначале это были выходцы с Поморья. Так, в первые годы XVII века в Сибирь переселился из Великого Устюга "иконник" Спиридон — родоначальник известного в XVII—XVIII веках в Тюмени купеческого дома. Он написал весьма чтимую в этом городе икону "Знамения Божия Матери" (для Знаменской церкви). В Сибири сложилась своя манера художественного письма, отличная от московского, строгановского и других стилей. Сибирские школы не от-

¹ Шунков В. И. О феодальном строе сибирской деревни... — С. 79—80.

личались высокими художественными достоинствами, но имели свои особенности, импонировавшие местному населению.¹ Не позднее начала 30-х годов XVII века в Тобольске при сибирском архиепископе появились специальные иконописные мастерские для обучения иконописному искусству, детей. Первые мастера-наставники были выписаны из Устюга Великого и Соли Вычегодской. В этих мастерских обучались также резчики по дереву, изготавливавшие церковные иконостасы.²

Русская архитектура в Сибири до конца XVII века представлена исключительно деревянным зодчеством. Древняя Сибирь была лесной страной. Лес для сибиряка был родной стихией. "Возле леса жить — голода не видеть". Лес защищал, кормил, одевал, грел, давал "мягкую рухлядь" для торговли. В былинах, песнях, сказках часто встречаются "белокурая кудрявая березка", "зеленая елочка", "горькая осина" и "красная сосна". В этих эпитетах чувствуется особая любовь русского человека к лесу.

Занятие землепроходцами новой территории сопровождалось постройкой зимовий. Жильем помора была курная рубленая изба с плоской крышей и волоковыми окнами. Более сложным сооружением было зимовье, состоящее из срубленной избы с "нагороднями" — продолжением стен сруба, поднимавшимися над перекрытиями. Такие зимовья сооружались для небольших гарнизонов служилых людей — "годовальщиков".

Иногда на месте зимовья возникал "городок" — укрепленный сторожевой пост, окруженный деревянной стеной из бревен, поставленных вертикально и заостренных в верхней части. Отсюда название — "острожек". Иногда эти городки окружали тыновой "стоячей"

¹ Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири... — С. 29—30.

² История Сибири... — Т. 2. — С. 171.

или "косой" оградой без башен или с рублеными башнями. Для выбора места под острог по царскому указу или воеводскому наказу посылались в разведку служилые люди, которые затем составляли "доезды" (отчеты) о пройденном пути. В этих документах учитывались природные и стратегические условия в районе будущего острога, сухопутные и водные пути, пахотные, охотничьи и рыболовные угодья. Если место было выбрано удачно, сооружался постоянный острог с более основательными укреплениями. Их строительство возлагалось на население в форме феодальной повинности — "государевых изделий". Иногда строительство таких сооружений выполнялось всем "миром"; собирались деньги и нанимались плотники. Так, постройка Китайского острога обошлась приписанным к нему крестьянам в 500 рублей, а возведение Колчеданского острога — в 400 рублей.¹ Строительство зимовьев, острожков и острогов было хорошо продуманным. Взглянув на карту Сибири, мы увидим, что построенные землепроходцами первые опорные пункты русского влияния и культуры впоследствии вырастали в города и крупные поселения.²

Более солидными укреплениями были города-крепости, построенные на главных путях, ведущих в Сибирь. В 1586 году отрядом служилых людей под командованием воевод И. Мясного и В. Сукина на месте татарского городка Чимга-Турь была заложена деревянная крепость Тюмень. Летом 1597 года казачий отряд Даниила Чулкова на высоком берегу Иртыша, против устья реки Тобола начал строить Тобольск. Посланный в 1604 году отряд, состоявший из тобольских и тюменских служилых людей под командой казачьего головы Г.И. Писемского и В.Ф. Тырнова, заложил на реке Томи крепость Томск; внутри которой располагались основные

¹ История Сибири... — Т. 2. — С. 81.

² Скалон В. Н. Русские землепроходцы... — С. 153.

казенные здания: воеводская изба, амбары, гостинный двор, таможенная изба, церковь.¹

В сибирской церковной архитектуре XVII века выделяется несколько основных типов храмов. Первый представлен наиболее древним и простым видом церковных строений северорусского происхождения, так называемым клетским храмом. Типичным образцом этого типа церковного зодчества является Введенская церковь в Илимске (1673 г.).

Другим типом северорусских построек, привившихся в Сибири, была шатровая церковь. Она обычно состоит из трех частей, главнейшая из которых представляет собой обширный четырех- или восьмигранник, заканчивающийся вверху восьмигранной пирамидой в виде шатра. Шатер увенчивается небольшим куполом луковичной формы. Шатровые колокольни имели верхоленская Богоявленская церковь (1661 г.), иркутская Спаская (1684 г.), церковь в Зашивенске (конец XVII в.).² По сохранившемуся преданию, Спасо-Зашивенская церковь была построена уроженцем Поморья, жителем древнего Зашивенска Андреем Хабаровым.³

Гражданская деревянная архитектура Сибири отличалась большой простотой и строгостью. Дома и избы строились из больших бревен, рубились они топором "в обло". Пол делался из половинок бревен, положенных вверх плоской стороной. Вверху, на стыке скатов крыши, концы досок перекрывались толстым выдолбленным снизу бревном — "охлупнем", "шеломом", или "коньком". Как и в Поморье, в строившихся домах обязательно

¹ Апполова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976. — С. 64—65.

² Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири... — С. 34—35.

³ Окладников А. П., Гоголев Э. В., Ащенко Е. А. Древний Зашивенск: Древнерусский заполярный город. — М., 1977. — С. 39.

прокладывали мох между звеньями бревен сруба. Характерной чертой русского быта сибиряков была баня. Она, как и в Поморье, использовалась не только в санитарно-гигиенических, но и в лечебных целях. Обычно острог, городок, деревня располагались на берегу реки или озера. Архитектурный облик сибирского городка в целом мало чем отличался от северорусского.

Заселение обширного Верхнего Приобья происходило с севера европейской части России. Этот вывод, сделанный на основе архивных материалов, подтверждается современными этнографическими исследованиями, согласно которым общий облик и внутренняя планировка домов, а также хозяйственные постройки алтайских старожилов относятся к северорусскому типу.¹ Этот вывод можно распространить и на другие районы Сибири и Дальнего Востока.

Известный историк М. М. Богословский в своей фундаментальной работе "Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке", писал о том, что северорусский тип жилища существовал в Поморье в XVII веке. Историк В. Витов на основе проведенного исследования утверждает, что северорусский тип жилища сложился уже к XVI веку. "О преемственной связи сибирского жилища с поморским свидетельствуют, в частности, документы 1650 года о том, что выходцы из Заонежских погостов и Обонежской пятины в Енисейском уезде "плотничали хоромы и всякое дело". Поморы всегда были прекрасными плотниками и, быть может, они приходили в Сибирь на промысел. В книге поголовного денежного сбора с торговых промышленных и гулящих людей, взимавшегося енисейской таможней, есть упоминание об уплате в июне 1667 года "голов-

¹ Липинская В. А. Поселения, жилища и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. — М., 1969. — С. 75.

щины" целой артелью плотников в 14 человек, большинство из которых пришло из Поморья. Следует также отметить, что термин, употребляемый в сибирских документах XVII века для определения жилого помещения, — "хормное строение", принесен, конечно, с Русского Севера, где он бытует до настоящего времени (дом — "хоромы").¹

Деревянные постройки Сибири: избы, церкви, амбары — свидетельство плотницкого мастерства их создателей-северян. "Здесь можно увидеть все," — пишет об архитектуре Якутска Н. П. Крадин, — и традиционные якутские постройки, сделанные под влиянием русского деревянного зодчества, и чисто русские, словно принесенные сюда откуда-нибудь из Архангельской губернии".²

Численность и состав населения городов Сибири связаны с миграционными потоками людей из Поморья. Служилое население с появлением первых сибирских городов формировалось, главным образом, за счет переведенных в Сибирь "на вечное житье" отрядов правительственных войск из северных городов Русского государства, а также за счет людей, набираемых на добровольных началах в Поморье. В 1636 году гарнизоны Тобольска, Тюмени и Тары значительно пополнились служилыми людьми из Холмогор, Каргополя, Вологды и Великого Устюга. В 1623 году в Тобольске среди 22 улиц и тупиков наиболее населенными были Воскресенская, Зырянская и Устюжская.

В 1623 году пелымский воевода Иван Вельяминов вспоминал о служивших в его городе в конце XVI века "холмогорцах" и других ратных людях.³ В 1635 году

¹ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. — С. 169—170.

² Крадин Н. П. Старый Якутск // Памятники Отечества. — М., 1990. — № 2. — С. 95.

³ Миллер Г. История Сибири... — Т. 2. — № 207.

только в Тюмень было прислано 500 стрельцов из Холмогор, 400 из которых были записаны в конную службу. Во главе новоприсланных пеших и конных северян стояли "сотники", подчинявшиеся "стрелецкому голове".¹ Казачьи гарнизоны набирались из "охочих людей всякого звания" в северных городах России. Так, в 1630 году дворянин Г.Шестаков в Вологде, Тотьме, Великом Устюге и Сольвычегодске набрал в казачьи отряды 500 человек. В географических наименованиях стрелецких и казачьих сотен кроме местных тобольских, татарских, тюменских сохранились и названия сотен, переведенных из Поморья, — холмогорских, каргопольских, устюжских и других.²

Пришельцы из Поморья принесли в далекую Сибирь не только свои формы социального устройства и трудовой организации, но и свою северную культуру, которая, приспособляясь к местным условиям, продолжала развиваться как составная часть общерусской культуры.

¹ Никитин Н. И. Служилые люди... — С. 37.

² Апполова Н. Г. Указ. соч. — С. 74, 78.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА мореплавания на северо-востоке Сибири в XVII веке¹

№№ пп	От- прав- ление	При- бытие	Мореходы	Участки пройден- ного по морю пути (места назначений).
1	2	3	4	5
1	1633	1633	к. Иван Ребров с отрядом (коч)	Жиганск — Оленек
2	1633	1635	п/д Илья Перфирьев с отрядом служилых и промышленных людей (коч)	Жиганск — Яна
3	1636	1636	д. Елисей Юрьев Буза с отрядом торговых и промышленных людей (коч)	Якутск — Оленек
4	1637	1637 осень	д. Елисей Юрьев Буза с отрядом торговых и промышленных людей (коч)	Якутск — Омолоева губа (Яна)
5	1637	1637	п/д Илья Перфирьев с отрядом служилых и промышленных людей (коч)	Яна — Жиганск
6	1637	1637	к. Иван Ребров с товарищами	Оленек — Яна
7	1638 лето	1638 лето	д. Елисей Юрьев Буза с отрядом (коч)	Яна — Чендон
8	1638	1638	к. Иван Ребров с отрядом промышленных и гулящих людей (коч)	Яна — Индигирка
9	1639 после 17 июня	1639	Дружина Чистяков с казаками (дошаник)	Якутск — Оленек

¹ Печатается по: Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах // Сборник документов о великих географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке. — Л., 1952.

1	2	3	4	5
10	1641 лето	1641 лето	п/д Федор Чюрка (коч)	Якутск — Чуркин мыс (Индигирка)
11	1641	1641	Промышленные люди Вижемцев и Тверяков (кочи)	Якутск — разбило за Яной
12	1641 лето	1641 лето	к. Иван Ребров (коч)	Индигирка — Якутск
13	1642	1642	д. Елисей Юрьев Буза	Яна — Якутск
14	1642 лето	1642 лето	к. Дмитрий Зырян с отря- дом служилых и промышен- ных людей (коч)	Индигирка — Алазея
15	1642 лето	1642 лето	к. Михаил Стадухин и Семен Дежнев с отрядом ка- заков (коч)	Индигирка — Алазея
16	1642 июль	1642 осень	к. Максим Телицын (2 коча)	Якутск — Оленек
17	1642 лето	1642 осень	к. Иван Иванов Ребров, тор- говые люди: Андрей Дубов, Федот Алексеев и др. (кочи)	Якутск — Оленек
18	1643 лето	1643 лето	к. Дмитрий Зырян, Михаил Стадухин, Семен Дежнев и др.	Алазея — Колыма
19	1643	1643	Торговый человек Елизарий Тимофеев с товарищами (кочи)	Оленек — Якутск
20	1643 лето	1643 осень	Промышленные люди: Иван Корепанов, Иван Ожега (коч)	Индигирка — Жиганск
21	1643 лето	1643 осень	к. Федор Чюкичев, Андрей Горелый, Прокопий Красно- яр, Третьяк Алексеев, тор- говый человек Епифан Во- лынкин (коч)	Индигирка — Жиганск
22	1644 лето	1644 осень	Торговые люди: Епифан Во- лынкин, Богдан Евдокимов Зырян (коч)	Якутск — Инди- гирка

1	2	3	4	5
23	1644	1644	Группа торговых и промышленных людей во главе с Филиппом Васильевым (коч)	Оленек — Омолоева губа (Инди-гирка)
24	1644, лето	1644, осень	к. Лаврентий Григорьев и Иван Ерастов с промышленными людьми (коч)	Инди-гирка — Жиганск
25	1645, лето	1645, лето	Торговые и промышленные люди во главе с Петром Новоселовым (коч)	Якутск — Колыма
26	1645, лето	1645, осень	к. Михаил Стадухин, отряд торговых и промышленных людей во главе с Афанасием Андреевым (кочи)	Колыма — Жиганск
27	1645, лето	1645, лето	Торговый человек Михаил Стахеев Гусельников, Иван Пологовор и покрученники (коч)	Якутск — Инди-гирка
28	1646, лето	1646, лето	Промышленные люди: Исай Игнатъев, Мезенец, Семен Алексеев Пустозерц с товарищами (коч)	Колыма — Чаун-ская губа
29	1646, июнь	1646, октябрь	Торговые и промышленные люди: Михаил Стахеев Гусельников, Федор Федоров Голой и др. (кочи)	Инди-гирка — Жиганск
30	1646, июнь	1646, октябрь	к. Григорий Фофанов с ясной и десятинной казной (коч)	Колыма — Жиганск
31	1646, июнь	1646, глухая осень	к. Андрей Горелый с отрядом	Якутск — Инди-гирка
32	1647, лето	1647, осень	Торговый человек Михаил Стахеев Гусельников с покрученниками, кормщик Иван Никифоров (2 коча)	Якутск — Яна — Святой Нос
33	1647	1647	Торговые люди: Андрей Ко-сицын, Второй Едомский	Якутск — Инди-гирка

1	2	3	4	5
34	1647 15 июня	1647 9 сен- тября	Торговые люди Петр Ново- селов (2 коча)	Колыма — Жи- ганск
35	1647 15 июня	1647 9 сен- тября	Торговые люди: Кирилл Ружников (коч); Иван Ни- китин Белый (коч), Мартын Никитин (коч)	Колыма — Жи- ганск
36	1647 июнь	1647 осень	с. б. Василий Власьев, тор- говый человек Кирилл Кот- кин с отрядом казаков (коч)	Якутск — Чуркин мыс, зимовали на Яне
37	1647 июнь	1647 осень	к. Алексей Олень (коч)	Оленек — Якутск
38	1647 июль	1647 осень	Беглые казаки во главе с п/д Иваном Ретькиным (кочи)	Якутск — Чуркин мыс, вернулись на Яну
39	1647 20 июня	1647 конец июня	к. Федор Чюкичев (карбас)	Индигирка — Алазея
40	1647 лето	1647 осень	д. Кузьма Лошаков с отря- дом (коч)	Якутск — Устьянск
41	1647 июнь	1647	Отряд торговых и промыш- ленных людей во главе с Се- меном Дежневым, на 4-х кочах	Нижнеколымск — море (Анадырь). Вернулись из-за больших льдов
42	1647 июль	1647 осень	д. Михаил Стадухин с от- рядом охочих служилых людей (коч)	Якутск — Чуркин мыс. Зимовал на Яне
43	1647 лето	1647 лето	к. Иван Кузмин Беляна (коч)	Колыма — Алазея
44	1648 лето	1648 осень	к. Сергей Артемьев, торго- вые люди: Степан Иванов, Григорий Корытов, Василий Иевлев и др. (кочи)	Колыма — Жи- ганск
45	1648 лето	1649 не позже весны	53 торговых и промышлен- ных человека: Матвей Юрьев Коткин, Андрей Ба- лакшин, Иван Синицын,	Лена — (Инди- гирка — Колыма).

1	2	3	4	5
			Семен Шубин, Матвей Лукьянов, Михаил Баев (на кочах)	
46	1648 июнь	—	к. Иван Беляна, Любим Лентьев (коч)	Алазея — Лена
47	1648 лето	1648 10 сентября	п/д Константин Стефанов Дунай (коч)	Якутск — Уяндинское (Нижнее Индигирское)
48	1648 лето	1648 после 20 июня	к. Михаил Стадухин, Иван Борисов Пинега и др.	Индигирка — Колыма
49	1648 20 июня	1648 октябрь	Морской поход Семена Дежнева на Анадырь (7 кочей)	Нижнеколымск — Олюторский, п-ов
50	1648	1648	к. Иван Ерастов (карбас)	Индигирка — Алазея
51	1649 лето	1649 4 сентября	к. Второй Гаврилов, торговый человек Третьяк Заборец и др. (коч)	Нижнеколымск — Жиганск
52	1649 июль	—	Торговый человек Петр Курочкин, Василий Мощенников и др. (кочи)	Лена — Индигирка — Колыма
53	1649 лето	1649 осень	д. Панфил Мокрошубов с отрядом (коч)	Лена — Хрома (Алазея)
54	1649 июль	1649 8 сентября	Михаил Стадухин с отрядом промышленных и служилых людей (кочи)	Нижнеколымск — Шелагский мыс (Анадырь)
55	1650 лето	1650 осень	к. Тимофей Булдаков, Фома Кондратьев, Пантелей Мокрошубов, Андрей Горелый. Торговые люди: Никита Ворыпаев, Василий Курочкин и др. (6 кочей)	Жиганск — Индигирка (Алазея, Колыма)
56	1650	1650	Торговые люди: Андрей Косицын, Алексей Тало-	Индигирка — Жиганск

1	2	3	4	5
			вик, Никон Меженец, Петр Осколков, Иван Широкий и др., всего 20 чел. (коч)	
57	лето 1650	осень 1650	к. Иван Жаворонков, Ла- зарь Аргунов, с собольной казной (коч)	Индигирка — Жиганск
58	лето 1650 лето	осень 1650 осень	Торговые люди: Янов Сте- панов, Афанасий Леонтьев (кочи)	Индигирка — Жиганск
59	1650 лето	1650 27 ав- густа	к. Мамон Мартынов, Про- копий Иванов Краснояр, Лю- бим Меркурьев, про- мышленные люди с соболь- ной казной (коч)	Колыма — Жи- ганск
60	1650 лето	1650 27 ав- густа	Торговые и промышленные люди: Алексей Едомский, Степан Вятка, Федор Лап- тев, Второй Едомский, Юрий Селиверстов, Матвей Коткин и др. Всего 26 чел. (кочи)	Колыма — Жи- ганск
61	1650 лето	1650 осень	п/д Борис Оноховский с от- рядом (коч)	Якутск — Омо- лоева губа (Яна)
62	1650 лето	1650 осень	к. Бессон Григорьев с отря- дом	Якутск — Оленек
63	1650 лето	1651 осень	с. б. Василий Власьев, тор- говые люди: Кирилл Коткин, Иван Осколков и др. с со- болиной казной (коч)	Колыма — Якутск
64	1651 лето	1651 осень	к. Юрий Селиверстов, Гав- рило Алексеев и др. (коч)	Якутск — Святой Нос (Анадыр). Зимовали на Яне
65	1651 лето	1651 осень	Торговые люди: Семен Ива- нов, (коч), Максим Бушков- ский (коч), Юрий и Афа- насий Григорьевы (коч), Шаньга (коч)	Якутск — Святой Нос (Индигирка, Колыма)

1	2	3	4	5
66	1652 лето	1652 лето	к. Юрий Селиверстов, Гаврило Алексеев и др. (коч)	Яна — Колыма
67	1652 лето	1652 лето	Торговые люди Семен Иванов и др. Всего 27 чел. (кочи).	Яна — Колыма
68	1652 август	1652 7 сентября	к. Василий Бурлак с отрядом (коч)	Устье Лены — Индигирка
69	1652 лето	1652 осень	п/д Иван Иванов Ребров, торговый человек Василий Клеунов с отрядом служилых людей (коч)	Якутск — Алазея (Колыма)
70	1652 май	1652 осень	к. Федор Чюкичев с отрядом (коч)	Якутск — Алазея
71	1652 июнь	1652 осень	к. Третьяк Алексеев, Михаил Шадра с отрядом (коч)	Якутск — Алазея (Хрома).
72	1652 лето	1652 осень	к. Кузьма Суздалец (коч)	Якутск — Оленек
73	1652 лето	1652 осень	к. Бессон Григорьев (коч)	Оленек — Якутск
74	1653 8 июля	1653 8 сентября	к. Тимофей Буддаков, Второй Катаев, Прокопий Артемьев. Торговые люди: Семен Шубин, Матвей Колупаев Казанец, Иван Сидницын, Яким Кондратьев и др. (коч)	Колыма — Яна (Якутск)
75	1653 лето	1653 август	п/д Алексей Яковлев Олень (коч), п/д Иван Кожин (коч), к. Иван Овчинников (коч), торговые люди: Максим Иван Бушковский (коч), Любим Казанец, Василий Горбов, Ждан Власов и др.	Якутск — Омолоева губа (Колыма, Алазея, Индигирка).
76	1653 май	1653 август	к. Кузьма Суздалец с отрядом (коч)	Якутск — Оленек

1	2	3	4	5
77	1653 лето	1653 лето	к. Григорий Иванов Тотмнин	Олёнок — Жиганск
78	1654 лето	1654 лето	к. Фома Кондратьев, торговый человек Осип Иванов (кочи)	Индигирка — Жиганск
79	1654 лето	1654 осень	п/д Константин Дунай (коч)	Якутск — Колыма
80	1654 лето	1654 осень	п/д Василий Бурлак, торговые и промышленные люди (30 чел., кочи)	Индигирка — Жиганск
81	1654 лето	1654 осень	п/д Иван Иванов Ребров с отрядом. Торговые люди: Никита Ворыпаев, Василий Протопопов и др. (кочи)	Колыма — Жиганск
82	1655 лето	1655 осень	Торговый человек Иван Катаев и Яков Вятка (кочи)	Якутск — Колыма
83	1655 лето	1655 осень	Торговый человек Прокопий Аминев (коч)	Якутск — Индигирка
84	1655 лето	1655 осень	с. б. Кирилло Ванюков с отрядом (коч)	Якутск — Индигирка
85	1656 лето	1656 осень	с. Амос Михайлов и торговый человек Петр Афанасьев с отрядом (коч)	Якутск — Омолоева губа
86	1656	1656	к. Юрий Селиверстов с отрядом торговых и промышленных людей, Данил Вятка и др.	Колыма — Жиганск
87	1656 лето	1656 осень	к. Степан Вилюй, Василий Бугор и др. (коч)	Колыма — Омолоева губа (Якутск)
88	1656 лето	1656 осень	д. Андрей Горелый (коч)	Якутск — Омолоева губа (Зашиверск)
89	1657 лето	1657 осень	п/д Иван Кожин; к. Гаврила Алексеев и др. (коч)	Якутск — Омолоева губа (Яна — Колыма)

1	2	3	4	5
90	1657 июль	1657 сен- тябрь	с. б. Константин Дунай, тор- говые люди: Максим Пар- феньев, Григорий Аникеев и др. (кочи)	Колыма — Жи- ганск
91	1657 лето	1657 осень	Торговые люди: Матвей Во- рыпаев и др. (коч)	Индигирка — Лена
92	1657 лето	1657 лето	Торговый человек Любим Казанец и др. (коч)	Якутск — Яна
93	1657 лето	1657 осень	к. Федот Емельянов Ветош- ка с товарищами (коч)	Колыма — Омо- лоева губа (Якутск)
94	1658 лето	1658 лето	к. Степан Вилуй, Федот Емельянов Ветошка, Васи- лий Бутор и др. (коч)	Омолоева губа — Якутск
95	1658 лето	1658 осень	к. Лазарь Аргунов и торго- вый человек Иван Творогов (коч)	Якутск — Инди- гирка
96	1658 лето	1658 осень	с. б. Курбат Иванов, к. Юрий Селиверстов (коч), торговый человек Алексей Ворыпаев (коч)	Якутск — Колыма
97	1658 лето	1658 глухая осень	к. Семен Иванов Чюхчерем, Григорий Горбун с ясачной и десятинной казной (коч)	Уяндинское зимо- вье — Хрома. Зи- мовали на Яне (Якутск)
98	1658 лето	1658 осень	д. Андрей Горелый с отря- дом(коч)	Якутск — Омо- лоева губа (Ала- зая)
99	1658 лето	1658 осень	п/д Василий Бурлак с от- рядом(коч)	Якутск — Омо- лоева губа (Зави- шерск)
100	1658	1658	к. Никита Семенов, Артемий Осипов и др. (коч)	Колыма — Жи- ганск
101	1659 17 июня	1659 осень	к. Андрей и Герасим Цы- пандины, Иван Симонов, торговые люди: Лука Ощен-	Индигирка — Святой Нос (Лена)

1	2	3	4	5
			ков, Петр Парфеньев, Карп Иванов, Яким Николаев Холмогорец, Афанасий Данилов и др. (коч)	
102	1659 лето	1659 лето	Торговый человек Любим Казанец (коч)	Колыма — Индигирка
103	1659 лето	1659 8 сентября	п/д Иван Кожин, к. Гаврило Алексеев, торговые люди: Иван Дорофеев, Федор Лаптев и др. (коч)	Колыма — Жиганск
104	1659 22 июля	1659 осень	Торговые люди: Иван Катаев, Григорий Варфоломеев и др. (коч)	Колыма — Хрома (Лена)
105	1659 лето	1659 осень	Торговый человек Петр Афанасьев к. Григорий Горбун и др. (коч)	Яна — Колыма
106	1660 лето	1660 осень	с. б. Курбат Иванов и 22 промышленника (коч)	Анадырь — Чукотский мыс. Вернулись на Анадырь
107	1660 лето	1660 осень	Торговые люди: Андрей Юрьев Косицын, Прокопий Аминев Москвитин, Емельян Яковлев Ворыпаев и др. служилые люди: Дружина Чистяков, Григорий Горбун	Колыма — Жиганск
108	1660	1660	д. Андрей Горелый, торговые люди: Карп Андреев и пр. (кочи)	Якутск — Омолоева губа (Индигирка)
109	1660	1660	к. Никифор Ворыпаев, Никифор Тюрин, с. б. Второй Катаев, Никита Ворыпаев (кочи)	Якутск — Колыма
110	1660 лето	1660 осень	к. Лазарев Савва и Аргунов (коч)	Индигирка — Жиганск — устье Лены
111	1661 лето	1661 осень	с. б. Иван Родионов Ерастов, к. Семен Дежнев (коч),	Колыма — Жиганск

1	2	3	4	5
			торговый человек Степан Журливый и др. (коч)	
112	1661 лето	1661 осень	к. Лазарь Аргунов с отрядом (коч)	Яна — Жиганск
113	1661 лето	1661 осень	п/д Федор Охлопков (коч)	Алазея — Жиганск
114	1661 12 июля	1661 осень	п/д Герасим Цыпандин, к. Третьяк Алексеев и др. (коч)	Якутск — Яна (Алазея)
115	1662 лето	1662 осень	Торговые люди: Михаил Королев, Гаврило Карпов, Ждан Григорьев, Борис Балакшин и др. (кочи)	Якутск — Яна
116	1661 июль	1661 осень	с. б. Иван Хвостов с отрядом (коч)	Якутск — Индигирка
117	1662 27 июля	1662 осень	п/д Григорий Татаринов, торговый человек Максим Парфеньев Мутных и др. (коч)	Якутск — Яна (Колыма)
118	1662	1662	к. Иван Хворый, Иван Рубец с отрядом казаков (коч)	Лена — Колыма (Омолон — Анадырь)
119	1662 лето	1662 осень	Торговые люди: Прокопий Аминев, Артемий Новоселов, Григорий Росторгуев (3 коча) и др.	Якутск — Яна (Индигирка)
120	1662 27 июля	—	с. Амос Михайлов с отрядом (коч)	Якутск — Индигирка
121	1662 лето	1662 осень	д. Андрей Горелой (коч)	Якутск — Омелоева губа (Индигирка)
122	1663 лето	1663 осень	к. Борис Михайлов (коч)	Яна — Индигирка
123	1663 лето	—	Торговые люди: Иван Абрамов, Григорий Никитин	Якутск — Индигирка — Колыма

1	2	3	4	5
			Ворыпаев, Иван Бурцовский, Андрей Шукин Ощепков, Семен Васильев Протопопов, Иван Елфимов, Лука Петров Новоселов и др. (кочи)	
124	1663 лето	1663 осень	Торговый человек Иван Иванов Софроньев и др. (коч)	Индигирка — Яна (Лена)
125	1663 лето	1663 лето	к. Иван, Ребров и др. (коч Татаринова)	Яна — Колыма
126	1663 лето	1663 осень	д. Панфил Мокрошубов с отрядом (коч)	Якутск — Колыма
127	1663 лето	1663 осень	Торговые люди: Степан Жеглов и др. (коч)	Якутск — Омолосева губа (Индигирка)
128	1663 лето	—	к. Гаврило Алексеев, Михаил Деев и др. (коч)	Якутск — Алазея Колыма
129	1664 лето	1664 осень	п/д Герасим Цыпандин и торговый человек Иван Королев (коч)	Колыма — Жиганск
130	1664 лето	1664 осень	с. б. Второй Катаев, торговые люди: Никита Ворыпаев, Дмитрий Колуга, Иван Широкий и др. Всего 20 чел. (коч)	Колыма — Бузин остров
131	1664 лето	—	Торговый человек Лаврентий Кузьмин Шепеткин и др. (кочи)	Якутск — Колыма
132	1664 июль	—	с. б. Никита Катасанов и Осип Иванов (коч)	Якутск — Колыма (Анадырь)
133	1665 лето	1666	п/д Василий Бурлак с отрядом	Лена — Индигирка (Омолон)
134	1665 лето	1665 10 сен- тября	п/д Григорий Татаринов с торговыми и промышленными людьми	Колыма — Жиганск

1	2	3	4	5
135	1666 июль	—	с. б. Герасим Кондратьев с отрядом (коч)	Якутск — Индигирка
136	1667 лето	1667 осень	Торговые люди: Никифор Бобровский, Григорий Варфоломеев (2 коча)	Лена — Индигирка
137	1667 16 июля	1667 осень	к. Семен Дементьев Сорокоумов, торговые и промышленные люди: 6 служилых и 35 торговых и промышленных (коч)	Колыма — Индигирка (Лена)
138	1668 июнь	1668 осень	к. Семен Сорокоумов с торговыми людьми	Индигирка — Яна (Лена)
139	1668 лето	1668 осень	к. Иван Перфирьев, торговые люди: Андрей Иванов и др.	Колыма — Яна (Лена)
140	1668	1668	к. Иван Хворый с казной (коч)	Колыма — Яна (Лена)
141	1668 лето	1668 осень	с. б. Иван Ерастов (коч)	Якутск — Оленек
142	1668 лето	1668 26 августа	с. б. Родион Кобелев с отрядом, торговые люди: Иван Лукьянов Пьяный, Иван Елфимов, Дмитрий Ворыпаев	Якутск — Яна (Анадырь)
143	1668 лето	1668 осень	к. Ефрем Моисеев, торговый человек Иван Записи и др. (коч)	Алазея — Яна (Лена)
144	1668 20 июля	1668 осень	к. Михаил Шадра, Василий Козицын и др. (коч)	Якутск — Омолоева губа (Яна)
145	1668 14 июля	1668 осень	д. Иван Симанов и Анисим Юрьев с отрядом	Якутск — Яна
146	1668 лето	1668 осень	д. Иван Меркурьев Рубец	Колыма — Яна (Лена)
147	1669 лето	1669 лето	к. Семен Сорокоумов и торговые люди (коч)	Яна — Якутск

1	2	3	4	5
148	1669 лето	1669 лето	п/д Петр Аксентьев и торговые люди: Андрей Ворыпаев, Федор Оглоблин и др. (кочи)	Якутск — Колыма
149	1669 лето	1669 осень	д. Иван Симанов с отрядом (коч)	Яна — Колыма
150	1669 лето	1669 осень	с. б. Иван Родионов Ерастов с отрядом (коч)	Якутск — Оленек
151	1669 лето	1669 осень	д. Самойло Артемьев Мелненек	Якутск — Колыма
152	1670 27 июля	1670 осень	к. Осип Иванов, торговый человек Федор Лаптев, с анадырской костяной казной (коч)	Колыма — Яна (Лена)
153	1670 19 июля	—	п/д Василий Бурлак, д. Михаил Колесов, д. Иван Игнатьев, торговый человек Иван Петров Лукьянов (коч)	Колыма — Яна (Лена)
154	1671 лето	1671 осень	д. Семен Сорокоумов с отрядом торговых людей (коч)	Якутск — Яна (Колыма)
155	1671 лето	—	Торговые люди на коче	Колыма — Лена
156	1672 лето	—	к. Третьяк Аллаев Мезенец с отрядом (коч)	Якутск — устье Лены (Анадырь)
157	1672 30 июля	—	п/д Василий Бурлак с отрядом (коч)	Якутск — Пенжина
158	1675 лето	—	к. Андрей Шипунов, Некрас Федоров, торговые и промышленные люди (коч)	Колыма — Жиганск
159	1675 лето	1675 лето	Евсей Аргунов с соболиной казной (коч)	Индигирка — Жиганск
160	1675 лето	1675 лето	к. Семен Мелненек с отрядом (коч)	Колыма — Жиганск

1	2	3	4	5
161	1675 июль	—	к. Осип Иванов с отрядом (коч)	Якутск — устье Лены (Анадырь)
162	1675 лето	—	Торговые люди (коч)	Колыма — Лена
163	1675 лето	1675 осень	Родион Михайлов и Семен Сорокоумов (коч)	Колыма — Жиганск
164	1680 лето	1680 осень	к. Некрас Федоров с товарищами (коч)	Жиганск — Яна (Колыма)
165	1680 лето	1680 осень	с. Иван Курбатов с отрядом (кочи)	Якутск — Яна (Анадырь)
166	1682 лето	1682 осень	с. б. Родион Кобелев и Иван Потапов (коч)	Колыма — Жиганск
167	1683 лето	1683 осень	Торговый человек Иван Семенов Новгород (коч)	Якутск — Колыма
168	1683 лето	1684	к. Сергей Мухоплев, Куприян Юдин и др. (коч)	Якутск — Колыма
169	1683 лето	1683 осень	Торговые люди: Константин Климатов, Иван Белокрыл, промышленные люди: Кузьма Афанасьев, Фома Семенов и др. (коч)	Колыма — Жиганск
170	1683 лето	1683 осень	д. Иван Голыгин (коч)	Анадырь — Колыма вокруг Чукотского Носа
171	1684 лето	—	Прокопий Изжогин с отрядом (коч)	Якутск — Колыма
172	1685 лето	—	к. Иван Грыцкий, Никита Ворыпаев, Яков Пермиков и др. (коч)	Колыма — Лена
173	1685 лето	—	Родион Михайлов, вкладчик Спасского монастыря (коч)	Лена — Индигирка — Колыма
174	1686	—	п/д Василий Даурский на спаском коче	Колыма — Лена

1	2	3	4	5
175	1688 лето	1688 осень	д. Иван Кузнецов с отрядом (40 чел.) (кочи)	Анадырь — Бе- рингово море (кочи разбило)
176	1688 лето	1688 июль	п/д Петр Шепицын с от- рядом (дошаник)	Яна — Якутск
177	1689 лето	—	с. б. Семен Чернышевский (дошаник)	Якутск — устье Лены (Яна)

СПИСОК ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ УЧАСТНИКОВ МОРСКОГО ПОХОДА С. И. ДЕЖНЕВА ЛЕТОМ 1648 ГОДА¹

**Люди Федота
Алексеева:**
Никита Прокофьев
Третьяк Евсеев
Артемий Федоров
Леонтий Семенов
Лука Алимпиев
Урус Александров
Тимофей Игнатьев
Филимон Александров
Насон Козмин
Осип Никифоров
Третьяк Назаров
Кирилл Иванов
Федор Иванов
Чюдин Мартынов
Ивашко Осипов
Дмитрий Вятчанин
Панфил Иванов
Иван Осипов
Мирон Иванов
Богдан Анисимов
Тимофей Мясин
Михаил Шабаков
Никита Федоров
Осташка Кудрин
Дмитрий Яковлев
Максим Ларионов
Юрий Никитин
Василий Федотов
Емельян Стефанов

**Люди Афанасия Андреева
и Бессона Астафьева:**
Иван Нестеров Окруженин
Петр Кузмин Усолец

Елфим Меркурьев
Фома Семенов } ме-
Роман Иванов } зенцы
Борис Иванов Устюжанин
Кирилл Лаврентьев Чердынец
Алексей Афанасьев Мелентьев

Люди с коча С. И. Дежнева:
Кирилл Стефанов
Петр Аникеев Щукин
Михаил Малафеев
Василий Алексеев
Ларион Логинов
Панфил Лаврентьев
Иван Савин Прикол
Прокофий Ерофеев
Яков Игнатьев
Нехороший Григорьев
Савва Васильев
Василий Фомин
Ефим Кириллов
Нехороший Панфилов
Иван Григорьев
Павел Леонтьев
Максим Семенов
Яков Афанасьев

Руководители похода:
С.И. Дежнев
Алексей Холмогорец
Афанасий Андреев
Бессон Астафьев

Имена тридцати промыш-
ленных людей и казаков, по-
шедших на коче вместе с
Герасимом Анкудиновым, ос-
тались неизвестными.

¹ Печатается по: Белов М.И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах // Сборник документов о великих географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке. — Л., 1952.

ПИНЕЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ¹

... Андрей по реце в Рим. Из Варяг в Греки, и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Воклоути, и по Волоти внити в Ильмерь езеро великое, Нево же. Ис того езера втечет устие в море Варяжское. И по тому морю внити и до Рима, и от Рима преити по тому же в град Константину, и от Константина града в Понт море, в него же течет Днепр река. || Днепр же тече из Вохонского лесу, и потече на полудни. И Двина из того же лесу потече на полунощи и вниде в море Варяжское. Ис того же лесу потечет Волга на восток, изтече седмиюдесят устии в море Фалинское. Тем же из Руси может изыти в Болгары и в Хвалисы и на восток дойти в жерби Симов. По Двине же в Варяги, из Варяг до Рима, || до племени Хамова. Днепр же потечет в Понтское море тремя устии, еже море словет Руское. По тому морю учил святой Андрей, и оттуду прииде в Рим. И прииде устие Днепрское, и поиде по Днепру горе. По ѿсмотрению божию прииде, и ста под горами на брезе, иде же есь град Киев. И заутра востав, рече учеником своим, сущим с ним: || «Видити ли горы сия? Яко на сих горах сияет благодать божия; имат град велик быти здесь, и церкви многи хошет бог воздвигнути, и святым крещением просветити сию землю». И здшед на гору сию, и благослови, и помолися богу, и постави крест. И оттуду иде к Новугороду, та же в Рим, в Пеллионе же острове распят бысть за Христа от Анфипата. || Чем же вся вопиеш ему: радуйся, святой апостоле Андрей, освятивший землю нашу, <нрзб.>вавши нам святое крещение, иже мы прияхом от святаго Владимира, радуйся расеявый учения вселенную всю, радуйся, ученик Христов и учителю наш, и не престан за ны молясь с Богородицею и с апостолы, сих мольбами вся

¹ Печатается по: Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. — Л., 1972 — С. 65—91.

люди || от тьмы свободивши, моля о нас, предстоя престолу Христову, да избудем от злых. Точною же Руская земля помрачишася тьмою идолобесия и скверными делы до конца осквернена. И много время проиде.

И по вознесении на небеса сына божия в тысяща лето достиже, от создания миру || лета 6456-го, не терпя своего создания зрети погибающа, святая поклоняемая и неразделимая троица и светом богоразумия просвети самодержавца и владыки господа нашего Иисуса Христа всему создателя. И доиде лет блаженныя Ольги, родом Плескова, жена Игоря, князя всея Руския земли, || седяше в Киеве, нача княжить сын Святослав. И вси не ведяше бога истиннаго, кумиром жруще, служаще дияволу. Блаженная же Ольга мудра бысть паче всех, видя человеческий род погибающ прельщением в неверьствии и слыша о вере греческой, верующая во Христа, и иде Ольга в Константиин град, || ⁶ и уведе веру Христову, и возрадовася, и крестися от патриарха Фотия. И научи ю вере Христове, и благослови ю в женах русских, и нарече имя ей в крещении Елена. И даст ей патриарх крест и прозвитера, и поиде во свою землю, и той крест постави в олтари святыя Софеи на делсной стране. Блаженная Ольга обходяще Рускую землю, дани и оброки легки уставляюще, кумиры скрушающе. Пожеве Ольга по крещении лет 75 и нача болети. Призва сына своего Святослава и заповеда погresti землею равно, ни требования, ни години || делати, но посла злато к патриарху Царяграда на воспоминание души своей. Преставися Ольга в лето 6475 июля в 11 день.

Последи же внук ея Владимир, сын Святославъ, внук Игорев, правнук Рюриков, по отце своем князе Святославе от племени варяжска, бысть воин страшен, первое || ко идолом и кумиром тшася и обладающа крепко городом Киевом и Новым городом, и Полтенском, и Ростовом, и всею Рускою землею, исполнися храбрости своя множество и жертвы творя кумиром, да егда возхоте бог избрати люди новыя и благодать святаго духа возбнув, яко от стна люта. И посла по градом и стра||нам на взыскание, како где веруют. Послании же приидоша к нему и сказа ему: «Были по всем странам и по немецким землям, и нигде же не обратоша таковы веры, како во Цариграде веруют. И ведоша нас в церковь, и не вемы, на небеси стояли или на земли, и не можем той веры забыти, и хошем тамо итти». || Боляра рекоша Владимиру: «Аще бы не добр закон был, то не прияла бы его Ольга, баба твоя». Владимир же рече: «Воля господня да будет». И возлюбил ту веру, аки свещу на свещнице. И минули лето, и рече: «Поиду в землю ту и поплению грады их». И собра войска много по всей земли, и шед под Корсунь град ратью. Корсуне же ра||товася

с ним, и не можаху града взять, крепок бе. И рече им Владимир: «Аще не здадитесь, то стоять 3 лета имат неотступно и с нужею возьму вас». Корсуня же не устрашишася грозы его и не здашася. Владимир же стоя под градом 6 месец. Бе же в Корсуне муж именем Анастас, и написав на стреле и стрелив в полки ко || Владимиру. Они же взяв стрелу, и написано сице на стреле: «Во граде сем кладези от восточныя страны во град по трубам сведены, копав и переими их, той град возмешь». Владимир же рече: «Аще тако збудется, то крещуся». И переняли воду у градных людей, людие изнемогоша во граде водою и предашася. Владимир же засе град || и обладаша всеми во граде. И посла Володимер весники во Царьград ко царяма Василию и Константину, сиа писа: «Се град ваш славный Корсунь взях и слышу, яко имате вы у себя сестру деву, дайте за меня женою. Аще не дадите, то аз также вашему граду сотворю, яко же Корсуню». || Цари же Василий и Константин не устрашися прещения его, и написа ему: «Нам недостойт христьяном за поганых давати, аще крестишися, то получиши, и вьще сего царство небесное». И отпусти посланных к нему. Послании пришед, сказаша ему и даша писания от царей. Владимир же воздохнув и рече: «Жив господь бог на небеси». И скоро посла во || Царьград ко царьма и написа, дабы пришед со царицею и крести мя, аз крещуся и верую в бога вашего и чту. Царие же посла сестру свою деву Анну, и с нею воеводы и прозвитеры. И пришед в Корсунь, и в то время разболелся Володимер, обема очима не виде. И рече ко царицы Анны: «Что сотворю, како ми поможешь от болезни сия?». Царица же || рече ему: «Аще крестишися, не токмо болезни избудеши, но и царство небесное получиши». Владимир же рече: «Крещуся всем сердцем». Царица же Анна утверди его креститися и веровати во Христа. Епископ же корсуньский с прозвитери и попы царицыными нача крестити во церкви святого Иякова, и нарекоша имя ему во святом крещении Василий. И бысть чудо велие: || егда Владимир вшед во святую купель, епископ, возложи руку на него, и абие прозре обема очима, яко николи же болели, и бысь здрав весь телом и просвещен святым крещением. И радовашеся душею и телом, славя бога, и многия радости исполнися. И прият Владимир крещение в лета 6496. И боляра многи крестишася, и многи церкви постави в Корсуні || на горе святого Василия. И поим царицу Анну законом браком, и взя мужа Анастасея, что из града писал на стреле, а город Корсунь отда царьма Василию и Константину, а сам поиде ко Киеву граду. И взя с собою первого митрополита Леона греченина, а с ним 4 епископы. И крести всю Рускую землю, а идолы вся сокруши. И повеле Владимир вопити || во всем граде Киеве и в градах и селех наутри на берегу Почайки

реки крестится всякому человеку от стара и до мала, мужеска полу и женска. Аще кто не придет, то противен будет мне и злую казнь примет. И наутреи снидесе весь народ Киева и окольных сел, мужи и жены со младенцы. Архиепископи и прозвитери нарече || Почайку реку купель, и мног народ в реке купахуся, мужеский пол и женский, инии стояху до пояса, а инии до главы и бродяху, священницы по берегу хожаху и молитвы глаголюще, а дьяконы кадаху. И оттоле наречесе град Киев. Владимир же возрадовася и возрев на небо, глаголюще: «Боже, сотворивый небо и землю, при||зри, господи, на новокрещеныя люди; утверди их, господи, во православие, а мне помози, господи, на супостаты».

Имеяше Владимир 12 сынов у себя от разных жен: 1 — старейший сын Вышеслав, 2 — Изяслав, 3 — Святополк. Сего Святополка мати бысть черницею, розтреже ю роди брат Володимиров Ярополк красоты ради ея, зачат Святополка. || Владимир же поган некрещен уби брата Ярополка и поня женою ту старицу непразну сущу, и родися Святополк. Князь же Володимир наряди воевод своих, и посла во всю Рускую землю попы и дьяконы, и повеле всем людем крестится и церкви ставити. 1 митрополит в Киеве Леон и тех 4-х епископов, иже приидоша || из Грек с Леоном митрополитом, и раздели их каждо по своим градом архиепископию нарече, в Белеозере граде 1 епископ греченин бысть, потом другого епископа греченина в Чернигов посла, 3-го в Волыньскую землю посла, 4-го Федора в Ростове с мучеником з Борисом, и сей бысть первый епископ в Ростове. И крести всю Ростов||скую землю, и Суздальскую, и Залескую. И те 4 епископи первоначальницы нарицаются. И распространяешся множицею православная вера христьянская. И оттоле начаша ставити по иным градом епископы, в Новград, и в Полтеск, и в Волыньскую землю. Яко же и апостольская проповедь от кого прежде была и евангелие божественная пропове||ди крещение от кого прияли, то суть первопрестолницы Ярослав Прав Суд, сын великаго Владимира, постави 1 епископа в Новеграде Иоакима волошанина. Тогда же посади сына своего старейшаго Владимир в Новеграде и постави 2 епископа в Новград. Той же Владимир созда церковь святых Богородицы, и крестися вся вся Руская земля святым крещением. Посажая детей своих || по влаstem, посади окаяннаго Святополка княжением в Турове, Ярослава же в Новеграде, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, а родись от Анны княгини в святом крещении, Изяслав Польтеске, Святослав Деревлянех, Всеволода в Володимере, Мстислава Тмуторокане, Станислава в Смоленске, Судислава Плескове. А сам Владимир в Киеве, созда церковь || каменну Софею премудрость Божию

50 верхов, и учреди предивну и прекрастну, и беседу себе учреди на углу церкви придела в лето 6521. И призва Владимир к себе Бориса, бе бо ему милее всех детей, и на другой год пришла весть ко Владимиру, яко идут печенеги на Русь войною. И собра князь || войска своего много, а сам разболевся, и посла воеводою с войском сына своего Бориса и с ним воеводы. Борис же поиде по Днепру реки в посадах. А князь Владимир преставися в лето 6524 июля в 15 день предасть дух. И положено тело его в пределе, юже сам созда. И плакаша людие о нем, бояра яко отца, людие || заступнику, сироты яко помощника, нищии и вдовницы яко печалника и кормителя. Святополк же приехав своею силою и сяде в Киеве по отцы своем, исполни беззакония и рече: «Погублю братию свою и буду властелец во всей Руской земли». И шед нощию к Вышегороду, и созва бояр своих, именем || Еловича, Пушку, Талца, Ляшка, и рече им: «Шедше убите брата моего Бориса, и будете у мене приятели». Они же обещахася тако убити Бориса. Борис же шед не обрете печенег и возвратися назад, и ста на Алте реки, а не ведая Борис на себя убойц. И приидоша посланнии бояра убийцы злии, и избодоша || копии Бориса, и еще дышущу и возложиша сго на коня, и не досхав Вышегорода и докончаша мечи. И предаст Борис душу свою и прият венец от Христа бога месяца июля в 24 день. Тело же его положиша Вышегороде у святого Василия. Убиен Борис, во святом крещении Роман. Святополк посла боярина Горасела з дружиною ко || граду Мурому на убийство брата Глеба. И рцете Глебу: «Поди вборзе, яко отец Владимир болит и ждет тебе». Глеб же вборзе со дружиною своею сяде на конь и поехав ко граду Киеву, а не ведая убийства. И как на Волги спаде с коня, изломи ногу, и назад пошел от Смоленца по Днепру реки. И как будет усть || Смядыни реки, и стретоша его погании убицы з боярином Горяселом, и приближися носав к лодии Глебови, и повеле Горясел убити Глеба и нача скакать со оружием. Повар же Глебов, именем Торчан, взял нож и закла государя своего Глеба, и преставися в лето 6525 сентября в 5 день в понедельник. Тело его повергоша усть Смядыни реки || меж двема колодома. Бог же показа смолянном явися столп огнен и огонь пресветел, искры испущающе до небеси. И шед людие со кресты собором, и взяша тело Глебово честно, и принесоша во Смоленец град, и положиша во церкви. Дондеже победи Ярослав Святополка и сяде в Киеве, и принесе тело Вышегород и положи || жиша з Борисом в церкви. И даст им господь бог чюдотворныя дары: человеком болезни целити, князем руским во бранех на поганых помогать. Поганополк наполни злая мысли: «Избию братию свою и буду едиин во вси Руской земли». И взя войска и поиде убить брата

своего Святослава. И побеже Святослав || из града в Угры. И постиже его Святополк на горе Угорстей, и уби его Святослава. И доиде же весть в Великий Новгород князю Ярославу: «Отец твой умер, а Святополк заседе в Киеве и побиша братию Бориса и Глеба, и Святослава». И разжалився по братии своей, и созва новгородцов и рече им: «Братия моя, отец || мой умре, а Святополк седе и поби братию свою. Поидем на Поганого Полка, помогите мне отмстити братну кровь». Новгородцы же не хотяху, бе бо сам Ярослав с новгородцы рагозен, и Ярослав помяну апостольское слово: «Братие, бога бойтеся, а царя чтите, власть бо от бога учинена». И рекоша новгородцы: «Княже Ярославе, || можем тебе помощи и поработати». Ярослав же рад бысть и собра вой: варяг 6000, а прочего воя 30 тысяч, и поиде на Святополка по Непру реки на Алту реку и ста, иде же убиен бысть Борис. И плачася по брате своем Романе и Давыде, и помолися Ярослав и рече: «Братия моя милая, аще есть телом далече, но молитвами своими || помозите ми на братоубийца». И поиде противу друг друга войском, и покры поле Лядское множеством войска день пятток. И прииде Святополк с печенег, и ступишася обои, и бысть сеча велика и кровь по удолии течаху, аки быстрина, и бився 3-ж, и бысть гром велик и молния страшна от оружия блеща||хуся. И мнози видяще ангели божии, помогающе князю Ярославу на окайного. Святополк же побеже под град Киев, а Ярослав гна за ним и сечаху в тыл силу его. Окаянный же Святополк побеже мимо Киев град на Берестово. И нападе на него бес, и разслаби, яко и на коне сести не lze, и не соша его на || носилках. И бе же никим гоним, и пробеге Лядскую землю, и прибеже в пустыню меж Чахи и Ляхи, и ту испроверже окайный живот свой сконча в лето 6526 году марта в 22 день. И бысть пропасть велика, и до сего дни изходит смрад зол на увещение человеком. || И седе Ярослав в Киеве, и прииде к нему вели||кий Антоний от града Любча, и пострижеся во Святий горе. И походи в Киеве по горам и по местом, и прииде на Берестовое место и обрете пещеру малу, преж ископа Ларион митрополит и ту живя. И преставись великий князь Ярославль в Киеве при Антонии лета 6532. Прия власть в Киеве сын его Изославль, и благословение прият от Антония. || И прославися Антоний в Руси, и собрася к нему 12 мних, и постави им игумена Варлама. Феодосий от предел Иеросалимских, от града Васильева от веси Каподокиския, отца Проерса, матери Евлогия, 13 лет, шед к кузнецу, оковася железы. Мати ж его излома железца, и пошел во Иеросалим, мати ж его постиже и связана приведе в дом свой. || Он же втай уиде во Антиохию к Семйону Столпнику и пострижеся. И пришед к Киеву преподобному Анто-

пию к пещеры и благословись от него. Мати ж его прииде к пещери, хотя силно взять, и божиею благодатию и сама пострижеся. Феодосий бысть игуменом и созда церкви мнози. Антоний живя в пещери, не выходя 40 лет, и преставись лета 6542. Феодосий живя || по Антонии, моляся богу, и во Святой неделе по Пасце собра братию на трапезу и возвести им исход души своея, и парече им игумена Стефана, и преставись лета 6586 во 2 суб^{оту} по Пасце мая в 3 день. Святой Исаия ростовский, родом от земли Руския от области Киевския, пришед к Феодосию пострижеся в Кееве. Великий князь Изослав проси у Феодосия || Исаия в Дмитриев монастырь игуменом, из монастыря шед в Ростов и бысть архиепископ Ростову, и преставись, поживе немного, лета 6594. Святой Леонтий ростовский, рождение Костянтина града, прииде в Ростов и бысть епископ Ростову. А, преж изгна епископи из града Феодор и Ларзон, зане ж людие неверия наполнишася. Леонтий же укрепися божиею благодатию и научи людий || веровати во Христа, и преставись лета 6608. Великий князь Андрей, великаго князя внук, Георгия, повеле в Ростове создать церковь камену и рвы копать, и обретоша множество мертвых телес, и обретоша мощи святого Исаия, и основана бысть мала церковь. И боле начаша копати, и обретоша гроб покрыт двема доскама, и обретоша святого Леонтия. Лета 6655 преставись || Антоний великий во Великом Новеграде, родом Римскаго царства, из Риму приплоче на камени в Великий Новград. По преставлении обретоша мощи его, по 4-сотих летех. Лета 6659 преставись святой архиепископ Никита новгородский. Лета 6677 знамение богородицы в Великом Новеграде, при князе Романе приходили имать Новаграда русские князи. Лета 6617 преставись святой архиепископ Аркадий, преж быв нищ, и бысть мних в монастыри Георгиевском и изгнан бысть. И пришед из Руси князь Изославль в Великий Новград и взя его. И пославлен бысть архиепископом, и преставись. Лета 6627 преставись святой архиепископ Иван новгородский. Лета 6609-го ма^{ся} в 17 день князь Михайло черниговский бысть в разслаблени, и везоша его к преподобному Никиты столпнику, версты 3 || не довезоша, и ту стрете бысть образом Никитиным, и Никита посла жезл свой и тем беса отгони и на том месте поставить повеле крест. Лета 6705 преставись преподобный Никита, столпник переславский, родом Костянтина града. Лета 705 преставись князь Феодор ярославский. И, поия себе женою сестру великаго князя Всеволода, и преселись в Ярославль. || Лета 747 убиен бысть Михайло черниговский и з болярином Феодором от Батыя. Лета 6708 Батый царь нечестивый победи князя Юрья Всеволодовича. Лета 6747 Батый плени всю Рускую землю и побил на Руси людей полтретьяста тысяч. Того ж году преставись Авраамий ростовский. В Ростове князь Борис, а в Володимере князь Володимер, под тою ж || областю и Ростов град.

Лета 6771 князь Александр Невский, во иноцех Алексей, во граде Володимере. Княжение в Володимере князь Данило, а брата отсла в Суздоль Бориса. Лета 6788 преставись святыи Еуфимий суздольский, а поживе 88 лет, а родом Нижнего Новгорода.

Лета 6786 Москве зачатъе. Кто то знал, что Москве царством быть и государством || слыть. Тут были села Красные Кучка боярина Ивановича, а у него было два сына, красотою хорошее не было их во всей Руской земли. И звездах их князь Борис Александрович суздольской, и проси их к себе во двор у Кучка боярина Ивановича: «А толки не дашь своих дву сынов ко мне, аз на тебя войною поиду, тебя поплению и села || твои пожгу». И розплачася Кучко боярин Иванович о дву сынов своих, и не смел противен быти против князя Бориса, и отдал сынов своих князю Борису суздольскому. И два сыны Кучковы полюбилися, 1 постави себе в столники, а 2 в чашники. И Борисова княгиня Марья прелестилася на красоту их хорошую, и зжилася с ними любовию || постелничной. И здумали оне с княгинею извести князя Бориса суздольского, и почали изводить в хоромех своих ночью порою летнею. И ушел ранен из двора от них князь Борис суздольской, побежал к брату своему князю Данилу Александровичю ко граду Володимеру. И будет он у Оки реки, ажно ездит в стружку перевозчик || по Оки реки, и князь Борис спроси перевозу. И перевозчик говорит: «Лихи вы суздольцы, оманчины, сулите, а не даваете перевозного». И князь Борис с руки своей перстень подаст перевозщику. И перевозчик, взяв перстень на весле, и отпехнулся дале на Оку реку, и не перевез его за Оку реку. И князь Борис пошел зле Оку реку, и нашел трубец мертвого у || топшаго, и влез в трубец опочинути, что не знаючи пути без дороги ко граду Володимеру. И княгинина его с Кучковыми детьми, своими любовники, почали тужить добре, что ушел от них ранен князь Борис, и будет де он з братом своим князем Данилом володимерским и казнят нас казнию смертною. И княгиня рассказывает: «Езд де у || нас во дворе пес выглец, а сказал мне князь Борис, как поехал на войну на побоище, и приказал: „Толки де буду убит на побоищи и сыскать и познать в мертвом трубу никто на может меня мертвого, и спусти того пса, и он доидет и сыщет и, познает меня мертвого“». И Кучковы 2 сыны емлют того пса и сами садятся на добрые кони, и спущают того пса дорогою ко граду Володимеру. И пес бежал дорогою до Оки реки, и в сторону з дороги скочил, и оне вслед едут за ним борзо. И добежал пес до трупа мертвого, и забил голову в трубец, а сам для тесноты не вме-

щается, и почал радоватися государю своему, князю Борису, а вони хвостом машучи. Тут два сына Кучковы князя Бориса || вборзе его злой смерти предали, а тело его кинули в Оку рску. И недолго время доиде вестъ в Володимер град ко князю Данилу Александровичю, что княгиня с Кучковыми детьми извели брата его князя Бориса суздолского, и зжалися розплачася князь Данило по брате своем Борисе, и собра войска своего много во граде и в поместиях володимерских, || и скоро войною пошел на Суздоль град и на Кучка боярина Ивановича. И суздолцы нисколько не ратовались, борзо предалися князю Данилу, что спознями княгиня Марья и 2 сына Кучковы, предали злой смерти, извели князя Бориса суздолского. И два сына Кучковы побежали ко отцу своему в села Красные. И князь Данило, поймав княгиню Марью || Борисову, и повеле повесити над градные врата и розтрелять из луков стрелы калеными, из рушниц пулки свинцовыми. И взя с собою в подмог суздолской силы три тысящи, и пошел войною на Кучка боярина Ивановича. И Кучко боярин не возмог противитися ни малешей попротив Данила, и вборзе поймав Кучка боярина и дву сынов его и предаст || их злой смерти без милости. И князь Данило почи noch до утра в Кучковых Красных селех, и наутро востаает на всхожем солнце и входит в светлицы высокия и в теремы красныя, и смотрит на села Кучковы Красныя по обе стороны Москвы реки и за Неглиную в поле чистое и роздолие великое. И добре князю Данилу села Красные пригляну||лися и полюбилися, и не пошел князь Данило в Володимер град во свою вотчину, и почал жить в тех селах Красных Кучка боярина Ивановича. А в Володимер град послал сына своего Ивана Даниловича княжить с собою заединое. А Суздоль град привел под свою ж область Московскую, и иные околные города собою к нему приклонишася, слыша сла||ву его и грозу его великую, и до людей доброту милостиву и нищелюбиву и к богу богомоливу. И оттоле прославися Москва град. И поживе Данило на Москве 12 лет, утверждая веру Христову. В лето 6098 преставись князь Данило; остави Москву град со всеми рускими грады и пригородки сыну своему Ивану. И прииде из Воло||димера на Москву и прия княжение и утвержая веру Христову. И в то время прииде к нему Петр митрополит из Киева града, родом Царяграда.* И виде Петр князя Ивана благоверна и благочестива и богобоязна, во всем благоприятна и поборника по вере Христове, и благослови его, и рекоша: «Буди ты великий и благоверный князь Иван Данилович владимерский, || и московский, и всеа Русии укреплен божиею благодатию». И пророчествова*

тогда Петр митрополит: «Будет твой град Москва царствующий град Великое Российское государство, и колена твоего будет рука высока, и обладает по божии воли многими грады и ордами и царства, и разпространится наипаче всех царств до скончания веку сего». И повеле князь на Москве создати церковь во имя Благовещение святей богородицы. Князь же Иван по благословению его вскоре церковь созда, и город укрепляя, и рускыя князи и грады под свою область Московскую приводя. И оттоле пишется величество: великий князь владимерский, и московский, и всея Руси.

Лета 6796 архиепископ || Игнатий ростовский при Петре митрополите. В Переславле князь Михайло да сын его Дмитрей, да брат его Александр.

Лета 6834 преставись Петр митрополит в день недельный, а гроб своимъ рукама устрои. Лета 6827 преподобнии отцы Антоний и Иван и Еустафий пострадаша за Христа при Ольги нечестивом цари. Лета 6859 || преставись великий князь Иван Данилович и остави на Москве княжением сын его Иван Иванович. При том князи Иване прииде к Москве Алексей из Чернигова града. Князь же моляше Алексия взять сан соборный церкви. И шед Алексей в Костянтин град, поставлен бысть митрополитом, и прииде поживе в Киеве митрополитом. И великий князь || Иван призва его из Киева и моли его послом итти в Орду ко царю Бердебеку нечестивому. Бердебек царь изби в Орде 12 братии своих, бе бо немилостив и злый, хотя итти на Русь войною. Алексей митрополит шед в Орду к нечестивому царю, и много Алексей глагола ему встречныя речи, укрепляясь от него божиею помощию, не бояся его злые ярости. || Царь же Бердебек всяко искушая его, и не могши препрети в посольстве царьскою мудростию и словесы со злою яростию, и зва Алексея к себе хлеба ясть к столу царскому. И принесе на стол ествы царскыя, и принесе пред него на блюде кобылью голову скотиную. Алексей же оградил главу крестом Христовым знаменiem и дуну изо уст своих || духом святым, и явился глава на блюде шуки рыбы свежая. Царь же виде чюдо бывшее, страхом одержим и бысть трепетен, и не почал искушати нечистотое и скверною, и по столе прося от него прощения и роту дав не ходить войною на Русь, и ударив его честными дары царскими, и отпусти его из Орды на Русь, и проводи до пути честно и здраво || итти на Русь, и оттоле злый гнев царя Бердебеня не ходит на Русь. И прииде Алексей к Москве, и московский великий князь Иван Иванович стрѣтил его со всем собором радостно и прослави бога и пречистую его матерь.

Лета 6064 Алексей митрополит шед в Нижней Новград по реки Волги и крести князя Бориса и весь град и Нижний Новград, и подведе под Москву || ю ж область, и созда церковь пречистыя богородицы Благовещенье.

Лета 6072 преставись великий князь Иван Иванович. Остает княжением на Москве сын его Дмитрий. Лета 6074 прииде посол из Орды от нечестиваго царя Амурата Бердсбековича, чтобы по-
слал Алексея митрополита в Орду и исцелил бы царицу Амурата, царя, слепа бы 3 лета сущи, а в любви бы царю. А слыша ||
преж царь Амурат от отца своего царя Бердебена бывшее чудо про Алексея, как был у него в Орде. Алексей поиде и исцели царицу. В лето 6885 преставись Алексей митрополит московский и всея Руси.

Лета 6885 побоище бысть князю Дмитрею Ивановичю да брату его Володимеру Андреевичю на Дону на Куликове полем безбожным и кочевным царем Мамаем.

Лета 6900 || преставись святой Сергие преподобный Радонский. Отец у него Козьма, мати Марья. Лета 6902 великий князь Дмитрий московский и всея Руси преставись. Оставил княжением сын его Василий. Лета 6903 прииде на Москву град чудотворная икона пречистая богородица, ю же написа Лука евангелист, из Володимера града при князи Василии Дмитриевиче, митрополи || те Киприяне от нахождения безбожнаго царя Темир Аксака от восточных страны на Русь войною, и возвратись с Рязани. Лета 6904 преставись святой Стефан Великопермский. Князь Дмитрий Юрьевич Бегун: 2 бежа от агарян с Москве в Великий Новгород, и возврати его Михайло Клопский, а 3 || прибежа преставись в Новгороде. Князь Костянтин Дмитриевич изгнан из своей вотчины с Москвы, и прииде в Великий Новгород и преставись. Лета 6935 преставись Кирило Белозерский игумен, а жив Кирило 90 лет, а имя преж ему Козьма. Лета, 6955 преставись Михайло Клопской, и пророчествова великому князю Василию: родится сын Тимофей и наричут Иван имя ему, || и возмет Великий Новгород под свою область. И сбытся пророчество по 40 лет. 6957 июня в 15 день при державе Руския земли великаго князя Василия Васильевича и сына его Ивана Васильевича, митрополите Фотей киевском, при архиепископе Евфимии Великаго Новграда и Пскова родися Александр Сверхский, поживе || 85 лет, преставись. Лета 7041 родися святой праведный Артемий, юж бы на Пинеги верколский чудотворец, отец у него Козьма рекомый Малый, мати Полинария. И бысть Артемий 12 лет, и делая у отца труды своими землю бря и боронити нача, и божиим судом взойде туча и гром страшный, и молния и гром гряну страшный, Артемий же || ужасеся от того страшнаго грома и предасть душу свою господеву. Тело ж его положено на пусте месте одаль церкви, иж бы под сосной, и мощи его святыя обретыны по преставлении его 33 летех. Лета 7085 обретение честных мощей святаго преподобнаго страстотерпца Артемия верколского чудотворца, и принесени быша ко церкви святаго Николы. || Бог же дарова ему чудотворныя дары, бол-

ныя и недужныя исцеляти, от трясавиц избавляти, нечистыя духи от человек и от скот отгонити и бесы прогонять:

Лета 7058 царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси своею братьею и з бояры уложили Судебник, как судить бояром, и дьяком, и казначеем, и дворецким, и земским судьям. || Лета 7059 царь и великий князь Иван Васильевич своею братьею, и з бояры, и со владыки уложили степень, как пред царем по местом князем, и боаром, и митрополитом, и архимаритом, и игуменом, и всяким властем болшим.

Лета 7079 мая 26 день приходил на Русь крымский царь с крымскими царевичи, и с мурзами, и с ширихинскими князи, и с казанским || улусом, и с меншими ногаи Идим з детьми, и Бока мурза с татары и с казаки, и Золотой орды, и запольские ногаи, и Измаиловы дети Урус и Чимон, и Камдан, и Тумодан Кучюр мурза, и Шимшин шестью браты и с мурзами, и с кочевными тотары, и со всеми крымскими и ногайскими мурзами через крестное целованье, и Москву град пожгли в 3 часа. || Лета 7083 при цари Иване Васильевиче всея Руси приходил безбожной царь крымский Дивлет Кирия на Русь воевать. Иже бе на Молодех и виде некто инок Антоний стояше среди ноши на молитве два юноши пресветлы, познавлем Борис и Глеб, и зовяше из гробов с собою Александра Невского. И сшед 3 их, и зовяше с собою сродников || великих князей Андреа, и Всеволода, и Георгия, и Ярослава. И восташа из гробов и пришед в Ростов град и глаголаше: «Идем к сроднику нашему Петру царевичю, и той с нами идет с нами к сроднику нашему царю Ивану, и победим поганых». И поехаша вси на белых конех, и тех святых пособием погании полцы устрашишася и побегоша, и вознесеса рука || царя Ивана. Лета 7084 царь Иван Васильевич всея Руси взял Казанское царство, и царя Симеона с царицею и царевы воеводы поймали и привезли к Москве.

Лета 7085 царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси имал Колывань город. А Колывань город вельми крепок и немцы в нем войною удалы люди, и приступ к городу тяжек, с одну сторону || море, а з горнюю болота, жерла непроходимые места. И ночью подмостили болота мосты и под град болшей снаряд подкатали и у города стену пробили, и в большие ворота московское войско во град почали скакать по 2-сти и по 3-ста, и в городе их немцы посекут, и трупом завалили городовую стену. И наутро восташа, и та стена || закреплена крепче и прежнего, и не мога города взять, прочь царь отшел.

Лета 7086 царь Иван Васильевич всея Руси с Москвы послы Захария Угорского да Ждан Квашнин в Сысортское царство у царя Максимьяна. А в посольстве извещали: царь московской взял Латынские и Лифлянской земли 26 городов одним выходом,

а. встреча не бывала. И сысорской || царь крестьянский прослави
бога и похвали государя царя, и пророчествова царь сысорский
про Московское государство: «Будет де и вашей земли на Мос-
ковке сметение лет 10 и болши, и земля де ваша разпространится
вѣлми царьми и царствы многими обладают, а которые города
иманы у вашего царя недолговечны» — молвил послом: «Попа-
метуйте мое || "слово сысорского царя, что говорил збудется
в вашей земли». И послов ударив великими дары и отпусти
честно, а царю послал скипетр царства Римского державы непо-
бедимыя и диядиму и перфиру, и дары великия, и со умилением
писа. Того ж году на осень под Колугою городом воевод госу-
даревых побили и снаряд отполонили. Лета 7087 царь Иван Ва-
сильевич || з детьми своими, царевичи Иваном и Федором, и з
боляры и стрельцы прииде в Великий Новгород и положи свой
царский гнев на новгородцов, и владыку новгородскаго повеле
в медведню обшить и собаками стравить. А вельможу Федора
Сыркова на плахи казнить, городовых и посадских людей,
жилцов и всяких чинов мужей и жен повеле на ужище || по 10 и
по 20, и по 30 вязать и на живой мост на Волхову реку влачить,
сыну отца своего, дочери матерь, брату брата повеле палицею
бить и з мосту в Волхову реку бросать, и многое множество нов-
городцов казни. И прииде во Псков град казнить, и возврати
его Никула Кочанов уродивый, говоря царю встречные речи.
Царь же противо его не смея || гнева нанести, ведая его мужа
праведна. И поиде царь к Москве с войском. А казнил новгород-
цов подмовкою изменничью. Того ж году на Вологде город каменной
повеле царь делать, и прииде сам на Вологду на Велик день
Христов, и вологжане в недоумении после заутрени не ходили
ко царю с яицы здравствовать, и царь на них прогне-
вася || о том, и царским биричем ходя прокликать у всех церк-
вей и в базаре после обедни вологжаном, князем, и бояром, и
рядовичам, и княгиням, и боярыням, и гостиным женам, от
церкви в дома не ходя и платья не сложа с себя, в коем к церк-
вам пришли, сносить сваи дубовые в ров, что были готовлены
на подошвы ставить в городовую стену. А в свое место || никому
слуги не подменить, ни стороного не наветь. И по Велице дни
на той же недели казнил вологжан тако ж, как в Новгороде.
Лета 7091 мор был в зиме о Афонасьеве дни и Кирила алек-
сандриских во всю вселеную. Лета 7091 царь и великий князь
Иван Васильевич погребе сына своего царевича Ивана Ивано-
вича. Преставись царевич Иван подмовкою злых изменни-
ков. || Лета 7092 царь и великий князь Иван Васильевич всея
Русии мудрым своим прозорством позна, что сыну его смерть
учинилась от злых изменников, и на другой недели по Пасце

Христове во вторник наутрие восташа вси людие на Московском государстве, ажно на пожарище уготовлены 300 плах, 300 топоров в плахах, 300 палачей стоят у плах. И московские князи, и || бояра, и гости, и всякаго чину люди страхом одержими быша трепетни, что есть от царя вина на царство, видяще, что на казень уготовано, и бысь в скорби велице, и слезы точаще людие, и не смеюще друг ко другу приклониться и слова изрещи страха ради царева и глаголаху: «Господи, помилуй». И на 3 часу дни из царских хоромов выехал сам царь в черном платьи и || на черном кони своими стрелцы и холопы, и стрелцы, и со псари, и повеле палачем имать 100 князей, 100 боар, 100 гостей болших именем по розписи и на плахи клонить. И людие московстии быша в велицей погибели, не ведуще за кою вину и схватиша. Преж гостиной сотни 7 гостей на плахах сказниша, 8 именем Харитона Белоулина взяв, || и не возмогша склонити, собою велик, черн власы, страшен образом и крычюще ко царю стречны глаголы: «Почто еси неповину нашу кровь излинешь!». И з грубостию глагола, и псари поскочиша пособить палачам, и отсекоша ему главу, глава ж спряну от них и язык легщюще спрядывает от земля, струп же воста на ноги и нача трястися страшно, и збивая с ног его палачи, || и никакого ж возмогша стронить. Царь же усумневся и страхом одержим, и погна своими холопы и со всеми стрелцы и псари за Неглиную во свои царские хоромы. Палачи ж стоя недвижуще никого без повеления царева. И немного время на 6 часу от царских хоромов гонит скорый гонец и кличет зычно голосом, шапкою машучи: «Государь пожалова». || Палачи ж розпустиша пойманных всех князей и боар, и гостей и плахи спряташа, и разыдошася вси во своя дома, славяща бога. Труп ж той трясущеся весь день и на 2-м часе ночи падоша. Наутрее ж мертвых телеса спряташа по повелению цареву.

Лета 7095 царь и великий князь Иван Васильевич взя Смоленец град у короля литовского. А стоя || под Смоленцом 3 годы, зане ж крепок бе, и много царь той казны истожи и войска падоша. И шла из града пушка и сшибло маковицу у церкви Спаского монастыря, и пала маковица зле шатерь царев, едва в шатре царя маковицею не убило. И царь не повеле в той церкви служить до скончания. И на третьей год из Твери града архиепископ Евфимий || посла ко царю под Смоленец замок и ключ, а писа: «Буди здрав, царю, со Смоленцом городом, замыкай замком, отмыкай ключем Смоленец град». И царь гнева наполнился: «Калугир посмекает мне, что под городом стою много время». Посла по него немилостива гонца: «В чем владыку застигнешь, в том без милости взяв пред себя поставить и на казнь предать». || И погна гонец. И 3 дня град Смоленец бог поручил царю Ивану, и збытсся пророчество тверскаго владыки. Гонец же владыку привезе во единой келейной свите и без пояса и боса.

Царь же благословися у него, прося прощения, и пожалова, и удари его царскими дарами, и отпусти его честно, и проводил до пути.

Лета 7096 при благоверном и храбром царе и великом князе || Иване Васильевиче всеа Руси полкие люди, атаманы казачьи Ермак Тимофеев да Арган Андреев своею дружиною с казаки бысть на Волги реки, изменили государю, у понизовских городов усть Самары реки государева посла погромили и казну царскую пограбили, и царь на них положи свой гнев. И посла гонцы в Нижней Новгород и во вся || понизовские и поволские города к воеводам, и повеле их казаков поймать, привести, сковав без милости, к Москве, поставить пред собою царя. И казаки Ермак и Яргак с Волги ступиша в Великую Пермь, и в Перми на Чусовой у Строгановых взяв запасу хлебного и оружия, и прибрав к себе волних казаков служивых людей, и ступиша наверх || Туры реки сибирския. И по Туре татарские острожки и юрты изгоном поплениша и татар посекоша, и поделаша струги легкия и щиты, и поплыша вниз по Туре и Аркиш реку под Сибирское царство, под Тобольский город, и Тоболски за щитом взяша, и многое множество татар побиша и посекоша. И сибирский царь Кучюм || своими царевичи бегству даша в полские дальние дебри меж озера в непроходимыя места. Атаманы ж и казаки Тобольский город засели и окрестныя татарския улусы и юрты татар побиша, а иных под свою область под царскую руку Московского государства покориша и Тобольский град утвердиша. И послаша к Москве послов своих 10 || казаков, и послаша ко царю дары честныя, черныя и бурнастыя Лисицы сибирския. И писаша на собою повинную отписку с великим уничижением: «Благоверный и благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Руси, твои холопишка атаманишков казачьих и с казаками наши головы на плахи под твой царьской меч и саблю, что мы пред богом согрешили, воровски на Волги твою царскую казну пограбили». А другую отписку писали к царю к Москве: «Божиею милостию и помощию и заступлением пречистыя богородицы и молением московских чудотворец, и твоим царским величеством и счастьем, и храбростию, и грозою на твое царское имя и величество бог || покори Сибирское царство, взяши и Тобольский город засели, и татар много побили, а иных татар под твою царскую руку покориши. Буди, государь, здрав и многолетен на Сибирском царствии и дай нам своего крепкого воеводу и служивых людей». И казачьи послы пришли к Москве и пред государя царя повинную отписку и другую отписку положили. || Взятие Сибирскаго царства. Государь царь и великий князь Иван Васильевич прослави бога и возвеличи похвалою атаманов и казаков. И сам царь рекоша: «Храбрии атаманы казачьи Ермак Тимофеевич да Арган Андреевич, своею храброю дружиною и с войским казачьим буди на вас божия

милость и мое царское величество Росийского государства». И оттоле утвердись || Сибирское царство под Московскую область и до сего дни.

Лета 7105 году Юрье Долгушин устьцылемец да пан литовской полоненик, да Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали Надым реку, а на другой год Таз реку. А восвода 1<-й> в Мунгазеи Мирон Шоховской.

Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии жаловал холопа || своего Бориса Федоровича Годунова, шурина сына своего царевича Феодора Ивановича всеа Русии, и как Борис болен был, тогда царь Иван Васильевич по своему жалованью приезжал к нему, и с ним холопи его были. И говорил царь Борису: «Борис, не ты болен, сын мой Федор болен, и богом даная моя дщи невестка Ирина болна, и аз болен». И про||стре свою царскую длань и указал на свои персты 3, глаголя Борису: «Борис, как те 3 перста моей длани видиши, так сын мой Федор и богом данная дщи Ирина да и ты, Борис, нашего царскаго величества вместе, как есть сын мой, а не холоп». На Борисе царское милосердие и милость учинил по-прежнему. Егда ж восхотевше богу преставись, || во он безконечный век от жития сего, тогда повеле к себе приити, духовному своему архимариту Феодосию, хотя ему исповедати поведание пречистых таин, покаяться, и на то время был Борис предстоя у него у царскаго одра, и духовник Борису глаголя: «Вон выступи тайнаго ради исповедания». И царь Иван не повеле Борису вон || итти, повеле предстояти у одра, глаголя: «Тебе душа моя обнажена вся при последнем издыхании духовнаго архимарита свидетеля поставляю». И слез очи свои, наполняя, глаголя Борису: «Тебе предаю душу мою, и сына своего Феодора, и дщерь свою невестку Ирину, и все царство наше великаго государства. Ты ж соблюди яко зеницу ока. Аще ли не соблюдешь || их, воздаси о них ответ пред богом на сем свете и в будущем веце».

Уложена книга о Борисе в царствующем граде Москве, как царь Борис воцарился лета 106 февраля в 17 день первым Иовом патриархом московским и всеа Русии. В лето 7097 царю и великому князю Ивану Васильевичу дошедшу конца преставися. Сего ж царский скипетр восприемник бысть сын его царевич великий князь || Федор Иванович всеа Русии. И той бо не радя о земном царствии мимоходящем, но всегда ища, како бы небесное царствие получитьи, в славе ж вознесся брат царицы Ирины Борис Годунов. Брата ж царя Федора царевича Дмитрия Ивановича не единоматерня отдели на Углич, вельмож же московских советом, с матерью пребывати. Сему ж Дмитрию царевичу в лето || 7099 память его крови неповинныя во всей Росии. Егда же заклан бысть той незлобивый агнец Дмитрией Иванович, тогда весь град Углич возметеса и, взявше убийц Данилка Би-

туковского, Вавилка Кочанова и самого Михаила Битуковского, смерти предаша. Борис же за тех убийц углечан боле 2 сот человек погуби, овех в Сибирь сосла, иных же || в темницах лютою смертию погуби. Матерь же царицу Марию неволею постреши повеле, 10 лет в скорби пребысть. Отца же ея Феодора Нагово со всем родом его в нужные места розосла и смертию скончася.

Лета 7106 блаженному царю Федору Ивановичю пременившуся земное царство на небесное, преставись. В лето 7107 поставляется царем Борис Федорович, венчаему и благословляему Борису рукою патриарха Иова, во время святыя литургия стоя под тою рукою. А Федорово племя нача не любити смущения ради, мало по малу нача смерти на них поучати и великому боярину Никиты Романовичю приступи и сверже от себе, а Федора Никитича со всею братию много им безчестия и зла нанесе им, || а 4-х смерти предаде, Александра и Василья, Льва и Михаила. Феодора болшего Никитича неволею иночествовати устрои, Иван же токмо 1 остася, а Феодор Иларион во многих томлениях. По умертвии Бориса возведен бысть на престол великаго чудотворца Лесонтия в Ростов, как изрек, Никитич. В лето ° 7109, в ключе слово Ф, луна 3. В то время гневом || божим омрачи бог небо облаки и дождь пролияся на земли, и залило хлеб на нивах и траву, а в Поморие безмерным мразом во всю вселенную иззябл. Царь же Борис в то лето многу милостину творяще к нищим, и от многих градов и стран нищии збирахусь славы ради цареvy и милостыни. По страном и по градом, считаючи по повелению цареvy, || гладною смертию изомроша и погребоша в 3-х скуделницах 127 000 толико во единой Москве. Тогда бысть в царствующем граде Москве боле 4 сот церквей, а всех тех неведомо, колко погребоша, гладною смертию изомроша а еже во всех градах и странах, никто ж исповедати может. Царь же Борис гордости и злаго ума наполнися, погорде во || своей земли сына и дщерь свою браку совокупити, от иных язык любляше и к ним о сватовстве посла. От Дадския земли цареvича привел, хотя дщерь свою дать за него. Тако ж сыну невесту изволи от Татарских царств привести ис Хвалися. Тамо много, от праведных зле погибоша от кумык и от черкас горских в непроходимых нужных местех || подле море Хвалынское, мысля от востока невестою, от запада ж зетем примирити к себе и, царство крепить и утвердити. И та мысль у царя Бориса не збысться. Слава, ж в мире царь Борис пославляет царя в Касимове, поддавляет ему князей ногайских, Арус истороканских, укрепляя того врага поборника себе и чадом || своим. В лето 7113 некто чернец, именем Григорий рода Отрепевых, юн еще собою навик чернокнижню и прочим злым, отшел от Росийского государства, вселися в пределы королевства Польскаго,

тамо живя и составляя ложная писания и посылая повсюду, поведую, жива царевича Дмитрия себя нарицаа. Сам же от места до места преходя || и крыяшеся и мятяшеся двою царствы всеми людьми мудростию своею и дьявольским навождением. И за то его прельщение яшася крепко сиверских и полских градов жители, вечныя холопы московскыя, друг от друга вси таж и град от града. Четвертая часть всея вселенныя Европию в 2 лета посланми своими прельсти, також || и рымский и всему западу возвести и знатна отечества являше и польскому краду третьему Жигкаменту все наместную за него повелеша строити. И приложися он к вечным врагом христианским, к латынским учеником, и обещахася вся Росия привести к стриеви антихристову под благословение, а хто не почнет веровати ему, тех всех предать смерти, || аще бы не господь обличил и сверг его. Слышав же царь Борис, что идет царевич Дмитрей с войском к Москве, и собра царь Борис войска и посла с ними воеводу, сродича своего, Якова Годунова. И стретил на рубежу, и прелстися Яков Годунов со всем войском предался Розтриги и целовав крест со всем войском, и писа к Москве к царю Борису: «Воистину идет царевич || Дмитрей Иванович». И царь Борис впадеся в печаль и кручину великую и недоумеюще, что содеяти, и впредь войска копыти и никакo ж противитися, что обыде страх его божиим гневом. И еще Гриша Отрепьев не дошел до Москвы, и Борис с царства свержен бысь, и с его подручники. А рода Борисова Годуновых на Москве бысь 72 двора, и единого дни || в 3 часы всех их разориша и дворы их разграбиша, и животы их разнесоша, и жилища их до основания разориша, и людей их посекоша, а иных в темницах засадиша. И ни из единого двора никакo же не попротивишася нисколько, ни врат у двора покрепиша, божиим гневом ослабеша обыде города их и вси руки ослабеша. Патриарха Иова ухватиша во всем || святительском сану, начинаючи божественую литоргию, и помчали из церкви непутем влачим позорно, аки злаго некотораго. Да с ним схватиша Матфея Годунова и помча безчестно, и неведомо где им смерть без вести учиниша. Остася от них Стефан Годунов 1, и той скрыся в тайных местех. Сын же царя Бориса Феодор с матерью своею сами, злой смерти от лютого || зелия предася. А царь Борис Григорьевым умышлением злою смертью посчен бысь в лето 7113, и его подручники Борисовы и з домы своими разсеяни быша. Той же чернец Гриша Отрепьев по его Борисове смерти того ж лета на царство восходит, нарицаа себя Дмитрия царевича, и от многих знаем, что Гриша Отрепьев чернец. И хотяше у||крепитися на Российском государстве на Москве царем, и собра к Москве весь род царевича Дмитрия убиенаго, которых Борис царь розвозил,

всех собра и тех привел прелщеньми, последи же и дарми прельсти ж. И мать царевича Дмитрия иноку Марфу, бывшая жена царя Ивана Васильевича, нарицает того врага сына своего суща царевича Дмитрия. И галичана вси обличаху его, и мати его, Богданова жена, Отрепьева вдова Варвара и с сыном своим, Григорьевым братом, и з дедею Смирным Отрепьевым також обличаху, что не Дмитрей царевич. И деда его в Сибирь сослан и много приим озлобления и муки. И за то мученицы явишася. Тогда дворенин Петр Торгинов да Федор колачник без боязни того обличаху, и по || многих муках главы отсекоша им среди Москвы. Той же Федор ведом к посечению, вопияше всему народу: «Се прияли есте образ антихристов и поклонитесь посланому от сотоны, тогда разумеете, егда вси от него погибнете». Москвичи ж ругахуся ему и по делом суд тому быст, глаголюще. Також и Петру казень ни во что ж вмениша и изказни их вборзе. || И вскоре по них князь Василей Иванович Шуйской на плаху осудися за его ж обличение, его ж усрамишася, поядки у Розтриги едва упросиша от посечения. А панов литовских в войске с Розтригою: князь Костянтин Вишневской, да 4 брата Тикшевичи, да пан, Талинской, да пан Велимонской, пан Козоновской, пан Костовской, и иных 20 панов. А рохмистров: Сума. Будило, Стрсла и иных 30. Да полские и литовские люди, и иных земен люди, желныри подолские, бусары жемоцкие, февлане мозовецкие, черкасы Запольские земли, тотара и Сиверской земли. Потом же советом его злым с патриархом Игнатием покоршася вси митрополиты, архтепископы и епископы, архимариты и игумены и весь первоначальный чин, князи и бояра со всеми начальствующими приложиша руки и послы избраша и послаша в королевство у пана Сердомирского дщери тому Розтриги в жену. Воистину свидетельствующе о нем в писаниих, что праведно сын царя Ивана || Васильевича Дмитрей. А вси знающе его, что Гриша чернец, паче ж Пафнотий митрополит крутиский, при нем в Чюдове монастыри на крыласе стоал, и у патриарха Иева боле года во дворе был, служа писмом, и за его еретическое воровство от него збежал в Литву. Яко ж все Росийское государство в безумие вдашася и возлюбйша || лесь и лукавство. Окаяный Розтрига сам усоветова с паном Сердомирским, как был в Польши в дом Сердомирского, рекся взять дщерь Маринку. И привел с собою на брак беззаконных пиршествник 6000 избраного войска и взяти быша вси дома великия на панов не токмо у простых, но и у властей и вельмож, и у нарицаемых ложных родителей его у Нагих, и насилие бысть велико и еретичество. Розтрига ж хожаше в войске великом, спереди и ззади хожашу с протазаны, каберды со оружием, бояся того, что над царем Борисом содеяся. Казаки и холопы не смеюще ничего глаголати, а хто Розтригою промолвит, тот без вести погинет. Мнози ж погибоша, а иныи || но учиненный ад вечный гроб. Вскоре ж тогда проклятый папа

римский с листом посылает по прежнему злomu умышлению потребити как вера християнская. Он же окаяный вскоре решашися тако сотворити и венчася с Маринкою в дому божии, и насильством много девственных душ оскверниша женска полу и мужска, и инок доброобразных. Сему ж беззаконию не терпя, велможа дьяк Тимофей Осипов, муж благочестив, приим пост и молитву со слезами и причастие святое, и пришед в полату цареву, пред всеми Розтригу обличи: «Войистину ты еси Гриша Розтрига, а не царев сын Дмитрий, греху раб и еретик». Розтрига ж не терпя обличения, осрамотевся и в той час смерти || предать Тимофея, и бысь мученик. Той же Розтрига посылает крымскому царю з дары безчестны, зделав шубу от кож свиных, и в писании являя себе приготовльшеся со всею Польшею страною грядуще к расхищению твоего царствия и жилища римскаго. И повеле Росии всей и от поляк многих итти на Азов град и на твое Римское царство, и на все жилища татарские, немедленно послав нарядно много избранаго, наряд пушечной по Дону плавною, а по суху полскими проходы повеле рати итти. Пройде ж вестъ и до Костентинаполя о сем, и готови быша турцы ко пролитию крови християнская, хотя тем погубити российских крестьян. Господь же его злый совет разори и дело || его не пройде. Враг же той Розтрига умысли с еретики посещи всякого чину, князей и боар московских, и велмож, и по простым людей нача умышлять каким образом, и хотяше игру зделать за враты Стретенскими к Напрудному на поле и стрелять из снаряду, и всех побить. Лютый же той совет Розтригин преж 2 дний людие открыв || уведали, и в 10 день сам окаяный скончася, а преж сам советова на 35 лет жития себе, но врази его не предаша много лет жить ему, в той день повелением божийм вси востаха на него московстии народи и предаша его Розтригу лютой смерти, и много пролих с его Розтригоу крови. И по убиении Розтригине в 4 день малыми некими от царских || полат излюблен был царем князь Василей Иванович Шуской, и возведен бысь в царский дом, никим же от велмож не пререкован, ни от прочего народу. И устроися Росия на 2, овни убо любяще его, а инни ненавидяще. Сивера тогда помысли, что от царя Ивана Васильевича розгром был Новугороду, також и нам будет от того царя Василия, и вскоре отлагаются от державы Московския, занеж много зла dospели в Росии, егда возводяще Розтригу на царство Росийское начаялися одоление вконец на Росию и приложились к Польскому кралевству в работу. Царь же Василе много молив сиверян и писал к ним митрополитом Пафнотием крутиским, и со архимариты, и игумены, и с прочим народом, что на них зла не привезти. || В то же время от царя Василия посланы боара, и воеводы, и

множество крепких воин под Колугою, и много голов положиша и со стыдом отступиша. Посем же сам царь шед с войским Василей на Тулу воевать град и потоплением водным взят, и оттоле начальствующих злодеев: ложного царевича Петрушку, холопа свияжского стрелецкого головы Григорья Елагина, || нарицающаго сего сына царя Феодора Ивановича, Ивана Болотникова, холопа ж князя Андрея Андреевича Телятевскаго, завозщика всей беды, поимали. Те ж злодси того не устрашились и вскоре призва к себе на, помощь полских и литовских людей, прежним обычаем нарекоша ложного царя Дмитрия, от Сиверских град попова сына Матюшку Веревкина. И тако брани и войны || боле 3 лет, и множество бысть во всех странах божиим, попушением и от предел востока, полских градов, Крыму и Рязанская земля, и Пустая Ржава, и Луки Великия, и Великий Новгород, и Псков, и Ивангород. И ничим же задержав был одолеша врази православных крестьян, дошедше царствующаго града Москвы, обшедше круг Москвы. И разделишася московский || людие надвое, умышляюще кождо в себе, глаголюще: «Аще будет взята Москва, то тамо отцы и братья наша, и дети, и род, и друзии нас соблюдут. Аще ли мы одолеем, то мы их тако ж соблюдаем». И того ради и инии изкакаху из Москвы вон в табары, а инии остаха в Москве. Полскыи ж и литовскийи люди, и воры, и казаки тех переметчиков московских, людей || ни в чем им не вероваху, и ругахуся над ними, аки волцы над сими овцами, играюще и их искушающе и иных вместо щитов от меча от сабли оружия поставляюще, за себя и быша им стена крепка изменником от оружия и смерти. И смеюшесь поляки и литва их безумно, что они сами из доброй воли к ним прискакаху на злую смерть. И || одолеша поляки и литва окрест Москвы Ростов и Венигород и к Волги — Переслав и Кашин и Твердь, и Тушин, и многие города, и пригородки, и села пожже, и кровь крестьянскую пролия. Руских же изменников и переметчиков в полцех у себя поляки и литва ни во что ж почитаху, а себя от них измени блудяху, егда ж корысть делити что добычи, то все || лутчее поляки имаху силою отьимаху, а они изменницы не могуще себе пособить, и полон красных жен, и девиц, и юнош не токмо у худых, но и у начальствующих у болших отьимаху и не могуще от руки их изхитити роду своего, и жен, и детей, и братию, и сестры, но великою ценою откупают и то по великой дружбе и смеюшесь поляки им цену взяша, || а их не отдают и другую цену возмут. А когда отдают, и на путь заедут со оружием и опять в полон отьимут. Таков божий гнев наиде. А иныя жены и девицы своим искуповаху ис полону, а иныя от своих к поляком отбежаху, хотяще с ними жить, а иные на мужей своих поляков к смерти поучаху, руских изменников камено сердце видя над собою таковое безмерие и по || гибель и не покаяся. Царем же играху, яко детищем, всяк выше меры жалованья хотяще, мнози ж целоваху крест и ко врагом прилагахуся и в Тушино отъезжаху

и тамо целоваше и жалованье у врага имаху, и опять к Москве отъезжаху, и паки у царя Василия болше прежнего честь и дары принимаху, и опять к королю отъезжаху, и много тако мятушшеся. Царь же Василе, видя таковое смущение, много повинных казня, с ними ж в 2 неповинных, и не могий обратити добрым и великим жалованием и честными дары, и злою казенью смертною, видя многи руския грады разоряемы и много крестьянския крови проливаемо божийм гневом гоними, 1 сто гонит и 2 двигнут тмы. Тогда ж || отъеха ногайскому князю Урус сын его князь Петр и отвержеся веры крестьянския и велику честь от себе отверже, жену свою покинул и со отцем своим с нагайскими тотары и много ала содела по всем украиным городам. Також и Борисом поставленный касимовской царь тушинскому ложному царю приложися и с полскими людьми и з || рускими изменики везде ратоваху. И тогда во всех церквах скот свой затворяху и псов во олтарех питаху, и священные ризы драху и на ноги обуваху, и февроны покрываху, и священные ризы блудницы одеваху пияху и плясаху, и святыя церкви и монастыри огню предаша, и крестьянскую кровь пролияша, и в плен ведоша мужской пол и женский и архиерескы. || Но и от первопрестолник наместника Леонтия чудотворца и прочии по нем, святой ростовский митрополит Филарет разумен в делах и словесен, тверд в вере Христове. И сего убо митрополита Филарета исторже силою от церкви и ведуще его путем боса, токмо во единой свите, и ругахуся ему, облекоша в ризы язычскыя и покрыша || главу тотарскою шапкою, и нозе обуша в сандалия женская. И приведену бывшу ко Лжехристу поляком, и хотят ко своей прелести принудить, и нарицают его патриарха, и облачают священными ризами и златым поясом, и златым посохом почествуют, и служить тому, яко ж и прочим святителем даруют. Филарет же разумен, ни на десно, ни на шее очи не отведе, но бысть тверд в вере || Христове. Они ж злодеи блюдуше того крепкими стражи, никако ж ни словесы, ни очима помавающи. Тако ж и тверский архиепископ Феоктист обезчестивше многих муках и к Москве на пути смерти предаша, от православных взято тело обнажены кости. Тако ж и суздальского архиепископа во изгнании скочася. Епископа ж коломенскаго к пушки привязавше, под грады возяще, сим страшаше. И многих имали освященнаго чина тех вер отвергоша, мнози мняще погибелнаго конца и нужи великия не можаху терпети. И злии изменицы з башен гродных на землю метаху, а иных з берегов крутых во глубину рек с каменнем верзаху, а иных развязавша из луков и из санопалов стреляху, и иным же голени || на полы преломиша, иных же чада восхитивше пред очима родителей на огни пряскаху, а иных от сосцу матерну отторгаху о землю и о пороги и о камень и о углы убиваху, а иных, на копьях и на сабли воткнувше, перед родительми ношаху. А красных жен и девиц на мног блуд взямаху и многими осквернени нечисты умираху, мнози ж и сами из||резахуся смерти

приимаху, дабы не осквернитися от поганных, и инии ж з берегов
высоких мест мстаху, негде крытися, а младенцов плачущих за-
давяху, дабы для них самим не погинути; и порты затыкаху и
обрящаху мертвы. Яко пустыницы со зверми в пещерах живуще,
и никому ж ни с кем невозможно отбегати, аще не обещаеши ино-
чествовать, но дождь || и снег и студ нагим телом терпяше от
беззаконных оскверняеми зле. Тако ж и братия за сестер своих
нерушимаго ради действия красоты скончевахуся. Мнози ж и хо-
лопи ругающеся господам своим, привязавше мужа, или сына, или
брата пред очима их студ содевающе не 10 человек, но двоицею,
да и ж и до пролития крови, не щадя ж и не невозрастных юнок ||
и милостивно нагих отпускаше прощать, а крови текуще и вла-
сом одраным, а никто ж избавит их. Святыя ж и честныя инокины
разтерзаеми бываху, и по станом влачими, оскверняеми блудом,
и даваху им мяса ясти в постныя дни, и святыя иконы и царския
двери постилаху под скверныя постели, и блуд содевающе, и не-
чисты сядяше и зернию играше, и всякими || бесовскими игры,
иконы колюще и вариво и печиво строяще, и из судов церковных
пияху и ядыху, и мясо на диоскорех и в потирех и разбивающе
на свою потребу, и на конскую в узды. И, пелены шитыми покрыва-
ваху кони и надеваху вместо приволок, как на бой поезжаху, и
поясы священиками по блюдным недром поясаху, и хорюгови цер-
ковныя вместо знамен || ношаху. Сия ж вся попустившу богу, за
беззакония наша, да не надеемся на красоту, ни на влажение дра-
гое святых икон, добро убо и приятно богови украшение честных
икон, не от лихоимства, и не от неправды, и не от посулов, ни
от гордости, ни от прочаго злаго имания.

Сказание, что содеяся в дому Живоначальныйя троицы, заступ-
лением пречистыя богородицы и великих || чудотворцов Сергия
и Никона избавлена бысть обитель от полских и литовских людей
и русских изменников, келаря Аврамия Палицына.

Царь Василей Иванович в осаде и полза граду Москве от
обители Сергия, чудотворца, и к морю Студеному от Великаго Но-
ваграда, и Вологды, и по Двине реки до моря, и на восток вся
Сибирская земля, и от Казани вси || — все во обитель чудотворца
притекаху. В той лавре архимариту Иасафу, келарю Аврамию и
прочим братиям и монастырским слугам, и от градов многи при-
текоша во обитель чудотворца бежаху, и всех монастырь при-
имаху, а воинствующих людей всех от трапезы питаху. Царь же
Василие посла в Датскую землю и в Аглинскую и в Свитскую
о обиде на полского || короля, прося помощи. Король Арцы-Кар-
лус посылает на помощь врагу Александру литовскому, и пле-
няще землю Рязанскую и Володимирскую и Нижгорскую, и грады
огню пожже от Володимера до Переслава, и поиде к Сергиеву
монастырю, и удаляются к стенам дому чудотворца. И первое зло
показа начальнии посад Климентиев || и окрест ту жилища огнем
пожже и крестьян посече и кровь пролия. И советует Вор с Лит-

вою, как разорить дом пречистыя Троицы. И собравшуся сотонину сонмищу, отвергше уста своя, аки псы советуют, беззаконная глаголют царю Дмитрию: «Доколе стужают и досажают твоему благородству грако воронове, вогнездившеся во гроб каменной и допакостят нам, на путех вестников наших имают, от лес исходят, что звери лютые смерти предают и грады розговаривают крепко не покорятся твоему величеству, и служити учат царю Шубину, и всяко писание наказывают и посылают по градом и противитися велят, а сказывают — сохранят нас всегда молитвы Сергия чудотворца || и Никона, а сами сядят, аки во гнезде укрепилися, как их разорить. И ты сам, царю, знаешь, что от самых царских полат мнози тут почернишася жиуют, а не разорить их, всегда нам пакости чинят и ждут к себе на помощь Михаила Скопу с черными пси, свийскими немцы, и Федора Шелеметева с низовскими людьми, и соберутся вси. А тот монастырь || занят у них крепко и могут нам победу злу доспеть, а ныне нам вели имать, толки не повинятся, и разорим прахом жилища их». А хвалится Сопега взять монастырь с поручники: Петр Сопега, пан Александр. В лето 7117 при цари Василье сентября 23 день пришед под Троицкой монастырь гетман Петр Сопега и пан Александр с польскими и литовскими людьми по московской дороги. И на Климентове поли осадные люди конные и пешие бой велик сотвориша и литовских людей побиша, а сами здрави возвратишася. Литовскыи ж людие сие видевше, воскрыча нелепыми гласы, спешно и сурово обходя со всех стран монастырь. Архимарит же Асаф собором и народом вниде в церковь живоначальная Троицы, || и ко образу богородицы и чудотворцу Сергию молящеся со слезами о избавлении града и люди, обитель и слободы огню предаша, да не будет брато жилище. Сопега ж и Лисовской, разсмотряше мест, иде ж стати, и разделивше, и начаша строите себе станы, и поставиша 2 острога и крепости сотвориша, и пути вся заняли, ни в дом, || ни из дому чудотворца. Осадные ж воеводы князь Григорей Борисович Долгоруков да Алексей Голохвастов и соборные старцы приговорили, что покрепить город осадю и всех людей привести ко кресту, и головам быть старцем и дворяном. И раздели стены и ворота, и снаряд устроити по башням, и в подошевных боях всяк каждо ведает и хранит свою стену, на || браную потребу устроят и с приступными людьми бьются со стены, а на иную службу не исходят, а на выласку и в прибавку людей устроят особ. Празнику ж светло празнуему Сергию чудотворцу, и околных много прибегоша, и теснота бысь в монастыри, несь места порозна, и человецы мнози без покрова сущи. И наста осень и зима, || будет потреб не имуще всем изнемогующим. Жены чада ражаючи пред всеми человеки, а срамотою негде крытись. И всяко богатство не брегомо и татьми не крадомо, всяк смерти прося со слезами и плача. Видеша знамение священо инок Пимин на память Сергия чудотворца стоя на молитве, и се оконцем келии свет восия, яко по-

жар, и мнѣ, яко врази зажоша. || Монастырь, и на рундук вышел,
 над церковню святыя Троицы над главой столп огнен стояше до
 небеси. Пимин же велми ужасеся страшному видению и возва
 братию, Иосифа диякона, и Серапиона, и старцов. Они ж, ви-
 девше, чюдишася тому знаменію. И помале столп огненный свився
 и вииде окончем в церковь. И всенощному славословию бывшу,
 и молебны совершивше, и собрашася множество народа и советом
 начальник и всех людей, и крестное цалование бысть, что сидеть
 в осаде без измени: в первые воевода князь Григорей Долгоруков
 да Алексей Голохвастов, и дворяны, и дети боярские, и слуги
 монастырские, и старцы, и все воинство. Оттоле бысть во граде
 братолюбие, все со усердием ратовахусь без измени. И литовскыя ||
 людие уставиши сторожи около монастыря не бысть проходу,
 и мысля как взять монастырь, град ниско стены, ласкотою и грозою
 у воевод и у народа просим, аще не здадутся, и мы подкопом без
 крови возмем. И послаша во град сына боарскаго Безсона Руго-
 тина с листом архимариту з братіею от великаго гетмана Петра
 Павловича Сопеги во град || Троицкой Сергиев монастырь, и
 воеводам Григорію Долгорукову, и всем людям. «Пишем к вам,
 милуючи и жалуючи вас, покоритесь царю Дмитрію и здайте град,
 и пожаловани будет от царя. А не здадите, то не на то пришли,
 что не взять. А то ведаете, что города ваши взяты и Москва
 в осаде. Мы вам добром пишем, и сами себя помилуите, не про-
 лейте крови своея. Аще не эдданте, то злою смертию умрете,
 а монастырь ваш до основания разорим, аще статус божий Иасаф
 помни жалованье царя Ивана Васильевича, а ты все забыл.
 А князю Василью Шубину доброхотствуеши и учите войску про-
 тивитись, царя позорите, и царицу Марину Юрьеву, и нас.
 Мы тебе пишем царским словом, запрети попом, чтобы не учили
 во || йска не покорятися царю Дмитрію, но моли за него бога. А нам
 град здайте без крови». Архимарит же Иасаф з братьею, и вое-
 воды, и все войско, видевше лукавую их прелесть, и помолишася
 богу о избавлении града, писав против отписку к поляком и из-
 менником. Воеводы приговорили со архиепископом и со всеми
 старцы писали к Сопеги: «Знаем ваше || проклятое державство,
 прельщаете стадо Христово православных крестыян 10 лет. Хре-
 стыянское дитя посмеется вашему безумію и совету, что к нам пи-
 шите. Мы примше письмо оплевасте, кая полза оставить нам веру
 истинную и лжу прияти и вовеки мучитися покоритися Вор и ла-
 тыням, хуже вы жидов». Видевше отписку, что не покоряются, ||
 и повеле Сопега ко граду приступать со всех стран. И мана-
 стырсти людие быющеся крепко. Сопега ж повеле туры прика-
 тить и паряд поставить: 1) за пруду, 2) на московской дороги,
 3) на Терентиевской роши, 4) на Крутой горе, 5) на Красной
 горы, и всех 10, и вал высок засыпать, и по тому валу конные и
 пешие хожашу и быюще 6 недель из верховых железных || ядр, и
 монастырь неврежен бысть. И воеводы из града вышли с войском,

и слуга Оска Селевин забыл бога, утече в литовские полки. Литва ж злые ярости наполнися и побили и ранили стрельцов и казаков, и голову стрелецкого Василия Брухова, и в монастыри пострегли, со исповеданием душа предаша. Пономарь Елинарх сядя почил, и был сон ему, и шед к нему. || чудотворец Сергей: скажи воеводам и всем людям, к пивному двору приступ будет тяжек, и оне бы не ослабели, билися крепко. И вышел святой, кропяше водою святою. С недели на понедельник. 3 час нощи литва со всех стран приступиша, и взем дрова и смолу и береста и зелие и зажгоша острог у пивного двора. И от того огня осветиша полцы поганных и из-за туров || много литвы побиша под стеною блиско. И видеша литва, по стенам града собором ходят сокресты много людей, и побегоша в табары. И на Княжни поли рохмиста Брушевского поймали и роту побили, и пан с пытки сказал, подлино подкопы ведут, под кое место, того не знает, и хвалится етман взять замок Сергиев монастырь и огнем выжещи, а мнихов муками казнить, людей погубить, || а не взяв прочь не ити. И не дают воды черпать, и бысь жажа велика, и повеле слуги Власу Корсакову ров копать вон града. Литва ж прискочивши, почали побивать, и из города много литвы побиша и живых поймаша, и на пытках пыташа о думех их и числа. Они ж сказаша: «Етман град взять надеется подкопы и приступы». Октября 12 день, подкопы повели под кое место, того не ведают». А панов с Сопегою: пан, || Костянтин Вишевской, да 4 брата Тикшеевичи, пан Талинской, пан Велимонской, пан Козоновской, и иных 20 панов. А рохмистов: Сума, Будило с трети, и иных 30. А войска людей польские и литовские, желныри подолские, гусары русские, прусские, жемоские, мозовецкие и литовские, и многих розних городов, тотарова и черкасы волские, казаки донские, азтороканские, || сиверские, и всего войска 1000 тысяч, кроме черни и поляков. Сопега ж 3 дубы вместо свив и концы оковав, и на колесах под град подкатив. И 300 панов в ворота ударит, и не возмогоша врат проломить. И ис подошевного бою много литвы побиша. И та их мудрость себе на пагубу, и побежаша в табары. Воевода ж и вси людие хваля бога. В лето 7118 || заводчик разанец Захария Ляпунов да Петр Засекин да князь Афонасей Турдеев с товарищи царя Василья Ивановича пострегли и свезли в Литву з братиею его, князя Дмитрия да князя Ивана Пуговку со всеми властями, и отдали королю, а просиша у короля, королевича Владислава царем к Москве. Лета 7119-мая в 3 день в Нижнем Новгороде || видися человеку, именем Григорию, проповедати, пост: 3 дни и 3 нощи ни пить, ни ясть детем и младенцем, от человека и до скота, и воздвигнути пост, и храм на Москве Василия блаженного, и принести образ пречистыя Владимирской, и в том храму молитися, и будет Московское государство очищено от литовских насилия, и подасть господь царя благочестива, и утвердится || Московское царство. И по тому пророчеству во всей Росии от-

ворили пост, и подал бог свою милость, а московскии людие литовских людей побили, и подал господь бог на Москве государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси, воцарися во 121 году, а преставись 123 год. Лета 7119 году Московского государства стольник и воевода князь Дмитрей II Тимофеевич Трубецкой с войском прииде от Колуги, да князь Дмитрей Михайлович Пожарской от Нижняго Новагорода прииде с войском. И совокупишася оба заединое под Московское государство со всем своим войском, прося у бога милости и у пречистые помощи, помня князь Дмитрей Иванович обет свой, что за пречистый дом умереть, августа 8 день со всеми ратными пришли под Москву, II и ратных людей постави, и литовских людей осадили, и по станом своим крепости поделали, августа 25 день гетмана Хоткиевича с полскими и литовскими людьми, и Наливайка с черкасы побили и во град запасы не пропустили, и языки у них персинали, и Москву, град очистили от поганных. И князю Федору Андреевичю и дьяку Путилу, и всей земли, и всем крестьяном молить бога, и пречистыя Богородица, и всем святым.

(ИРЛИ, Пинжское собр., № 440).

ЧЕЛОБИТНАЯ XVII в.¹

1653 г. ранее марта 12²

[Л. 98.] № 6. Челобитная торгового человека Василия Усова в Сибирский приказ о взятии в Якутске на поруки, переписи товаров и отправления в Москву его приказчика Федота Алексеева Попова, пропавшего без вести, в случае его приезда в Якутск³.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом холоп твой Васыка Усов. В прошлом, государь, во 147-м году, будучи на твоей, государевой службе, на Устюге Великом в таможенных и в кабацких головах и у ямского дела отпустил в сибирские города с таваром приказчиков своих торговать, колмогорца Федота Алексеева сына Попова, да устюжанина Луку Васильева сына Сиверова, а с ними отпустил товару и денег 3500 руб. и в том, государь, на них взята запись, и устюжанин Лука Сиверов на Ленском волоку в немочи пострепся, а колмогорец Федот Алексеев Попов с тем моим животом пошел на великую реку Лену, а с Лены пошел в неведущие земли и вести про него лет с восемь и более не бывало. А ныне, государь, мне, холопу твоему, ведомо учинилось, что идет тот Федот к Русе, а живот есть или нет того я, а холоп твой не ведаю. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, дати свою государеву грамоту на великую реку Лену в Якутской острог к своему государеву воеводе к Михаилу Семеновичю Лодыженскому да к дьяку Федору Васильевичу и как тот прикащик мой Федот в Якутский острог придет и вели, государь, по нем, Федоте, взять порушную запись и живота моего, что с ним будет переписать и запечатать и ему Федоту, с тем моим животом явитца на Москве в Сибирской приказе со мною, холопом твоим, вместе.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

¹ Печатается по: Ефимов А. И. Из истории Великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах XVII—первой половины XVIII в. — М., 1950. — С. 242—252.

² Дата пометы.

³ Документ, имеющий непосредственное отношение к походу Дежнева — Попова в 1647—1648 гг., характеризует большой размах торговых операций купцов Усовых.

Государь пожаловал, велел ленскому воеводе, как ево прикажи выдет на Лену у нево животы переписать и перепечатать и дать ево на поруки, что ему стать на Москве со всеми животами и о том послать грамоту в Сибирский приказ.

161-го марта в 12-й день дана государева грамота против пометы тотчас.

ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, № 1056 д. 1
л. 98. Подлинник.

ЗАВЕЩАНИЕ XVII в.*

№ 9. — «Изустная память» (завещание)¹ М. Захарова, спутника С. Дежнева, написанное в Анадырском зимовье и роспись его «животов», завещанных монастырям.

[Л. 67] Се яз Михайло Захаров сын Соликамской житец з городищ пишу себе изуственную память целым умом и разумом на Анадыре реке в ясажном зимовье сего свет отходя и будет мне где бог смерть случит в походах ли где ни буде и что живота моего останетца кости рыба зубу 20 пуд целой кости, да обломков и черенья тесаново с 5 пуд натрусок рыба зубу, а на ту кость запись наемные две записи в четырех стах в десяти рублях на промысленных людей одна до Колымы, а другая до Ленского...² ко живем на Анадыре ис торгу, что достанется кости и соболей и с промыслу своево кости, а соболей своим промыслом упромышляют и тот промысел им весь за две ж записи наемные на пол третья пуда, а провадит до Колымы, а наем по тем записям дал весь сполна, а что кому будет дать и тому будет роспись моя же рука, да в коробье в колотках ка... лы² на промысленных людей на колько сот рублей, и тому будет роспись же да закладная на ясыря якутскую женку именем Бычня во шти сороках десяти соболях, пицаль [вин] товка добрая да пицаль глаткая добрая, пицаленко глаткое, псалтырь следован московская печать, шуба соболя и пластинная с мешицей, шубенко пупчатое и побочное соболье, покрыто зипуном виш-

¹ «Изустная память», как указано в отписке якутского воеводы М. Лодыженского в Сибирский приказ от 1658/59 г. (167 гг.), найдена в пожитках умершего М. Захарова.

² Текст утрачен.

* Печатается по: Ефимов А. И. Из истории Великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах XVII—первой половины XVIII в.— М., 1950.— С. 242—252.

невым, зипун вишневый, а что пороку стрельново и свинцу и мелкому борошно, сетям, неводам и пушальницам, и прыдену щтанам и рубахам, вершкам шап...¹ ным свечам, и топорам, и ножам всякому заводу и долгу и слободе кабальному и безкабальному и что прибудет и убудет и тому будет роспись моя ж рука, а что останетца и тот мой живот разделить в 4 монастыря: Троице живоначальной и Сергию чудотворцу, архимариту и келарю еже о Христе а братиею, а оне бы положили и с того моего живота Спасу к Содекамской на Пыскор в монастырь 20 рублей в Соловецкой монастырь 20 рублей, Кирилу и Афанасию в монастырь 15 рублей, Николе в... в Чердын 5 рублей, Еорью на городище 5 руб. Богородице на...² 5 рублей, у Соликамской, да икона смениться Катерины Христовы мученицы и поставить в церковь в монастырь Сергию // [Л./68] чудотворцу. А ся изустна память довести до монастыря торговому человеку, Анисиму Костромину и жпвот мой, а ясыря моего продать, что зане возмет и тот живот отдать в монастырь же, а что долгов моих будет кабальных и безкабальных и то заплатить и похоронить и псалтырь говорить на нем, а как ся изустная память дойдет до архимарита и до всей братии, им бы пожаловать записать имяна отца моего Захара, а мать мою Анну, да еще промышленного человека Кирила Чердынца и мое, Мишкино, имя в литию и в сенаник по грешной моей души и по тем монастырем имяна наши записать. А что станетца кабал и те кабалы вывести же, а будет, Онисим, не примеца и та изустная взять в казну государеву, а Онисиму отпись взять и список списать. А тот список и отпись свести к Троице Сергию в монастырь, а роду и племени в мой живот никому не вступатца, потому что роду нет ближнево одна у меня мать и жива осталась. И будет та моя мати жива, и та моя мати взяти во монастырь к Троице Сергию в монастырь, где ся изустная выйдет, тут по ней на мой живот суд и правед, а хто за нею станет, тот истец, а изустную память писал на Анандыре реке в ясашином зимовье промышленной человек на себя, Мишка Захаров своею рукою лета 7161-го году марта в 25 день.

161-го апреля в 3 день роспись Мишки Захарова, что осталось кабал в колотке; кабала на служилых на Гаврила Фролова, да на Дмитрея Васильева, да на Фадея Васильева Тобольского города жильца займов служилово человека Семена Дежнева в дву сороках соболях и данная на нее туто же две кабалы на промышленново человека на Ивана Федорова Казана 32 соболя, на Стефана Сидорова кабала 50 соболей, на Фому Семенова // [Л./ 69] две кабалы 52 соболя на служивого на Евсея Павлова кабала 5 соболей, на Мороза Малафиева кабала 3 соболя, на Сидора Омелянова, на Григорья Антонова, да устюжаи кабала в сороки соболях, кабала на Евтефея Фролова да на Кирила Проклова Колмогородца 20 рублей и данная на нее туто же, кабала на Ивана Лазарева Южака 32 соболя, да 2 рубли с полтиной денег, кабала на Микифора Микитина в сороки соболях, а данная на нее туто же, кабала на Платона Иванова да на Кирила Стефанова восемь соболей, на служивого человека на Дмитрея Васильева 5 соболей, на Третьяка Курсова кабала в 20-ти пупках соболях, на Тита Семенова кабала 31 соболя, кабала на служивых людей, на Ивана Яковлева, да Павла Васильева 9 соболей, кабала на Тита Семенова 48 пупков соболях, кабала на Павла Максимова 5 соболей, кабала на Кирила Стефанова, да на Семена Алексеева 12 соболей, кабала на Степана на Каканина восемь соболей, кабала на Ортемья Федотова Салдата служивого,

^{1,2} Текст утрачен.

кабала 11 соболей, кабала данная на Офонася Михайлова пинежанина 10 рублей, кабала на служивого человека на Ивана Яковлева, да на Григорья Онтонова в 13-ти соболях займов Ивана Вахова, кабала на Меркурья Иванова Платона во сте соболях. Уплачено по ней 28 соболей, кабала на Филиппа Данилова 28 соболей, а уплачено по ней 5 соболей // [Л. 70], а смерть мне будет и тово на нём, Филиппе и достали по той кабале не имать, а выдать та кабала ему, Филиппу, безденежно за ево работу; кабала на Панфила Лаврентьева, на Третьяка Степанова в 4 соболя и по той кабале не имать, отдать без соболей на Ивана Нестерова кабала в 10-ти соболях и по той кабале не имать же, отдать безденежно, на Юрья Трофимова 2 кабалы в сороки соболях без соболя и по тем кабалам взяти половина, а другая ему, а землянину моему Дружине полукавтанье отдать дорогильное в сумеда чарки красные. На меня кабальново долгу у промышленного человека у Василья Бугра две кабалы, кабала на меня в 30-ти без дву соболя, а в подписке по мне промышленные люди Павел Максимов да Семен Иванов заи.....¹ и захребетные им даны, да кабала на меня ж у нево ж, Василья, в 20-ти соболях, да кабала на меня у Дружины Алексеева во штидесяти соболях, кабала на меня у Третьяка Курсова в трех соболях, да в подписке по Петре Василью Бугру служивому Василью 18 соболей, да в подписке по Даниле Курсову и те записи захребетные тутю же, да в подписке служивом человеке по Семене Иванове Моторе в семидесят соболях 6 человек, а те соболи шли ему, Семену, и буде та кабала мой живот задежит по той кабале роздела...¹ строитель церкви Живоначально Сергия чудотворца, да в подписке по служивом человеке, по Семене Дежнев, а подписке Онисим Костромину в 10-ти соболях//.

[Л. 71] 160-го году месяца того же розпись Мишки же Захарова всякому борошню, соболям, и сетям, и рубахам, и медному и железному, и кому что отдать, 21 соболю в суме с 5-ти соболей десятая...² чена личика бурое, да недособолишко, полтора мота предена, а на Ульскова три сети п...² пришалъници новых кропивных, пушальница крашенинная новая, две сковоротки росомачья, ожерелок зипунной вишневои, сапоги сафьянные подержаны, рубаха новая золотцом шита, рубаха пестрединная новая, вершек красной, нашивка золотная, да вершишко вишневое, пошеное штаны тафтяные, лоскут бобра, наволочка на подушку, шита золотцом, держаная, крашенинная, 2 лоскута, 6 аршин, 15 сетей в онбаре добрых й худых, части их ретки и с тех сетей дать сеть добрая служивому человеку Павлу Васильеву Кокаулину. Да в том же онбаре 4 сети пушальницы...¹ сорок и рублях Фомы Семенова и те сети на выкуп отдать 7 котлов больших и малых красной меди восьмой и зеленой меди, 3 сковороды железных, 7 топоров добрых, 2 пешнишка, 30 полиц куяшных, 6 батый малых и больших, 20 стрел в верехах и без верех, 6 свердел добрых и худых, 2 допорека худых, сетей неводных в трех сутинках новых, 2 мережи полог держаной, 3 места кочевых, снастью уледновой и испотки варечи 40 свеч восковых, ножи, припой серебряные, черен рипчатой, ножни сафьян... // сорокоустъ и в сенаник написать и имя мое и Кирила Чердынца, а у ясыря моего платье кожан ровдужей, а опушка соболя и с рядой, шуба недоростинная, опушена лапками соболями, шапка соболя, вершек парпяной, плат шитой, рубаха золотная и то платье и медная сряда, чарки и чулки тое и все как станет продавать ничево с нее не снимать и двои серги сереб-

¹ Не разбрано.

² Текст утрачен.

ряные, а коробья окованая з железом з двумя ключами отдать Семену Дежневу. Да ему ж, Семену, из моего живота дать на 16 соболей порохом 2 фунта, а что за сей розписью мелково сыщеца и то ему и принеть Анисиму и карбасы мои и собаки и 2 наемщика поить и кормить одново до Колымы, а другой до Ленского и записывать после сроку, а их собаки у них не имать, а заводы всякие то у них мои опричь напшубного и спальново платья, а пороху что есть то яз взял в поход [с] собою на государеву службу. Да еще кабала на промышленово человека на Сидора Омельянова устюжана 20 без соболя, а какие писмяные крепости сыщутца и те крепости записать и вывести в монастырь к Троице Живоначальной и в том у строителя и отпись взять, а Онисиму бы пожаловать весь мой живот отдать, как он розписан души моей грешной помочи. А какие на ково записи наемные и после сроку выдать безо всяких каверз крест серебряной и вызолоченой в коробье и тот крест отдать Семену Дежневу плетовище точенное рыбей зуб целое, да наконецки на плетовище и то отдать в монастырь же Троице, а будет ис походу здоровой придет Дружина Алексеев замленин ино и ему итти с ним же, Анисимом, к Троице Сергию чудотворцу, а пити и ясти из моего живота, а изустную положить в монастырь и розпись, а розпись писал Мишка Захаров.

[На листах 67—72/об. рукоприкладство:] *Скрепа: «К сей изустной памяти Мишка Захаров, соликамской жилаец, руку приложил».*

ЦГАДА, ф. Сибирский приказ,
№ 534, лл. 67—72¹.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
"Чрезкаменный" путь в Сибирь	20
Златокипящая государева вотчина	48
Именитые люди Строгановы	87
Покоритель Сибири	111
Великая река Лена	137
Поморские мореходы	163
Сибирские купцы и предприниматели	195
Амур-батюшка	218
У истоков Тихоокеанского флота	236
Нести культуру в "новые земли"	267
Приложение	302
Хронологическая таблица мореплавания на северо- востоке Сибири в XVII веке	302
Список предполагаемых участников морского похода С.И.Дежнева летом 1648 года.	318
Пинежский летописец	319
Челобитная XVII в.	346
Завещание XVII в.	347

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

БУЛАТОВ

Владимир Николаевич

РУССКИЙ СЕВЕР

книга вторая

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА (XV—XVII вв.)

Ответственный за выпуск *В. П. Базаркина*

Редактор *Е. Ш. Галимова*

Художник *Р. С. Климов*

Изд. лиц № 020050 от 23.12.96. Сдано в набор 22.05.98.

Подписано в печать 14.07.98.

Формат 84×108/32. Бумага писчая. Гарнитура академическая.

Печать высокая. Усл. печ. л. 18.48 Уч.-изд. л. 15.25.

Тираж 5000 экз. Заказ № 1176.

Издательство Поморского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

163006, г. Архангельск, пр. Ломоносова, 6.

Издательско-полиграфическое предприятие "Правда Севера".

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32

